Venevitinov, D.V.

ПОЛНОЕ
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА,

ИЗДАННОЕ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОРТРЕТА АВТОРА, ФАКСИМИЛЕ И СТАТЬИ
О ЕГО ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ О. И. БАКСТА.
Офицерская, № 4.

1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи доставлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. Декабря 21 дня 1861 г.

Цензоръ В. Бекетовъ.

Д. Веневитиновъ

I.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ *.

Мѣсто рожденія поэта. — Первыя впечатлѣнія его дѣтства и первоначальное воспитаніе. — Дореръ и классическая словесность. — Первые литературные опыты; занятія живописью и музыкой. — «Посланіе» къ друзьямъ; первое знакомство съ театромъ. — Вступленіе въ московскій университетъ и начало занятій философіей. — Философскій кружокъ; его значеніе и характеръ. — Рожалинъ и Кирѣевскій. — Первая любовь. — Знакомство съ Пушкинымъ. — Переѣздъ въ Петербургъ. — Разлука съ любимой женщиной и ея гибельное вліяніе. — Скептицизмъ, упадокъ силъ и признаки возрожденія. — Конечное пораженіе организма; смерть поэта.

Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ родился въ Москвѣ 14 сентября 1805 года. Общественное положеніе, избытокъ матеріальныхъ средствъ, благопріятствовали новорожденному съ первыхъ шаговъ его въ свѣтѣ. Онъ принадлежалъ по роду къ одной изъ старинныхъ дворянскихъ фамилій, по всей вѣроятности, вышедшей изъ Запорожья (въ родословной Дмитрія Владиміровича часто упоминаются *есаулы*); большое помѣстье въ Воронежской губерніи доставляло ему роскошную и изящную обстановку въ жизни, напередъ спасая отъ всѣхъ нравственныхъ искушеній бѣдности. Домъ его матери былъ однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ и почтенныхъ домовъ въ Москвѣ, и составлялъ даже нѣчто въ родѣ салона артистовъ. Сюда охотно

* Приносимъ здѣсь нашу искреннюю благодарность Ал. Вл. Веневитинову, кн. В. Ѳ. Одоевскому и А. П. В—ской, познакомившейся съ Веневитиновымъ въ бытность его въ Петербургѣ. Ихъ немногосложныя, но драгоцѣнныя указанія много уяснили намъ личность поэта. А. П.

заглядывали всѣ мѣстные и заѣзжіе художники, пѣвцы, музыканты — и подъ ихъ-то благодатнымъ вліяніемъ раскрывались, мало по малу, поэтическіе инстинкты ребенка. Мы сказали: домъ *матери,* потому что, въ раннемъ еще дѣтствѣ, Веневитиновъ, потерялъ своего отца и остался на рукахъ нѣжно-любившей его матери — Анны Петровны. Къ счастію Веневитинова, она не была похожа на классическихъ «матушекъ», пустившихъ въ свѣтъ цѣлую толпу забалованныхъ до отупленія сынковъ; но избѣгая вреднаго потворства всевозможнымъ слабостямъ дитяти, она не желала также «учить» его нравственности съ помощью избитой морали и жесткаго обращенія съ дѣтскимъ возрастомъ. Вся проникнутая духомъ теплой, непедантической религіи, она, собственнымъ примѣромъ любви и кротости, вѣрнѣй всего настраивала къ добру первые помыслы дитяти, внося въ его воспитаніе этотъ неоцѣненный женственный элементъ, такъ счастливо развивающій наилучшія стороны дѣтской природы. Подъ ея-то вліяніемъ, чуждымъ мелкихъ стѣсненій и родительской тираніи, освоился нашъ поэтъ съ тою «нравственной свободой», про которую часто говорилъ въ своихъ сочиненіяхъ. Когда ребенку минуло восемь лѣтъ, то мать, уже теряя возможность вести его впередъ одними собственными стараніями, съумѣла найти человѣка, который бы, съ такой же любовью и внимательностью, направлялъ его дальнѣйшее образованіе. Это былъ Дорёръ, отставной капитанъ французской службы, человѣкъ умный и образованный, который могъ, какъ нельзя лучше, дѣйствовать на впечатлительнаго мальчика. Дорёръ явился къ своему питомцу первымъ представителемъ науки и мысли — и нельзя не замѣтить, что многое и многое въ жизни поэта зависѣло отъ характера этой первой встрѣчи. Веневитиновъ искренно полюбилъ своего наставника, съ которымъ и началъ свои учебныя занятія. Лѣтнія поѣздки на дачу въ Кусково или Сокольники пріятно разнообразили учебную жизнь мальчика — и тамъ, на волѣ и просторѣ, рѣзвился онъ со всей неутомимостью своего возраста. Всевозможныя игры бывали имъ перепробованы; тамъ же, вѣроятно, одушевила его впервые та любовь къ природѣ, которую онъ постоянно сохранялъ въ себѣ. Часто доброму гувернеру приходилось оты-

скивать въ саду своего питомца — и звонкій голосокъ, а потомъ и книга, слетавшая съ какого нибудь высокаго дерева, давали знать о прихотливо выбранномъ мѣстѣ. Книгой этой обыкновенно была латинская грамматика: съ нея началъ Дореръ, знатокъ римской литературы, классическое образованіе мальчика. Въ параллель съ изученіемъ древней литературы, Дореръ, какъ французъ, ставилъ конечно изученіе своей родной, французской, но ни въ дѣтствѣ, ни въ позднѣйшихъ лѣтахъ, у Веневитинова не лежало сердце къ французскимъ поэтамъ. Впослѣдствіи, когда мальчикъ достигъ уже бóльшей степени зрѣлости, занятія нѣмецкой поэзіей совершенно отвлекли его отъ литературы Корнеля и Расина.

Для греческаго языка былъ найденъ, по совѣту Дорера, особый преподаватель — грекъ Бейля. Замѣчательныя способности дитяти, его, почти недѣтская, вдумчивость и внимательность, много помогали его успѣхамъ. Между греческими классиками у него скоро оказались свои любимцы: — Софоклъ и Эсхилъ — и, укрѣпившись въ познаніи языка, онъ пробовалъ даже перевести нѣсколько отрывковъ изъ «Прометея». Картина тяжелыхъ мученій этого миѳическаго героя, прикованнаго къ скалѣ за соперничество съ богами въ тайнѣ созданія, сильно затронула его воспріимчивую душу. Вѣроятно, съ этого же времени онъ полюбилъ и Платона, въ которомъ находилъ «столько же поэзіи, сколько глубокомыслія, столько же пищи для чувства, сколько для мысли». Вообще онъ скоро свыкся съ древнимъ міромъ, гдѣ, по его словамъ «мысли и чувства соединялись въ одной очаровательной области, заключающей въ себѣ вселенную, гдѣ философія и всѣ искусства, тѣсно связанныя между собою, изъ общаго источника разливали дары свои на смертныхъ». Этой чертой своего воспитанія, равно какъ и другими чертами своей кратковременной жизни, Веневитиновъ напоминаетъ намъ другаго, безвременно угасшаго поэта, Андрé Шенье. Извѣстно, что авторъ «La jeune captive» — произведенія во многомъ напоминающаго нѣжно-задумчивую музу нашего поэта — былъ сильно увлеченъ, въ ранней молодости, изученіемъ древнихъ классиковъ

Классическая жизнь была такъ цѣльна и замкнута; ея без-

смертные памятники въ литературѣ и искусствѣ исполнены такой глубокой и звучащей гармоніи, что изученіе ихъ неотразимо дѣйствуетъ на молодую, впечатлительную душу и не убивая въ ней ни одного изъ жизненныхъ элементовъ, придаетъ имъ всѣмъ гармоническое равновѣсіе. Намъ кажется, что только изъ подобнаго настроенія могли возникнуть эти, тысячу разъ повторенные, стихи:

Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывный
Отзывной пѣснью отвѣчай!

По другимъ предметамъ, нужнымъ для элементарнаго образованія, мать Веневитинова своевременно приглашала къ себѣ на домъ наставниковъ — и, такимъ образомъ, мальчикъ совершенно ускользнулъ отъ школьнаго воспитанія....

Изъ новыхъ учителей никто не имѣлъ замѣтнаго вліянія на мальчика, не исключая и учителя русской словесности. Русская литература, еще только расцвѣтавшая тогда, не могла имѣть много даровитыхъ цѣнителей, и Веневитиновъ самъ долженъ былъ заботиться объ этой части своего образованія. Изъ русскихъ писателей, онъ познакомился прежде всего съ Карамзинымъ, и «Исторія Государства Россійскаго» была съ жадностью прочтена имъ.

Объ руку съ литературными занятіями Веневитинова, шли другія, столько же освѣжающія и увлекательныя — занятія живописью и музыкой. Его разнообразные таланты и здѣсь высказали себя въ полномъ блескѣ. Позже, онъ такъ успѣлъ въ музыкѣ, что могъ свободно писать довольно трудныя композиціи, и постоянно слылъ въ кругу своихъ знакомыхъ за талантливаго музыканта. Заключительные стихи «Къ любителю музыки» показываютъ весьма ясно: какой глубокій, вдохновенный смыслъ имѣла для него поэзія звуковъ. Нѣсколько стихотвореній было въ ранней молодости переложено имъ на ноты; до насъ не дошли эти переложенія, но сохранились нѣкоторыя другія музыкальныя пьески *). Мы видѣли также

*) Одну такую пьеску видѣли мы у А. В. В—ва. Князь В. Ѳ. Одоевскій, самъ любитель и знатокъ музыки, говорилъ намъ, что Веневитиновъ былъ

одну его художническую работу (эскизъ головы Медузы) и не могли не признать въ ней смѣлости и выразительности, весьма значительныхъ при томъ маломъ упражненіи, которымъ онъ пользовался. Особенно поразили насъ живо-схваченные глаза Медузы....

И такъ, классическая словесность, музыка, живопись и поэзія — вотъ тѣ первыя вліянія, подъ которыми слагалась нравственная натура поэта. Но любовь къ размышленію, мечтательности и серьезнымъ умственнымъ трудамъ, такъ рано замѣчаемая въ нашемъ дитяти, счастливо совмѣщалась въ немъ съ самой открытой и дружелюбной веселостью, иногда переходившей въ дѣтскую рѣзвость, но никогда въ задорность и шаловливость. Позднѣе, подъ вліяніемъ многихъ печальныхъ событій въ жизни, Веневитиновъ утратилъ въ значительной степени это природное качество; но оно все-таки нерѣдко слетало къ нему, оживляя и разсѣевая его тяжелыя думы.

Съ 14-ти лѣтъ, авторскія наклонности мальчика выразились еще полнѣе: Горацій не сходилъ съ его рабочаго стола и плодомъ такой умственной дружбы были немногіе переводы въ стихахъ изъ римскаго корифея. До насъ не дошли эти первыя упражненія поэта; но за то уцѣлѣлъ другой переводъ изъ Виргиліевыхъ Георгикъ, писанный около того же времени. Какъ бы ни было мало безусловное достоинство этихъ переводовъ, но на нихъ поэтъ старательно упражнялъ свою руку, а подобные опыты никогда не пропадаютъ даромъ. Такимъ образомъ, 16-ти лѣтъ, Веневитиновъ былъ уже достаточно развитъ, чтобы написать гладкимъ и звучнымъ стихомъ маленькое оригинальное посланіе: «Къ друзьямъ». Здѣсь, помъ именемъ *друзей*, нужно разумѣть дѣйствительныхъ друзей юности поэта: подобно всякому юношѣ съ нѣжной и пылкой душою, онъ рано искалъ дружеской пріязни и первыя лица, раздѣлявшія ее, были: Скарятинъ, даровитый художникъ, умершій въ Италіи на мѣстѣ изученія искусства *) и Ѳ. С. Хомяковъ, братъ недавно-умершаго поэта.

отличный музыкантъ и читалъ всѣ теоретическія сочиненія о музыкѣ, что тогда, а особенно въ Москвѣ, было совершенною рѣдкостью.

*) Скарятинъ служилъ сначала въ военной службѣ, и въ посланіи, адресованномъ къ нему, Веневитиновъ называетъ его «драгуномъ».

Около того же вромени, написана Веневитиновымъ и «Вѣточка» переводъ изъ Грессѐ, единственное стихотвореніе, заимствованное имъ изъ французской литературы. Изъ «посланія» видно, что поэтъ успѣлъ уже полюбить свое поэтическое призваніе. «Пусть — говоритъ онъ — кто хочетъ, ищетъ славы, богатства, веселья; я и безъ нихъ счастливъ

Съ лирой, съ вѣрными друзьями».

Взглядъ, самъ по себѣ, конечно, идиллическій и, со временемъ, онъ долженъ былъ значительно измѣниться отъ вліянія новыхъ жизненныхъ вопросовъ, новыхъ требованій живой природы; но и самый буколизмъ его уже нѣсколько указывалъ на ту норму понятій, въ которой позже утвердился поэтъ. Быть можетъ, раннее изученіе Байрона (во французскихъ переводахъ) помогало развиваться этому взгляду, но самая чуткость, съ которою нашъ поэтъ прислушивался къ голосу англійскаго лирика, уже показывала въ немъ значительную душевную зрѣлость и способность внимательно задумываться надъ своими собственными ощущеніями. Подобный взглядъ сильно развивалъ природную впечатлительность поэта, сосредоточивая внутри его всѣ разнообразныя чувства, высказываемыя только вполовину, или переданныя одному дружескому сердцу. Въ примѣръ сильной впечатлительности поэта, мы сообщимъ слѣдующій, интересный случай.

Мать Веневитинова имѣла свой особенный взглядъ на театръ, въ силу котораго она не хотѣла знакомить сына со сценою раньше достиженія имъ семнадцатилѣтняго возраста. Вѣроятно, она дѣлала это въ тѣхъ видахъ, чтобы доставить ему самому несравненно бо̀льшее наслажденіе видѣть и понимать игру артистовъ, чѣмъ, видя, оставаться къ ней вполнѣ-равнодушнымъ или, что̀ всего хуже, передразнивать нимало не прожитыя чувства и положенія. Такимъ образомъ, только 17-ти лѣтъ Веневитиновъ переступилъ порогъ театра. Въ день его перваго знакомства со сценою была дана какая-то опера Россини. Пьеса необыкновенно подѣйствовала на поэта, и долго потомъ онъ твердилъ наизусть цѣлыя тирады и примѣнялъ къ себѣ различныя положенія дѣйствующихъ лицъ.

Семнадцати лѣтъ Веневитиновъ былъ уже достаточно под-

готовленъ къ слушанію лекцій въ своемъ родномъ университетѣ. Московскій университетъ, въ то время, вошелъ въ славу, представляя въ удостовѣреніе своей полезной дѣятельности имена Мерзлякова, Давыдова (И. И.), Павлова (М. Г.). Несомнѣнный талантъ перваго изъ нихъ составилъ даже эпоху въ исторіи этого университета. То поэтъ, то ученый, Мерзляковъ (А. Ѳ.) имѣлъ сильное вліяніе на слушателей: его горячая любовь къ успѣхамъ русскаго просвѣщенія, часто выражавшаяся въ увлекательной импровизаціи, много укрѣпила необходимую симпатическую связь между каѳедрой и аудиторіей, а публичныя лекціи, читанныя имъ въ 1812—16 годахъ, обратили на университетъ особенное вниманіе общества. Къ тому же и сухой классицизмъ Баттё и Лагарпа, принятый Мерзляковымъ въ основу своей профессорской и критической дѣятельности, замѣтно смягчался въ немъ психологической теоріей Эшенбурга и, всего болѣе, тѣмъ природнымъ чувствомъ изящнаго, которое нерѣдко проглядывало изъ-за механическаго построенія его ученыхъ приговоровъ. Такъ напримѣръ, не смѣя открыто бранить Хераскова, Мерзляковъ находилъ иногда возможнымъ вставлять среди похвалъ ему такія замѣчанія, которыя позволяютъ сомнѣваться въ непринужденности хвалебнаго тона *). Это странное противорѣчіе между природнымъ чувствомъ и вѣрой въ классическій догматъ приводило Мерзлякова къ фактамъ еще болѣе интереснымъ. «Чувство Мерзлякова при чтеніи произведеній Пушкина — говоритъ намъ г. Шевыревъ **) — выражалось только слезами. Читая «Кавказскаго Плѣнника», онъ, говорятъ, плакалъ. Онъ чувствовалъ, что это прекрасно, но не могъ отдать себѣ отчета въ этой красотѣ — и безмолвствовалъ ***). Но ограниченность

*) «Многіе герои Хераскова — говорилъ Мерзляковъ въ своемъ журналѣ «Амфіонъ» (1815 г.) — суть Эфемеры или лучше сказать блестящія пылинки Санхоніатона, которыя сражаются между собою въ какомъ-то темномъ мірѣ, исчезаютъ и родятся, но чрезъ это ни мало не показываютъ ни своего начала, ни сущности, ни качества».

**) Біографическій Словарь Имп. Моск. Университета. М. 1855 г. Ч. II.

***) Веневитиновъ, быть можетъ, намекаетъ на это въ своемъ разборѣ «Разсужденія» Мерзлякова: «Тотъ, кто чувствуетъ — говоритъ онъ — не всегда можетъ дать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ».

и отсталость его литературной теоріи уже вызывала противъ себя дѣятельность И. И. Давыдова въ духѣ новыхъ, болѣе широкихъ взглядовъ на искусство. На долю М. Г. Павлова выпала та же роль — вести впередъ своихъ слушателей и современниковъ, обобщивъ между ними познанія естественныхъ наукъ, выведя эти науки изъ тины педантства и мелкихъ опредѣленій на обширный путь всесторонняго развитія. Подобная роль была съ честью исполнена Павловымъ: онъ былъ одинъ изъ первыхъ шеллингистовъ въ Россіи и для него природа не была мертвой и безжизненной формулой, лишенной свѣта и теплоты. Эта замѣчательная черта профессора Сельскаго Домоводства очень ясно выразилась и въ его публичныхъ лекціяхъ (февр. 1825 г.) и въ разныхъ журнальныхъ статьяхъ, гдѣ, по привычкѣ объяснять каждый фактъ какимъ нибудь разумнымъ началомъ, онъ проводилъ «философическій взглядъ» даже на холеру, тогда еще мало разъясненную *). Но всего полнѣй міровоззрѣніе Павлова высказалось въ его извѣстной «Физикѣ» (Москва 1836 г.). «Природа — говоритъ авторъ — есть *гармоническое цѣлое,* слѣдовательно въ спискахъ ея, то есть въ наукахъ естественныхъ, должна господствовать та же гармонія: въ нихъ должно быть единство начала. Вотъ мысль, осуществленія которой я всегда желалъ. Но, между тѣмъ, въ современныхъ физикахъ, по господству въ нихъ понятій механическихъ, нѣтъ единства начала, нѣтъ даже плана науки». Сказавши это, московскій ученый сильно заботился о *планѣ* въ своемъ учебникѣ и, задавъ себѣ разъ понятіе о «силахъ природы», мало останавливался на ихъ мелочныхъ проявленіяхъ **). Бесѣды съ Павловымъ и слушаніе его лекцій, по всей вѣроятности, впервые навели Веневитинова на занятія

*) Философическій взглядъ на холеру. «Телескопъ» 1831 г.

**) Ученымъ авторитетомъ онъ полагалъ въ этомъ случаѣ знаменитаго Ге-Люссака, сказавшаго въ 1828 г., въ своихъ «Лекціяхъ физики», что «Силы природы, способныя производить безконечно разнообразныя явленія, составляютъ важнѣйшую часть въ изученіи физики.» Но понятіе о цѣлостности природы, о стройной гармоніи между всѣми ея явленіями, нашъ ученый прямо черпалъ изъ Шеллинга и Окена.

философіей, плодомъ которыхъ были извѣстныя письма къ княгинѣ А. И. Трубецкой — о философіи *).

Посѣщая университетъ, Веневитиновъ не записывался, впрочемъ, въ студенты и не обязывалъ себя къ постоянному, регулярному слушанію лекцій одного факультета. Но педагогическія бесѣды, устроенныя для всѣхъ желающихъ профессоромъ Мерзляковымъ, охотно посѣщались юношей и скоро развернули въ немъ тѣ качества хорошаго прозаика, которымъ суждено было проявиться только въ весьма немногихъ статьяхъ. Очевидцы говорили намъ, что на этихъ бесѣдахъ Веневитиновъ обращалъ на себя вниманіе, какъ своимъ яснымъ и глубокимъ умомъ, такъ и замѣчательной діалектикой своихъ доводовъ. Здѣсь же, возражая профессору, Веневитиновъ показалъ впервые ту самостоятельность взглядовъ, которую полнѣе обнаружилъ впослѣдствіи въ разборѣ разсужденія Мерзлякова: «о началѣ и духѣ древней трагедіи». Въ особенности трудно было нашему поэту согласиться съ тѣмъ, что «Жуковскій — это арабскій конь, который бросился въ каменистую степь и хромаетъ на всѣ четыре ноги» **). Года два продолжалось это *вольное* слушаніе университетскихъ лекцій — и къ его времени относятся нѣкоторыя произведенія Веневитинова: — переводъ изъ Макферсона (съ франц. текста). «Пѣснь Кольмы» и два отрывка изъ неконченной поэмы. Сюжетъ поэмы заимствованъ изъ исторіи г. Зарайска, жестоко пострадавшаго въ первое нашествіе монголовъ. Еще въ раннемъ дѣтствѣ, поэтъ былъ въ этомъ городѣ и воспользовался устнымъ преданіемъ. Говорятъ, что Зарайскій князь Өедоръ получилъ отъ Батыя предложеніе достойное азіатца: отдать ему въ наложницы свою молодую, прекрасную жену Евпраксію. Въ случаѣ несогласія, Батый грозилъ ему окончательнымъ разореніемъ удѣла. Молодой князь не испугался, однако, угрозы и, въ порывѣ благороднаго мужества, рѣшился отстоять свои супружескія права. Онъ встрѣтилъ Хана передъ стѣнами города и далъ ему роковую битву, имѣвшую одинъ конецъ со всѣми тогдашними битвами: Өедоръ былъ

*) Они были напечатаны подъ именемъ «Писемъ къ графинѣ N. N».

**) Воспоминаніе одного изъ бывшихъ слушателей Мерзлякова.

убитъ, Батый уже готовился исполнить свою ханскую прихоть. Но молодая жена не дождалась своего позора и, узнавъ о геройской смерти мужа, бросилась внизъ съ городской стѣны, вмѣстѣ съ своимъ младенцемъ. До сихъ поръ, мѣстные жители показываютъ ея мнимую или дѣйствительную могилу, не привлекательную ничѣмъ кромѣ воспоминанія.

Одно лишь темное преданье
Вѣщаетъ о дѣлахъ вѣковъ
И вѣетъ вкругъ нѣмыхъ гробовъ.... *)

Это глубоко-трагическое событіе было оцѣнено по достоинству поэтическимъ чутьемъ Веневитинова, но скоро начавшееся глубокое изученіе германской литературы отвлекло его отъ тщательной обработки этого сюжета, и дѣло окончилось двумя отрывками, случайно уцѣлѣвшими отъ истребленія. Впрочемъ, есть основаніе думать, что поэтъ нашъ и самъ почувствовалъ свое безсиліе предъ этой грандіозной темой, требовавшей не одного только внѣшняго изученія родной старины, но и глубокаго проникновенія въ духъ народа. А этотъ то духъ народности былъ тогда совершенно terra incognita, и только смутное его предчувствіе бродило въ нѣкоторыхъ умахъ. Бросивъ свою поэму, Веневитиновъ не возвращался уже болѣе въ своихъ произведеніяхъ къ событіямъ отечественной исторіи **). Сюда же прилегаютъ, по времени, «Къ друзьямъ на новый (1823) годъ», «Отрывки изъ пролога», «Смерть Байрона», «Пѣснь грека», «Любимый цвѣтъ» (посвященный сестрѣ поэта — Софьѣ Вл. В—вой) и первое посланіе къ Рожалину. Планъ «пролога» неизвѣстенъ, но самая мысль — заставить умереть Байрона въ борьбѣ за свободу чуждой націи показываетъ, что Веневитиновъ умѣлъ видѣть его въ самомъ поэтическомъ

*) Событіе это разсказано въ Исторіи Карамзина.

) Позднѣе, въ разборѣ первой пѣсни «Онѣгина» нашъ поэтъ обнаружилъ плохое пониманіе русской народности, называя «Руслана и Людмилу» произведеніемъ **народнымъ. Винить ли за это Веневитинова? Во-первыхъ, это могло быть имъ сказано, какъ комплиментъ Пушкину, въ родѣ тѣхъ, которые онъ говорилъ и Мерзлякову для смягченія рецензіи; во-вторыхъ, и самъ Пушкинъ не выходилъ тогда въ пониманіи русской народности изъ-подъ авторитета Карамзина.

свѣтѣ, какъ бойца за угнетенное человѣчество. «Пѣснь грека» навѣяна тѣмъ же предметомъ. «Любимый цвѣтъ», не смотря на изящество своего замысла, никакъ не можетъ идти въ сравненіе съ предъидущей пьесой, донынѣ сохранившей свою красоту: — произведенью этому вредитъ отсутствіе внимательной отдѣлки, небрежность нѣкоторыхъ стиховъ, происходившая оттого, что нашъ поэтъ писалъ сразу, безъ варіантовъ.

Посланіе къ Рожалину составляетъ эпоху въ юности поэта, и на немъ слѣдовало бы остановиться долѣе, чѣмъ на другихъ произведеніяхъ того же времени. На первый взглядъ, оно носитъ на себѣ признаки какого то насильственнаго байронизма, но объясняется однако тѣмъ, что поэтъ нашъ дѣйствительно былъ обманутъ однимъ близкимъ человѣкомъ, долго скрывавшимъ свой настоящій характеръ.

Оно начинаетъ собой, безъ преувеличенія, новый періодъ въ краткой жизни поэта — періодъ, о которомъ мы поговоримъ немного ниже, такъ какъ значенье Рожалина составляло только одну дѣятельную частицу въ общемъ значеніи кружка, въ который скоро вошелъ Веневитиновъ.

Университетскія занятія Веневитинова шли въ уровень съ его умственнымъ развитіемъ — и, черезъ два года послѣ первой прослушанной имъ лекціи, онъ, безъ труда, выдержалъ экзаменъ, требовавшійся тогда по указу 1809 г. для пріобрѣтенія нѣкоторыхъ преимуществъ по гражданской службѣ. Недостатокъ реальныхъ познаній поэтъ нашъ восполнилъ нѣсколько позже изученіемъ физіологіи, подъ руководствомъ извѣстнаго Лодера *). Впрочемъ изученіе реальныхъ наукъ не освободило его отъ того невольнаго мистицизма, которому подчинялись въ то время весьма образованные люди, въ томъ числѣ и нашъ знаменитый Пушкинъ. Такъ напр. Веневитиновъ, незадолго до своей смерти, въ разговорѣ съ одной молодой женщиной, мечталъ о томъ, въ какомъ видѣ предстанетъ онъ къ ней изъ-за гроба......

*) Въ анатомическомъ театрѣ ему, вѣроятно, пришла впервые мысль того романа, гдѣ анатомическія занятія играютъ весьма важную роль.

Съ окончаніемъ университетскихъ занятій, Веневитиновъ вступалъ уже въ болѣе широкую практическую жизнь. Но не шумными оргіями, не разгульнымъ самозабвеніемъ отпраздновалъ онъ свое вступленіе въ свѣтъ. Изъ всѣхъ, болѣе или менѣе блестящихъ карьеръ, открывавшихся ему по его имени и состоянію, онъ избралъ самую скромную, поступивъ на службу въ Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ *). Развитый юноша не плѣнился привольной жизнью военнаго человѣка, еще такъ заманчивой въ то время и, безъ долгихъ колебаній, предпочелъ ей скромную архивскую службу, представлявшую возможность перейти, со временемъ, въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Возъимѣвши разъ такую надежду, нашъ поэтъ мало мечталъ о служебныхъ отличіяхъ, но съ особеннымъ удовольствіемъ подумывалъ о своей будущей поѣздкѣ за границу въ русскомъ посольствѣ, (полагая, вѣроятно, что «знающій одну свою родину, прочелъ только первую страницу книги вселенной»).

Конечно, не безъ глубокаго сознанія, Веневитиновъ рѣшился на этотъ выборъ. Его «Жертвоприношеніе» говоритъ довольно убѣдительно, что и сходясь весьма близко съ прелестями разсѣянной жизни, онъ всегда умѣлъ предпочесть ей другую жизнь — трудовую и разумную. Благодѣтельное воспитаніе, которое получилъ онъ, объясняетъ вполнѣ удовлетворительно такой образъ мыслей. Нестѣсненный никогда въ своемъ нормальномъ развитіи давленіемъ грубой власти, Веневитиновъ не могъ чувствовать и того желанія закружиться, хватить черезъ край всякаго рода удовольствій, которое овладѣваетъ иногда молодымъ человѣкомъ, только что вырвавшимся на волю, получившимъ, послѣ долгой и насильственной выдержки хотя первые задатки личной свободы. Другаго рода страсти безпрепятственно овладѣли теперь юношей: онъ сдѣлался центромъ весьма замѣчательнаго литературнаго кружка, въ который вошли, между прочими, И. В. Кирѣевскій, А. И. Кошелевъ, П. С. Мальцовъ, князь Вл. Ѳ. Одоевскій, Н. М. Ро-

*) Тогда еще не было Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

жалинъ, В. П. Титовъ, С. П. Шевыревъ и Ѳ. С. Хомяковъ *). Сюда же примкнулъ и нашъ извѣстный историкъ М. П. Погодинъ, получившій уже въ то время степень магистра исторіи. Каждый вторникъ, вся названная молодежь, состоявшая большею частію изъ питомцевъ московскаго университетскаго пансіона, собиралась на домѣ къ Веневитинову — и здѣсь то довершалось умственное развитіе поэта. Философское направленіе, только что возникавшее между образованнѣйшими москвичами, преобладало въ этомъ кружкѣ.

Медленно и робко пробиралась нѣмецкая философія въ наши родные края. Кантъ уже имѣлъ въ Россіи нѣсколькихъ, впрочемъ мало замѣчательныхъ, послѣдователей, которыхъ имена сохранились, частію, въ «Словарѣ московскихъ профессоровъ» С. П. Шевырева. Въ русской журналистикѣ еще недавно возникъ вопросъ: можно ли считать Карамзина ученикомъ знаменитаго критическаго философа? Отвѣтъ, конечно, послѣдовалъ отрицательный.... Вообще говоря, философія Канта едва мелькнула на русской почвѣ, не произведя въ умахъ особенно-сильнаго и замѣтнаго движенія. Другое дѣло — философія Шеллинга, которой суждено было, въ первый разъ, создать въ Россіи довольно обширные, философско-литературные кружки. Мы не имѣемъ смѣлости писать здѣсь исторію возникновенія въ Россіи философскихъ кружковъ — предметъ, требующій отдѣльной монографіи — но должны замѣтить, что самое имя *кружка*, предполагая подъ нимъ достаточно сильную и хорошо организованную пропаганду, можетъ быть впервые присвоено только послѣдователямъ Шеллинга.

Въ Петербургѣ главнымъ представителемъ новаго ученія является извѣстный профессоръ Велланскій, въ Москвѣ — названный нами М. Г. Павловъ. Но такъ какъ Павловъ много превосходилъ Велланскаго по блеску и ясности своего изложенія, то и новое ученіе принялось успѣшнѣй въ Москвѣ, чѣмъ въ Петербургѣ. Впрочемъ, Москва какъ-то вообще склон-

*) Мы рѣшительно не знаемъ: въ какихъ отношеніяхъ находился нашъ поэтъ къ А. С. Хомякову, младшему брату Ѳ—а Ст—ча. Этотъ пробѣлъ должны пополнить владѣющіе бумагами Ал. Ст—ча.

нѣй Петербурга ко всякаго рода кружкамъ: славянская общительность и охота рѣшать всѣ дѣла *міромъ* нигдѣ такъ не развита какъ въ нашей древней столицѣ. «При первой встрѣчѣ съ вами — говорилъ Бѣлинскій въ своей «Физіологіи Петербурга и Москвы» — москвичъ непремѣнно заспоритъ и только тогда начнетъ иронически улыбаться, когда увидитъ, что ваши мнѣнія не сходятся съ мнѣніями кружка, въ которомъ онъ ораторствуетъ или слушаетъ, какъ другіе ораторствуютъ». Хотя наблюденіе Бѣлинскаго и относится уже къ позднѣйшему періоду московской жизни, но оно все же указываетъ на тѣ особенныя условія, при которыхъ умственныя вліянія принимаются въ Москвѣ особенно горячо и шумно.

Философія Шеллинга была какъ нельзя болѣе сподручна мыслящимъ членамъ русскаго, а слѣдовательно и московскаго общества. Не давая ни одного строго-опредѣленнаго вывода, но, въ замѣнъ того, открывая необозримыя духовныя перспективы, сводя прямо всю философію къ одному *внутреннему чувству,* ученіе Шеллинга совершенно отвѣчало тому зачинавшемуся броженію русской мысли, которое еще не могло отлиться въ болѣе строгія и законченныя формы Гегелевой философіи *). Веневитиновъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей своего философскаго кружка. Кромѣ силы его ума, этому способствовали и другія его качества, которыя привле-

*) Эпоха Шеллинговой философіи въ Россіи прекрасно изображена въ извѣстномъ сочиненіи кн. В. Ѳ. Одоевскаго, которому онъ далъ одно общее названіе: «Русскія Ночи». (Эти «Русскія Ночи» составляютъ первую часть сочиненій кн. Одоевскаго). «Вы не можете себѣ представить — говоритъ авторъ — какое дѣйствіе произвела въ свое время Шеллингова философія, какой толчокъ дала она людямъ, заснувшимъ подъ монотонный напѣвъ Локковыхъ рапсодій. Въ началѣ XIX вѣка, Шеллингъ былъ тѣмъ же, чѣмъ Христофоръ Колумбъ въ XV: онъ открылъ человѣку неизвѣстную часть его міра, о которой существовали только какія-то баснословныя преданія — его душу. Какъ Христофоръ Колумбъ, онъ нашелъ не то, чего искалъ, какъ Христофоръ Колумбъ, онъ возбуждалъ надежды неисполнимыя — но, какъ Колумбъ, далъ новое направленіе дѣятельности человѣка! Всѣ бросились въ эту чудную, роскошную страну: кто ради науки, кто изъ любопытства, кто для поживы. Одни вынесли оттуда много сокровищъ, другіе лишь обезьянъ да попугаевъ; но многіе и потонули». (Русск. Ночи, стр. 15. Спб. 1844 г.).

кали къ нему людей почти съ первой же встрѣчи. Его теплая, благородная душа была вполнѣ цѣнима его друзьями, а блестящее остроуміе, не вездѣ одинаково настроенное, но всегда удачно разъигрывавшееся въ пріятельскомъ обществѣ, много оживляло ихъ систематическія засѣданія. Съ любовью и глубокой грустью вспоминалъ нашъ поэтъ объ этомъ близкомъ своему сердцу кружкѣ, оторванный отъ него необходимостью.

Дружескія эти бесѣды имѣли самый разнообразный характеръ: тутъ выводились на сцену почти всѣ предметы человѣческаго вѣдѣнія, всѣ затаенныя движенія человѣческаго сердца. Мыслящіе юноши старались по всему провести свой философскій контроль:—подчинить разнородныя познанія одной стройной системѣ, свести различныя чувства въ одну гармоническую группу. Въ такой сложной и трудной работѣ, конечно не обходилось иногда безъ фразъ и излишнихъ разсужденій, но, во всякомъ случаѣ, общество молодыхъ, даровитыхъ людей, со всѣмъ жаромъ своего возраста привязанныхъ къ своимъ благороднымъ цѣлямъ, не могло вести безплодныхъ бесѣдъ и ни къ чему не ведущихъ преній. Такъ напр., мы навѣрно знаемъ, что на этихъ дружескихъ сеймахъ весьма послѣдовательно выработалась идея о необходимости такого журнала, который выполнялъ бы всѣ условія *русскаго* періодическаго изданія. Условія эти съ большою ясностью высказаны въ статьѣ Веневитинова: «нѣсколько мыслей въ планъ журнала», которая, въ видѣ програмы, была имъ прочтена на одномъ изъ литературныхъ вечеровъ. Въ ней высказывалось много свѣтлыхъ мыслей насчетъ характера русскаго просвѣщенія, русскихъ журналовъ и возникшаго отсюда «чувства подражательности, которое самому таланту приноситъ въ дань не удивленіе, но раболѣпство». Здѣсь же были прочтены Веневитиновымъ и другіе прозаическіе отрывки: «Скульптура, живопись и музыка». «Утро, полдень, вечеръ и ночь» и «Анаксагоръ». Содержаніе отрывковъ само показываетъ многосторонность и живой интересъ этихъ дружескихъ бесѣдъ, запечатлѣнныхъ вполнѣ юношескимъ характеромъ, и придавшихъ этотъ характеръ и помянутымъ отрывкамъ. Послѣдній изъ нихъ «Платонъ и Анаксагоръ»,

гдѣ высшая поэзія полагается въ философіи, для насъ интереснѣе другихъ, потому что въ немъ обнаруживаются разомъ и напряженность философскихъ занятій поэта, и сила поэтическаго дара, которымъ онъ могъ оживлять самыя отвлеченныя мысли.

Программу статьи: «Нѣсколько мыслей въ планъ журнала» взялся исполнить нѣсколько позже Московскій Вѣстникъ (изд. съ 1827 г.) *).

Веневитиновъ, по многимъ причинамъ, не могъ быть редакторомъ «Московскаго Вѣстника», но постоянно принималъ въ немъ самое дѣятельное участіе **). Его содѣйствію обязанъ былъ этотъ журналъ постояннымъ сотрудничествомъ Пушкина. Уже изъ Петербурга, Веневитиновъ просилъ въ одномъ письмѣ: «сказать искренно, что говорятъ о Московскомъ Вѣстникѣ». Въ другомъ мѣстѣ того же письма, онъ проситъ передать г. Погодину (редактору Вѣстника), что нехудо было бы пригласить въ сотрудники журнала — «Мицкевича, слывущаго за знатока литовскихъ древностей, латышскаго и древне-славянскаго языковъ». Также предлагалъ онъ «сразить въ конецъ треглавую петербургскую гидру: Пчелу, Архивъ и Сынъ Отечества», мира съ которыми, по его мнѣнію, не могло быть. «Въ полемикѣ съ Телеграфомъ онъ совѣтывалъ быть осторожнѣе, указывая на особенныя достоинства этого журнала» ***). «Скажи

*) Вотъ какъ говорилъ самъ редакторъ (М. Погодинъ) объ изданіи Московскаго Вѣстника: «Московскій Вѣстникъ издается не однимъ мною, но многими, занимающимися русской литературою, кои, бывъ движимы чистымъ усердіемъ къ общему благу, рѣшились соединить свои усилія при этомъ изданіи и принести общую жертву на алтарь отечественнаго просвѣщенія. Участвующіе въ изданіи журнала раздѣлили труды между собою: одни взяли на себя теорію изящныхъ искусствъ, другіе исторію и т. д. Мнѣ поручена редакція, т. е. я, отвѣчая за все изданіе, долженъ приводить въ порядокъ для помѣщенія въ книжкахъ доставляемыя и всѣми нами одобренныя статьи». Такимъ образомъ, редакція журнала приняла впервые на Руси коллегіальное устройство.

**) Въ нѣсколькихъ строкахъ, присланныхъ изъ Петербурга при появленіи 2-й пѣсни Онѣгина (Моск. В. 1828, № 4), Веневитиновъ прямо называетъ себя однимъ изъ издателей этого журнала.

***) По смерти его, съ 1828 г., уже завязались жаркія перестрѣлки между «Вѣстникомъ» и «Телеграфомъ».

Погодину — писалъ онъ А. В. В—нову въ письмѣ отъ 24 января 1827 г. — чтобъ онъ не скупился, прибавилъ листочекъ къ журналу, а то онъ точно въ чахоткѣ. Да что онъ не разнообразитъ его? я объ нихъ больше забочусь, чѣмъ они о себѣ». Совѣты Веневитинова, большею частію, исполнялись — и современники оцѣнили прекрасное направленіе журнала. Даже Телеграфъ, забывъ на время свою обычную строгость и сухость похвалъ, говорилъ, что «Московскій Вѣстникъ обращаетъ на себя вниманіе не одною исправностью выхода книжекъ (достоинство далеко не послѣднее въ то время), но и самымъ своимъ содержаніемъ, благонамѣренностью критики, свѣжестью статей». И такъ, мы будемъ вполнѣ правы, если бросимъ впослѣдствіи бѣглый взглядъ на всю русскую журналистику и укажемъ въ ней мѣсто этому новому органу.

Изъ всѣхъ членовъ философскаго кружка, Веневитиновъ всего болѣе сблизился съ И. В. Кирѣевскимъ и Н. М. Рожалинымъ, а изъ этихъ двухъ былъ наиболѣе близокъ къ Рожалину *). Мы имѣемъ очень мало свѣдѣній о Рожалинѣ, но судя по немногимъ сохранившимся даннымъ, онъ имѣлъ, въ началѣ своего знакомства, большое нравственное вліяніе на Веневитинова, нѣсколько подобное вліянію П. И. Катенина, игравшаго важную роль въ умственной жизни Пушкина. Умный труженикъ, знатокъ нѣмецкой и древне-классической литературы и партизанъ новаго, болѣе жизненнаго направленія въ искусствѣ, Рожалинъ скоро сталъ необходимъ для поэта, который, конечно, быстро сравнивался съ нимъ въ умственномъ развитіи. Природные инстинкты Веневитинова, отвлекавшіе его отъ застоя въ литературѣ и ложно-классическихъ авторитетовъ, были закрѣплены тщательнымъ изученіемъ Шекспира **), на котораго Рожалинъ, первый, настойчиво указалъ ему. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ отъ Рожалина только

---

*) Кромѣ того, поэтъ нашъ былъ съ дѣтства еще друженъ съ Ѳ. С. Хомяковымъ, но эта дружба, кажется, имѣла больше характеръ нѣжной привязанности, чѣмъ серьезнаго умственнаго сближенія.

**) По переводамъ Авг. Шлегеля, такъ какъ Веневитиновъ не зналъ англійскаго языка.

одни кропотливые переводы изъ нѣмецкихъ писателей; но при всемъ усердномъ труженичествѣ, составлявшемъ отличительную черту этого характера, онъ не былъ лишенъ и того поэтическаго оттѣнка, который привлекалъ къ нему Веневитинова. Полной взаимностью отвѣчалъ Рожалинъ нашему поэту и впослѣдствіи, умирая въ чахоткѣ, вспоминалъ о немъ *).

Еще меньше фактическихъ свѣдѣній имѣемъ мы о дружбѣ поэта съ И. В. Кирѣевскимъ, родоначальникомъ славянофильской школы, человѣкомъ обширнаго ума и блестящей эрудиціи. Въ первой своей юности, лѣтъ 18—19-ти, молодой Кирѣевскій считался отъявленнымъ скептикомъ и приверженцемъ французскихъ энциклопедистовъ, но вдругъ, въ душѣ, его произошла рѣшительная реакція. Эта замѣчательная психологическая черта невольно напоминаетъ намъ В. Г. Бѣлинскаго, представителя противоположнаго направленія въ литературѣ, котораго умственное развитіе шло совершенно обратнымъ путемъ.... Отказавшись навсегда отъ своего шаткаго скептицизма, Кирѣевскій безпрепятственно ударился въ мистицизмъ, который и стушевалъ въ немъ самыя блестящія стороны литературнаго таланта. Но въ этомъ мистицизмѣ у него было много мысли и неподдѣльной поэзіи; его личная натура невольно очаровывала всѣхъ своей теплою, любящей стороною—и этими-то качествами, онъ, безъ сомнѣнія, привлекалъ къ себѣ и Веневитинова, всегда откликавшагося на зовъ открытой и благородной души.... Въ свою очередь, Кирѣевскій былъ сильно привязанъ къ своему другу и высоко оцѣнилъ въ немъ, какъ его личную, безупречно-чистую натуру, такъ и быстро мужавшій литературный и поэтическій талантъ. Любопытно, въ высшей степени, прослѣдить отраженіе мыслей Кирѣевскаго въ теоріи позднѣйшихъ славянофиловъ. Философія Кирѣевскаго сильно страдала недостаткомъ осязательныхъ выводовъ, отсутствіемъ опредѣленныхъ очертаній—и, вслѣдствіе этого,

---

*) Смерть настигла его, когда онъ, больной, только что вернулся изъ-за границы, гдѣ занимался изученіемъ филологіи. Онъ умеръ уже послѣ Дм. Вл—ча и, умирая, съ любовью распрашивалъ о немъ; но отъ него скрыли смерть его друга. Рукописи Рожалина сгорѣли на станціи.

легко сжималась въ самую тѣсную и ограниченную доктрину. Замѣчательна его статья въ первой книжкѣ журнала «Европеецъ» (1832 г.)

Покончивъ съ философскимъ кружкомъ, въ которомъ Веневитиновъ былъ такимъ сильнымъ и полезнымъ дѣятелемъ,—мы перейдемъ теперь къ важнѣйшему событію въ жизни поэта, къ его первой, юношеской любви. Ученые труды и философскія бесѣды, конечно, не могли поглотить всего Веневитинова: его живая, страстная душа не могла остаться при одной жизни ума безъ жизни сердца, чтобы наконецъ представить въ юношѣ одного изъ тѣхъ раннихъ старичковъ, надъ которыми недавно такъ зло и немного ухарски подсмѣялся современный поэтъ *). Природная впечатлительность поэта не загасла въ этомъ раннемъ умственномъ развитіи — и вырвалась таки наружу въ горячей, страстной любви. Это случилось въ половинѣ 1825 г,, т. е. когда Веневитинову было около 20 лѣтъ.

Справедливо говорятъ, что въ любви познается и раскрывается вся нравственная натура человѣка: деспотъ въ душѣ, какъ напр. Пушкинскій Алеко, проявитъ весь свой грубый деспотизмъ, лѣнивый Обломовъ взглянетъ на свою страсть съ высоты своего дивана, дѣловой Штольцъ признаетъ въ любви одинъ изъ движущихъ жизненныхъ элементовъ, нѣжное и мягкое сердце потонетъ въ глубинѣ своихъ ощущеній. Въ любви, такъ пламенно, почти безумно, охватившей нашего юношу, невольно выразились какъ его собственная, изящно-благородная натура, такъ и вся нравственная подготовка, которую прошелъ онъ до встрѣчи съ любимой женщиной.

Мы еще не имѣемъ права назвать положительно имя той, которая возбудила къ себѣ такую пылкую, но дѣтски-чистую страсть; впрочемъ два стихотворенія; «Элегія» и «Италія» нѣсколько изображаютъ намъ личность любимой особы и характеръ любви къ ней Веневитинова. Изъ перваго мы узнаемъ, что она вернулась съ юга и «принесла въ очахъ цвѣтъ южнаго неба». Страсть, возбужденная ею, рисуется здѣсь уже во второмъ

*) Нов. стихотв. Бенедиктова, стр. 27.

фазисѣ своего развитія, когда, омраченная разлукою, она приняла мучительный и разъѣдающій характеръ. Самъ поэтъ называетъ свое чувство «мучительнымъ и мятежнымъ огнемъ».

Второе стихотвореніе, гдѣ поэтъ надѣется посѣтить «отчизну вдохновенья» (Италія), позволяетъ думать, что разсказы молодой путешественницы о дальней сторонѣ были свѣжи и увлекательны....

Но любимая особа была много старше и зрѣлѣе нашего поэта, не могла отвѣчать его страсти съ одинаковой искренностью и теплотою, и, наконецъ, не могла приблизить его къ себѣ до той границы, гдѣ страсть регулируется чувствомъ обладанія и вообще принимаетъ болѣе нормальные размѣры: она была замужняя женщина! Впрочемъ, она оказывала большое вниманіе своему юному обожателю и даже подарила ему на память свой перстень, который и былъ сбереженъ Веневитиновымъ до самой смерти. Но при этомъ она тщательно полагала предѣлы его дальнѣйшимъ порывамъ и даже старалась внушить ему, что счастье, вообще, не благопріятствуетъ хорошимъ людямъ и что ихъ удѣлъ — молча покоряться злосчастной судьбѣ. Впрочемъ, нашъ поэтъ не былъ особенно настойчивъ въ своихъ исканіяхъ.... и представилъ собой ужасный, хотя въ высшей степени симпатичный, примѣръ сдержанно-молчаливаго, болѣзненно-выстраданнаго чувства. Говорятъ, что натура этой женщины, недаромъ прозванной въ высшемъ кругу сѣверной Коринной, была весьма даровита и привлекательна, а потому и любовь къ ней Веневитинова продолжалась около двухъ лѣтъ; съ этой любовью Веневитиновъ сошелъ въ могилу, и, быть можетъ, она много ускорила его раннюю смерть.

Но сверхъ этого сильнаго чувства, замыкавшаго собой всю нравственную жизнь поэта, московская жизнь подарила его знакомствомъ съ А. С. Пушкинымъ, который пріѣзжалъ въ 1826 году, по особымъ причинамъ, въ Москву. Еще живши въ Тригорскомъ, Пушкинъ узналъ Веневитинова по разбору первой пѣсни Онѣгина, написанному имъ въ протестъ противъ критики Телеграфа. По пріѣздѣ въ Москву, Пушкинъ съ живостью, такъ ему свойственной, объявилъ г. Соболевскому, у котораго на время остановился, свое желаніе позна-

комиться съ авторомъ. «Это единственная статья — говорилъ А. С. — которую я прочелъ съ любовью и вниманіемъ. Все остальное — или брань, или переслащенная дичь» *). (По поводу этой статьи, Веневитиновъ вступилъ въ довольно жаркую полемику съ Полевымъ). Въ домѣ Соболевскаго Пушкинъ познакомился съ Веневитиновымъ, устроивъ литературную вечеринку для прочтенія Бориса Годунова и пригласивъ къ ней нашего поэта. Въ домѣ Веневитиновыхъ происходило на другой день вторичное чтеніе той же пьесы. Геніальный поэтъ не могъ не замѣтить въ Веневитиновѣ тѣхъ особенныхъ достоинствъ, которыя такъ влекли къ нему всѣхъ людей, знавшихъ его, — и между ними весьма скоро началась довольно тѣсная дружба. Вотъ что говоритъ объ ихъ сближеніи извѣстный біографъ Пушкина, П. В. Анненковъ: «Веневитиновъ принадлежалъ къ тому кругу молодыхъ людей, которые искали въ наукѣ и въ строгихъ занятіяхъ удовлетворенія своему благородному стремленію къ идеалу, добру и красотѣ. Вся его литературная дѣятельность проникнута этимъ стремленіемъ, и онъ имѣлъ свою долю вліянія на Пушкина.... Въ порывахъ Веневитинова къ истинѣ, въ его томительномъ желаніи полноты знанія, даже въ нравственномъ упадкѣ силъ, слѣдующемъ за напряженіемъ мысли и чувства, лежало много залоговъ будущности и развитія. За нѣсколько времени до смерти своей, Веневитиновъ написалъ «Посланіе Пушкину», въ которомъ призывалъ пѣвца Байрона и Шенье — воспѣть великаго германскаго старца Гёте, и Пушкинъ, въ то же время, создалъ превосходную сцену, названную имъ: «Новая сцена между Фаустомъ и Мефистофелемъ», гдѣ онъ измѣнилъ отчасти образы германскаго поэта.» (Матер. для біогр. Пушк., стр. 184—5). Конечно, и для Веневитинова не осталось безплоднымъ это кратковременное знакомство. Изъ «Посланія къ Пушкину» видно, что нашъ поэтъ былъ сильно увлеченъ талантомъ своего новаго друга.

Вскорѣ однако приблизилось для Веневитинова время разлуки съ Москвой и милой особой, жившей тамъ. Въ Канце-

---

*) Слова эти переданы намъ А. В. В—мъ.

ляріи Коллегіи Иностран. Дѣлъ (въ Петербургѣ) открылась вакансія — и въ началѣ октября 1826 г. нашъ поэтъ отправился туда съ прежней любовью и вновь начатымъ романомъ, отъ котораго сохранились нѣсколько отрывковъ и планъ этого произведенія, расказанный въ предисловіи къ первому изданію сочиненій Веневитинова. Бутеневъ становился въ Петербургѣ его ближайшимъ начальникомъ; Ѳ. С. Хомяковъ и французъ Воше, только что вернувшійся изъ Сибири, куда онъ сопровождалъ княгиню Трубецкую, были попутчиками Веневитинова въ дальней и скучной поѣздкѣ — дальней потому, что тогда еще не было желѣзной дороги, такъ ускоряющей сообщеніе между двумя столицами. Компанія Воше была причиною особенныхъ приключеній въ этомъ переѣздѣ: какъ человѣкъ, состоявшій въ близкихъ сношеніяхъ съ семействомъ ссыльнаго князя, онъ бросалъ подозрительную тѣнь на самаго Веневитинова, который и былъ задержанъ подъ арестомъ на цѣлую недѣлю. Черезъ чуръ прямой и рѣшительный отвѣтъ Веневитинова на нѣкоторые предложенные ему запросы усложнилъ было дѣло, но оно скоро окончилось по самой пустотѣ своего предлога. Проѣздомъ чрезъ Новгородъ, Веневитиновъ вдохновился его грустной судьбой и написалъ стихотвореніе названное именемъ вольнаго города «Новгородъ».

«Москву оставилъ я какъ шальной — писалъ Веневитиновъ изъ Петербурга — не знаю, какъ не сошелъ съ ума». На просьбу своего корресподента — описать ему Петербургъ, онъ отвѣчалъ, что «описывать Петербургъ не стоитъ. Хотя Москва и не даетъ объ немъ понятія, но онъ говоритъ болѣе глазамъ, чѣмъ сердцу» *). Любуясь Казанскимъ Соборомъ, поэтъ находилъ въ себѣ склонность къ набожности: «я люблю, говоритъ онъ, церковь огромную и довольно величественную». Чувство изящнаго и необходимость сильнаго утѣшенія, заодно развивали въ немъ эту склонность...... Таврическій Дворецъ, съ своей знаменитой залой и садомъ, скоро сдѣлался предметомъ частыхъ посѣщеній поэта; особенно нравилась ему группа Лаокоона. Нева *плѣняла* его, и это чувство онъ спѣшилъ за-

*) Выписки эти мы дѣлаемъ изъ подлинныхъ писемъ Д. В. Веневитинова.

явить въ стихотвореніи: «Къ моей богинѣ». Отсюда мы узнаемъ, что не разъ прогуливался нашъ поэтъ по берегамъ *тихоструйной рѣки*, вспоминая Москву и виновницу того чувства, которое теперь отравлялось разлукой. «Обѣдаю за общимъ столомъ у Andrieux — писалъ онъ своему брату. Тамъ собираются говоруны и умники Петербурга. Я, разумѣется, молчу и нужно прибавить, что я сталъ очень молчаливъ, съ тѣхъ поръ, какъ тебя оставилъ». Здѣсь поясняется одна, коренная черта въ характерѣ Веневитинова: онъ не былъ «говоруномъ», не любилъ словесныхъ турнировъ, на которые иной боецъ задолго запасаетъ стрѣлы и копья, и только съ близкими людьми могъ вступать въ живой, одушевленный разговоръ. Въ этомъ случаѣ, онъ былъ, всегда, вѣренъ тому идеалу человѣка, который самъ начерталъ въ стихотвореніи: «Поэтъ». Ему трудно было насиловать себя въ разговорѣ и говорить о вещахъ, совершенно чуждыхъ; тѣмъ больше не дозволялъ онъ себѣ ложныхъ и крикливыхъ восторговъ, которые строго осудилъ въ стихотвореніи; «къ любителю музыки». Въ обществѣ дамъ, преимущественно такихъ, которыя могли, сколько нибудь, затронуть въ немъ поэтическое чувство, эта особенная черта его характера выражалась въ крайней несмѣлости и застѣнчивости обращенія. Одна дама, знавшая Веневитинова въ Петербургѣ, разсказывала намъ: какъ нелегко было усадить молодаго поэта рядомъ съ красивой и симпатичной, но еще мало знакомой ему женщиной, какъ внезапно сказывалось это пріятное сосѣдство во всей фигурѣ юноши: въ робости его движеній, въ смягченныхъ звукахъ голоса, въ умныхъ и ласковыхъ глазахъ. Сюда примѣшивалось впрочемъ и другое свойство поэта — его почти-дѣтская стыдливость, которая доходила до того, что посылая своему брату стихотвореніе «Домовой», гдѣ говорится только намекомъ о ночныхъ похожденіяхъ сельской красавицы, поэтъ убѣдительно просилъ его «не показывать этой пьески въ дамскомъ обществѣ».

Разставшись съ любимой женщиной, Веневитиновъ еще больше замкнулся въ самомъ себѣ, еще рѣже дозволялъ себѣ обнаруживать свои чувства. Всѣ привязанности сердца, всѣ воспоминанія молодости, влекли его въ покинутый городъ, и

онъ, съ полнымъ правомъ, указывалъ на себя Рожалину, какъ на жертву «многолюдной пустыни, не населенной ни единой душою». Въ письмахъ къ одному близкому лицу, онъ часто просилъ передать поклонъ любимой особѣ или нѣкоторые изъ своихъ стиховъ. Въ Петербургѣ, онъ встрѣтилъ одну, тоже весьма привлекательную женщину, но сердце его уже не было свободно и онъ говорилъ, что «любуется ей какъ Ифигеніей въ Тавридѣ, которая, мимоходомъ сказать, прекрасна». Спасаясь отъ горестныхъ воспоминаній, онъ думалъ развлечь себя петербургскими маскарадами, самъ ѣзжалъ замаскированный къ своимъ знакомымъ (при чемъ всегда былъ узнаваемъ по необыкновенно-массивнымъ ступнямъ), — но все это нимало не усыпляло его жгучей боли, и на него находили даже минуты полнѣйшаго отвращенія къ жизни. Изъ всѣхъ знакомствъ, заведенныхъ Веневитиновымъ въ новомъ мѣстѣ, знакомство съ Гр. Л., Дельвигомъ и Козловымъ были для него пріятнѣйшими. Въ домѣ Гр. Л. онъ чаще всего проводилъ время, свободное отъ службы и литературныхъ занятій. Дельвигъ, благодаря своей прямой, честной натурѣ, «привлекавшей его къ возвышеннымъ пѣвцамъ», скоро сдѣлался любимымъ собесѣдникомъ Веневитинова, и нерѣдко проводили они вмѣстѣ цѣлые вечера, «напѣвая пѣсни и швыряя другъ въ друга стихами». Здѣсь кстати замѣтить, что въ минуту увлеченія поэтъ нашъ былъ самымъ счастливымъ импровизаторомъ и часто даже сочинялъ цѣлую шутливую пьесу на того, кто затрогивалъ въ немъ сатирическую жилу.

Кромѣ Дельвига, нашлись и другіе претенденты на дружбу поэта. Два журналиста «увивались около него, какъ около липки» (по выраженію письма Веневитинова), но скоро однако потеряли надежду «добыть отъ него меду».

«Я дружусь съ моими дипломатическими занятіями» — писалъ Веневитиновъ въ декабрѣ 1826 г., пригоняемый къ нимъ горечью своей внутренней жизни. «Молю Бога, чтобы поскорѣе былъ миръ съ Персіей: хочу отправиться туда и на свободѣ пѣть съ восточными соловьями». Судьба не дала ему дожить до той печальной катострофы, которой вскорѣ подверглось наше персидское посольство: она уже готовила ему болѣе ран-

нюю, но мирную смерть. — Таланты молодаго человѣка и его усердіе къ службѣ были скоро замѣчены Гр. Лавалемъ, поручавшимъ его перу самыя важныя бумаги. По его же приглашенію, Веневитиновъ разбиралъ сцену изъ Бориса Годунова, назначая свой разборъ въ Journal de St.-Petersbourg (Analyse d'une scène détachée de la tragédie de Mr. Pouchkin); но еще нерѣшенная въ то время участь Пушкина помѣшала этой статьѣ явиться въ полуоффиціальной газетѣ. Когда же пронесся слухъ, что г. Улыбышевъ собирается бранить эту сцену, то Веневитиновъ надѣялся опять приняться за перо. «Я очиню перышко — говорилъ онъ — и мы перевѣдаемся».

«Не смотря на множество занятій — сообщалъ онъ въ декабрьскомъ письмѣ — я все таки нахожу время писать». Время онъ дѣйствительно находилъ: бо̀льшая и лучшая часть его произведеній написана имъ въ эту пору, что̀ обѣщало въ немъ значительно-плодовитаго писателя. Сюда относятся: «Поэтъ», первое стихотвореніе, присланное имъ изъ Петербурга и всѣ стихотворенія, помѣщенныя въ старомъ изданіи послѣ него. Характеръ этихъ произведеній весьма замѣчателенъ: въ нихъ вполнѣ выразились тѣ внутреннія боренія, тотъ невольный скептицизмъ и временная апатія къ жизни, которымъ суждено было вторгнуться въ мирную и невозмущаемую жизнь поэта. Къ несчастной любви, какъ къ одному сборному пункту, присоединились всѣ прежнія, едва зачинавшіяся сомнѣнія, всѣ неудовлетворенные вопросы ума, поднявшіеся, кажется, еще во время изученія анатоміи (слабый намекъ на это мы находимъ въ программѣ неоконченнаго романа); словомъ, все то, что нарушаетъ дѣтски-чистыя вѣрованія, принося въ замѣнъ ихъ или вѣчную душевную пустоту или новыя, уже болѣе строгія и закаленныя убѣжденія. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, «Жизнь», Веневитиновъ прямо говоритъ, что жизнь *опостылѣла* ему, и что ея загадка уже становится ему скучна, какъ повторяемая сказка на сонъ грядущій. Въ другомъ «Поэтъ и другъ», онъ влагаетъ въ уста друга скептическую рѣчь о ничтожествѣ загробной славы. «Что за гробомъ — то не наше» говоритъ другъ, встрѣчая впрочемъ возраженія со стороны поэта.

Но рядомъ съ этими признаками нравственнаго упадка мы встрѣчаемъ, въ его произведеніяхъ, другіе звучные и могучіе аккорды, которые ясно указывали: какой свѣтлый и сильный характеръ долженъ былъ выработаться въ поэтѣ изъ этого хаоса тревожныхъ сомнѣній. Всего замѣчательнѣй въ этомъ отношеніи стихотвореніе, начинающееся такъ:

Я чувствую, во мнѣ горитъ
Святое пламя вдохновенья....

Въ немъ какъ бы предчувствовалось освобожденіе поэта отъ всѣхъ исключительныхъ привязанностей, въ пользу свѣтлой, глубоко-поэтической созерцательности. Онъ уже недоволенъ однимъ узкимъ чувствомъ, стѣсняющимъ его нравственный горизонтъ, но хочетъ обнять всю природу и въ свободномъ вдохновеніи воспроизводить каждый ея фактъ, достойный творческаго воспроизведенія. Но эти полные и стройные звуки заглушались пока воплями растерзаннаго сердца, которые вылились особенно сильно въ двухъ пьесахъ: «Завѣщаніе» и «Къ моему перстню»

Стихотвореніе «Поэтъ и другъ», написанное Веневитиновымъ незадолго до своей смерти, подъ вліяніемъ какого-то пророческаго предчувствія, должно остановить на себѣ все вниманіе біографа. Здѣсь, въ лицѣ Поэта, мы узнаемъ самаго Веневитинова въ сокровеннѣйшихъ движеніяхъ его сердца. Вспомнимъ строфу:

Душа сказала мнѣ давно:
Ты въ мірѣ молніей промчишься,
Тебѣ все чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься!

Но поэтъ твердо вѣруетъ, что

Тому, кто жребій довершилъ,
Потеря жизни не утрата....

Пьеса: «Земная участь и апоѳеоза художника», хотя заимствована у Гёте, но также рельефно рисуетъ душевное настроеніе поэта. Въ ней замѣтно пробивается оттѣнокъ неудовлетвореннаго чувства. Въ концѣ пьесы, художникъ говоритъ музѣ, показывая на своего ученика:

Молю тебя, подруга не земная,
Здѣсь на землѣ не забывай его.

Пока уста дрожатъ еще лобзаньемъ,
Пока душа волнуется желаньемъ —
Да вкуситъ онъ вполнѣ твою любовь!
Вѣнокъ ему на небѣ уготовь,
Но здѣсь подай сосудъ очарованья,
Безъ яда слезъ, безъ примѣси страданья!

Въ февралѣ 1827 г. мы застаемъ Веневитинова за новой работой, которой, по словамъ его письма, рѣшался весьма важный вопросъ: «долженъ ли онъ слѣдовать влеченію къ поэзіи или побороть въ себѣ эту страсть»? къ сожалѣнію, мы рѣшительно не можемъ сказать: какому это произведенію выпадала такая важная роль въ жизни поэта? Романъ, начатый Веневитиновымъ въ Москвѣ, тоже подвигался впередъ. Изъ отрывка, уцѣлѣвшаго отъ этого романа, мы видимъ еще яснѣе, что для поэта проходила уже пора безотчетныхъ мученій любви. Усиленная работа мысли, укрѣпленной и направленной опытомъ, уже привела его къ рубежу юношеской страсти — строгой наблюдательности и безъисключительному анализу всякого чувства. Поэтъ уже не удовлетворялся «первымъ идеаломъ своимъ, тѣмъ образомъ, въ который выливалъ всю душу» и ясно провидѣлъ третью эпоху жизни, которую назвалъ «Эпохой думъ». Но физическія силы поэта, какъ ни были значительны, не вынесли такой жгучей внутренней работы и сломились въ ожиданьи обновляющаго кризиса. За мѣсяцъ до кончины поэта, г. Стурдза видѣлъ на его лицѣ признаки органическаго разрушенія: «я видѣлъ Веневитинова — говорилъ онъ впослѣдствіи Ѳ. Хомякову — и съ первой же встрѣчи призналъ въ немъ необыкновенныя дарованія, но тутъ же замѣтилъ я на его лицѣ признаки скорой смерти». Еще бѣдный поэтъ мечталъ о поѣздкѣ въ Маѣ мѣсяцѣ въ Ревель и Финляндію, какъ вдругъ неотразимая болѣзнь уложила его въ постель. Ближайшимъ поводомъ къ этой болѣзни было слѣдующее обстоятельство. Веневитиновъ жилъ въ домѣ В. С. Ланскаго (въ верхнемъ этажѣ надворнаго флигеля) и былъ хорошо принятъ въ семействѣ своего домохозяина. Разъ у Л-хъ устроился маленькій вечеръ съ танцами, на который приглашенъ былъ и Веневитиновъ. Послѣ танцевъ, въ которыхъ принималъ большое участіе, — поэтъ нашъ не поостерегся и, распотѣвши, перебѣжалъ черезъ дворъ въ свою квар-

тиру, въ едва накинутой шинели. Въ это время, ночью, стоялъ большой холодъ, съ примѣсью обычной въ Петербургѣ сырости— и балтійскій климатъ наградилъ жесточайшимъ тифомъ неосторожнаго новичка *). Жестокая болѣзнь продолжалась, по показанію однихъ писемъ, до 5-и, а по другимъ даже до 9-и дней. Докторъ Раухъ, славный въ то время въ Петербургѣ, лечилъ больнаго, но безъ успѣха, и 15-го марта 1827 г. Веневитиновъ скончался на рукахъ Ѳ. Хомякова и другихъ близкихъ людей. Передъ смертью, Веневитинова всего болѣе мучило то, что онъ не могъ писать къ нѣжно-любимой имъ матери. «Ахъ, Боже мой! какъ я виноватъ передъ матушкой: не могу двухъ строкъ написать!» повторялъ онъ неоднократно.

Вѣсть о его смерти поразила ужасомъ всѣхъ его родныхъ и знакомыхъ. Просмотрѣвъ различныя письма, писанныя по этому печальному поводу и исполненныя, почти одинаковой скорби и горечи, нельзя не убѣдиться, что только глубокочестная, любящая и обаятельная душа могла возбудить такія сходныя чувства. Отъ матери долго скрывали ея потерю, Хомяковъ (Ѳ. С.) заболѣлъ отъ горести. Выражая свою любовь къ покойному, одна дама писала, что «это чувство невольно сообщалось всѣмъ знавшимъ его». «Душа разрывается — писалъ кн. Од. — я плачу, какъ ребенокъ!» Тѣло Веневитинова было перевезено въ Москву, и вотъ какой эпитафіей почтилъ его старикъ-Дмитріевъ:

Здѣсь юноша лежитъ подъ хладною доской, —
Надъ нею роза дышетъ —
А старость дряхлою рукой
Ему надгробье пишетъ!

На могильной плитѣ (въ Симоновомъ монастырѣ) вырѣзана краткая надпись: «Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!»

Comment donc vous l'avez laissé mourir? (какъ вы допустили его умереть?), съ горестью, говорилъ Пушкинъ друзьямъ покойнаго....

---

*) Свѣдѣніе это, а равно и предсмертныя слова Веневитинова, переданы намъ Кн. Вл. Ѳ. Одоевскимъ, который часто навѣщалъ поэта во время болѣзни.

II.

Смерть Веневитинова, уже привлекшаго къ себѣ живое сочувствіе публики, была встрѣчена въ литературѣ самыми искренними и глубокими сожалѣніями. Въ «Московскомъ Вѣстникѣ» (1827 г. № VII), въ выноскѣ, слѣдовавшей за стихотвореніемъ: «Поэтъ и Другъ», было сказано отъ имени издателей журнала: «Горькими слезами омочили мы это стихотвореніе. Незабвенный другъ нашъ, чудеснымъ образомъ, предрекъ свою судьбу. Черезъ недѣлю послѣ отправленья изъ Петербурга этого стихотворенія, онъ (на 22-мъ году отъ роду) занемогъ нервическою горячкою, которая въ восемь дней свела его въ могилу *). Оставшіяся его сочиненія показываютъ: чего должны были ожидать отъ него науки и отечество. Друзьямъ его не имѣть уже полнаго счастія».... Можно вполнѣ повѣрить искренности этихъ послѣднихъ словъ, подтверждающихъ только то вліяніе и значеніе Веневитинова въ своемъ кружкѣ, которое старались мы изобразить въ нашемъ біографическомъ очеркѣ. Два года спустя, это чувство горячей любви и уваженія къ усопшему поэту выразилось еще горячѣй и восторженнѣй въ статьѣ И. В. Кирѣевскаго (Денница 1830 г. Обозр. слов. за 1829 г.).

«Среди молодыхъ русскихъ поэтовъ — говорилъ авторъ — напитанныхъ великими идеями германскихъ писателей, болѣе всѣхъ блестѣлъ и отличался покойный Д. В. Веневитиновъ, котораго стихотворенія вышли въ 1828 г. Его желаніе исполнилось: прочтя немногое, что осталось намъ послѣ него, кто не скажетъ съ чувствомъ восторга и печали:

Какъ я люблю его созданья!...

Веневитиновъ созданъ былъ дѣйствовать сильно на просвѣщеніе своего отечества, быть украшеніемъ его поэзіи и, можетъ

---

*) Свѣдѣнія эти несовсѣмъ точны.

быть, создателемъ его философіи. Кто вдумается съ любовью въ сочиненія Веневитинова, кто въ этихъ разнородныхъ отрывкахъ найдетъ слѣды общаго имъ происхожденія, кто постигнетъ глубину его мыслей, связанныхъ стройной жизнью души поэтической — тотъ узнаетъ философа, проникнутаго откровеніемъ своего вѣка, тотъ узнаетъ поэта глубокаго и самобытнаго, котораго каждое слово освѣщено мыслью, каждая мысль согрѣта сердцемъ».

Но не одна только дружба бросила благодарственные цвѣты на эту раннюю могилу: почти всѣ современные журналы, не исключая и «Телеграфа», забывшаго на этотъ разъ свою личную ссору съ покойнымъ авторомъ, спѣшили выразить свое уваженіе къ необыкновеннымъ дарованіямъ Веневитинова. Одинъ изъ лучшихъ критиковъ своего времени, Н. И. Надеждинъ, такъ говорилъ о немъ въ «Телескопѣ», при выходѣ второй (прозаической) части его сочиненій (Телеск, 1831 г.): «Незабвенный юноша былъ созданъ поэтомъ и душа его, рано угадавшая свое призваніе, высказала себя мелодическими прелюдіями, которымъ судьба, по неисповѣдимымъ своимъ совѣтамъ, не дали разрѣшиться въ полную гармонію. Но и тѣхъ недоконченныхъ звуковъ, которые первенцами срывались съ его дѣвственной лиры, слишкомъ достаточно, чтобы дать почувствовать цѣну утраты, понесенной съ его преждевременной смертью. Веневитиновъ обѣщалъ въ себѣ то блаженное соединеніе свѣта и теплоты, ту гармонію красоты и истины, которая одна составляетъ печать истинной поэзіи».

Отзывъ Надеждина, какъ и всѣ современные ему и затѣмъ позднѣйшіе отзывы, составляетъ только слабое повтореніе мысли Кирѣевскаго, высказанной со всѣмъ искреннимъ увлеченіемъ любящаго сердца. Чтобы дать полную силу и стойкость такому отзыву, до сихъ поръ недоставало только *одного* — и самаго главнаго: желанія прослѣдить умственное развитіе поэта по тѣмъ немногимъ, но цѣннымъ отрывкамъ, которые сохранились въ изданіи его сочиненій, поставить на видъ тѣ малозамѣченныя красоты его поэтическихъ произведеній, которыя прошли безъ особаго вниманія по причинѣ своей немногочисленности и разрозненности. При внимательномъ изу-

ченіи немногочисленныхъ произведеній Веневитинова, намъ легко убѣдиться, что нихъ краткость и отрывочность не мѣшаютъ найти слѣды общаго, присущаго имъ духа, что этихъ необильныхъ матеріаловъ достаточно для спокойной и непреувеличенной оцѣнки одного изъ передовыхъ людей своего времени. Начнемъ съ прозы. Въ этомъ отдѣлѣ, кромѣ незначительныхъ отрывковъ, о которыхъ мы упомянули въ біографическомъ очеркѣ, мы находимъ: «Письмо о философіи», «нѣсколько мыслей въ планъ журнала», критическую статью о Борисѣ Годуновѣ (на франц. языкѣ), критическій разборъ «Разсужденія» Мерзлякова, приложеннаго къ его «Переводамъ и Подражаніямъ» (Москва, 1825 г.), наконецъ разборъ 1-й пѣсни Евгенія Онѣгина, писанный по поводу мнѣнія о ней Телеграфа (Телегр. 1825 г. № 5), откуда и возникла весьма интересная полемика между Веневитиновымъ и Полевымъ — полемика, къ сожалѣнію, невошедшая въ собраніе сочиненій Веневитинова (Телегр. 1825 г. № XV и Сынъ Отеч. 1825 г. № XXIV). Въ нашемъ «Очеркѣ» мы старались показать, что поэтъ нашъ былъ однимъ изъ сильныхъ двигателей философскаго образованія въ Россіи, что онъ составлялъ собой центръ перваго философскаго *кружка* въ Россіи, имѣвшаго немаловажное вліяніе на общество и что, наконецъ, въ немъ самомъ философскія воззрѣнія совершенно лишились своей догматической отвлеченности, войдя, такъ сказать, въ самую ткань его жизни. Эта послѣдняя мысль, какъ нельзя лучше, подтверждается въ письмѣ о философіи и въ отрывкѣ, носящемъ названіе: «Платонъ и Анаксагоръ». «Письмо о философіи» представляетъ намъ замѣчательный примѣръ ясности изложенія: такъ могъ говорить только тотъ, кто, дѣйствительно претворилъ въ свою плоть и кровь отвлеченныя воззрѣнія философіи.

«Начиная свои письма, говоритъ Веневитиновъ, я прошу васъ не забывать одного условія — и вотъ оно: если я на одну минуту перестану быть яснымъ, то изорвите мои письма, запретите мнѣ писать объ этомъ предметѣ.» Эта послѣдняя фраза рисуетъ намъ весь характеръ письма: она такъ рѣшительна, въ ней столько любви къ дѣлу и увѣренности въ силѣ и прозрачности философскаго ученія, что ею, по спра-

ведливости, можно начать новый періодъ философской пропаганды въ Россіи.

Въ этомъ «Письмѣ», конечно, далеко не исчерпана вся сущность философіи: — оно далеко не претендуетъ на такую громадную роль, но оно заслуживаетъ всего нашего вниманія, какъ первый удачный опытъ свести философію съ ходуль педантизма и нѣмецкой терминологіи. Изъ всѣхъ сложныхъ опредѣленій философіи, авторъ выбралъ одно, простѣйшее и наиболѣе доступное для пониманія тогдашняго общества и изложилъ его такъ просто, логично и послѣдовательно, что мы, съ нѣкоторымъ удивленіемъ, вспомпнаемъ годъ появленія статьи (она написана въ 1825 году), когда философія была еще у насъ совершенной Изидой, подъ самымъ непрозрачнымъ покрываломъ, и выражалась тяжелымъ языкомъ д-ра Велланскаго. Въ своихъ послѣдующихъ письмахъ, Веневитиновъ хотѣлъ представить весь сжатый курсъ философіи, хотѣлъ показать: какъ всѣ науки сводятся на философію и изъ нея обратно выводятся»; при этомъ онъ, по всей вѣроятности, нечувствительно раздвигалъ бы и самое опредѣленіе философіи. Судьба не дозволила ему окончить этотъ полезный трудъ популяризированія философскихъ понятій, но его увѣренность въ ихъ несомнѣнномъ, хотя и отдаленномъ, торжествѣ надъ всѣмъ нравственнымъ міромъ внушила ему слѣдующія строки: «Вѣрь мнѣ — говоритъ Платонъ въ названномъ нами отрывкѣ «Платонъ и Анаксагоръ» — она снова будетъ, эта эпоха счастія, о которой мечтаютъ смертные. Нравственная свобода будетъ общимъ удѣломъ: всѣ познанія человѣка сольются въ одну идею о человѣкѣ, всѣ отрасли наукъ сольются въ одну науку самопознанія. Что до времени! Насъ давно не станетъ, но меня утѣшаетъ эта мысль. Умъ мой гордится тѣмъ, что ее предузнавалъ и, можетъ быть, ускорилъ будущее. Тогда пусть сбудется древнее египетское пророчество: пусть солнце поглотитъ нашу планету, пусть враждебныя стихіи расхитятъ разнородныя части ее составляющія! Она исчезнетъ, но, совершивъ свое предназначеніе, исчезнетъ какъ ясный звукъ въ гармоніи вселенной.»

То же философское настроеніе, то же пылкое, юношеское

желаніе — оживотворять идеей всякое человѣческое дѣло и начинаніе, видны въ журнальной и критической дѣятельности Д. В. Веневитинова. Мы уже говорили, что идея основанія «Московскаго Вѣстника» принадлежитъ нашему поэту, и что онъ положилъ огромную долю своего вліянія въ послѣдующее осуществленіе этой мысли. Еслибъ мы не знали навѣрное, что статья Веневитинова именно служила программой «Московскаго Вѣстника», то нетрудно было бы убѣдиться въ этомъ, сличивъ ее съ характеромъ и содержаніемъ самаго журнала. Тѣ же попытки поставить критику на твердыя эстетическія основанія, изведя ее изъ хаоса романтическихъ бредней, то же намѣреніе основательно познакомить публику съ лучшими произведеніями иностранной, въ особенности нѣмецкой литературы, то же дѣленіе журнала на части: *теоретическую* и *практическую* (см. объявленіе о Моск. Вѣд. въ Сѣв. Пч. 1826 г. въ концѣ года), наконецъ то же постоянное стремленіе охватывать частные случаи одной всеобъемлющей идеей — вотъ существенныя принадлежности этого журнала. Явленіе же «Московскаго Вѣстника» мы считаемъ на столько серьезнымъ и многозначительнымъ въ русской литературѣ, что для внимательной его оцѣнки, должны дозволить себѣ нѣкоторое отступленіе и бросить бѣглый взглядъ на все развитіе журналистики въ Россіи.

Лирика и сатира — суть двѣ существенныя стороны нашей литературы 18-го вѣка, не считая здѣсь драмы, которая была тогда явленіемъ внѣшнимъ и случайнымъ *). Въ лирикѣ и сатирѣ видна уже разумность ихъ появленія въ русской литературѣ: ода выражала патріотическіе восторги Петровыхъ послѣдователей, славила побѣды русскаго оружія, отзывалась на успѣхи реформы; сатира помогала дѣлу преобразованія болѣе или менѣе рѣзкими нападками на пороки современнаго общества. Кантемиръ явился у насъ первымъ, по времени, представителемъ сатирическаго направленія русской литературы, но всего полнѣе и многостороннѣе направленіе это выразилось въ дѣятельности другаго извѣстнаго писателя — А. П. Сумарокова. Плодовитый авторъ, Сумароковъ писалъ комедіи,

*) Сумароковъ и современная ему критика. Н. Булича. Спб. 1854 г.

сатиры, басни; думалъ соперничать съ Вольтеромъ въ силѣ и ѣдкости своей насмѣшки, и, наконецъ, много содѣйствовалъ развитію русской журналистики. Говоря фактически, русская журналистика началась еще изданіемъ Миллера: «Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія», которое и продолжалось, мѣняя названія, съ 1755 по 1764 годъ. Уже по примѣру Миллера, Сумароковъ издавалъ въ 1759 г. свою «Трудолюбивую Пчелу», — но здѣсь сатирическій элементъ, заключавшійся отчасти и въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ», принялъ болѣе широкіе размѣры и сообщилъ нѣкоторое оживленіе журналу, ближе поставивъ его къ вопросамъ окружавшей дѣйствительности. Въ подражаніе «Пчелѣ», возникли и въ Москвѣ различныя періодическія изданія, какъ напр. «Полезное Увеселеніе» (съ 1760 г.) «Невинное Упражненіе» и др. Но вся эта журналистика еще не имѣла того рѣзко опредѣленнаго характера, который, съ 1769 г., выразился въ цѣломъ рядѣ сатирическихъ *) журналовъ. По своему основному характеру, журналы эти тѣсно примыкали къ тому направленію, которое Сумароковъ, всей своей дѣятельностью, поддерживалъ въ русской литературѣ, и, вслѣдствіе этого, при каждомъ удобномъ случаѣ, расточали большія похвалы своему патрону. По мнѣнію г. Булича **), Сумароковъ даже лично участвовалъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ изданій. «Трутень», издававшійся Н. И. Новиковымъ (съ мая 1769 года), названіе котораго чуть ли не составляетъ намека на «Трудолюбивую Пчелу» Сумарокова, былъ самымъ смѣлымъ и даровитымъ представителемъ сатирическаго направленія русской журналистики и, въ этомъ отношеніи, онъ далеко превосходилъ самого Сумарокова ***).

---

*) О сатирическихъ журналахъ см. прекрасное изслѣдованіе г. Аѳанасьева. Москва 1859 г.

**) «Сумароковъ и современная ему критика».

***) Журналъ этотъ представляетъ весьма интересный предметъ для изученія. Можно думать, что рѣзкость его тона не понравилась Екатеринѣ II, а въ особенности нѣкоторымъ изъ ея приближенныхъ, потому что черезъ годъ (въ 1770 г.) Трутень значительно смягчилъ свою рѣзкость и ядовитость. Уже въ осьмомъ своемъ листкѣ (іюня 16-го дня), т. е. черезъ мѣсяцъ

Съ теченіемъ времени и съ измѣненіемъ общественныхъ потребностей, сатирическій элементъ въ журналахъ естественно долженъ былъ поблекнуть, хотя никогда не терялъ совершенно своего значенія. Дѣятельность типографщика Новикова не прошла безслѣдно въ нашей общественной жизни: до него, въ Москвѣ было двѣ книжныхъ лавки, продававшихъ въ годъ книгъ на сумму 10-и тысячъ рублей — при немъ число ихъ возрасло до 20-и, и всѣ вмѣстѣ онѣ уже выручали ежегодно до 200,000 руб. (Вѣстн. Евр. 1802 г. № 9). Новиковъ поднялъ число подписчиковъ на Московскія Вѣдомости отъ 600 до 4,000, выдавалъ безденежно при вѣдомостяхъ «Дѣтское чтеніе» (ibid), словомъ, образовалъ уже нѣчто въ родѣ «публики» приготовивъ такимъ образомъ сферу для дѣятельности Карамзина.

Карамзину, преобразователю русскаго языка, выпало на долю преобразовать и русскую журналистику. Его «Московскій Журналъ» (съ 1791 г.), въ которомъ, съ первой же книжки, стали помѣщаться знаменитыя въ свое время «Письма русскаго путешественника», уже совершенно отвѣчалъ всѣмъ умственнымъ потребностямъ общества, не вдаваясь притомъ въ одно исключительное направленіе. «Множество иностранныхъ журналовъ — писалъ издатель въ своемъ «предувѣдомленіи» къ первой книжкѣ — лежитъ у меня передъ глазами: ни одинъ не возьму я за точный образецъ, но всѣми буду пользоваться». И дѣйствительно, московскій журналъ представилъ та-

---

по возникновеніи журнала, издатель жалуется, что многіе знаменитые бояре приняли его насмѣшки на свой счетъ. Вѣроятно это были тѣ «большіе бояре, которые — по словамъ Трутня — угнетаютъ истину, правосудіе, честь, добродѣтель и человѣчество», и съ которыми, «хуже имѣть дѣло, чѣмъ съ лютымъ тигромъ». Трутень не оставлялъ въ покоѣ и тѣхъ молодыхъ дворянъ, которые встаютъ рано для того, чтобъ просидѣвъ три или четыре часа надъ уборомъ головы и отягчивъ оную саломъ и пудрою, шататься по переднимъ знатныхъ баръ» (Трут. 1769 г. стр. 54). Кромѣ того, Трутень разсказывалъ цѣлыя событія со всѣми признаками достовѣрности (какъ напр., разсказъ о барынѣ, укравшей «серебрянныя сѣтки» изъ купеческой лавки — (Трут. 1769 г., стр. 52), и вообще онъ далеко простиралъ свою личную критику.

кимъ образомъ смѣсь легкаго, пріятнаго и разнообразнаго чтенія, вполнѣ приспособленнаго ко вкусу и потребностямъ начинающей читать публики. По этому самому, въ немъ не было и не могло быть того объединяющаго, критическаго начала, которое даетъ цвѣтъ и одно опредѣленное направленіе журналу, существенно отличая его отъ простаго сборника, или литературнаго tutti-frutti. Карамзинъ былъ у насъ первымъ миссіонеромъ европейскаго просвѣщенія, въ самомъ тѣсномъ и азбучномъ смыслѣ, и скользя въ «Письмахъ русскаго путешественника» по одной только поверхности европейской жизни, онъ естественно, не могъ дать много воли критическому элементу и быть очень разборчивымъ въ выборѣ матеріаловъ для своего журнала. Переводъ изъ Мармонтеля, исповѣдь Бѣдной Лизы, вызывавшая на нѣжныя ощущенія, были для него дороже всякаго строгаго анализа литературныхъ и общественныхъ явленій. Рѣдко заговаривалъ Карамзинъ о русскихъ книгахъ, издававшихся «во градѣ св. Петра», говорилъ чаще объ иностранныхъ: но ни здѣсь, ни тамъ, не обнаруживалъ критическаго взгляда, придираясь къ словамъ и останавливаясь преимущественно на мелочахъ. Эклектизмъ былъ въ духѣ несложившагося общества — и онъ то объясняетъ собой характеръ и назначенье «Московскаго Журнала». Наскучивъ срочнымъ изданіемъ, интересовавшимъ публику больше статьями самаго издателя, Карамзинъ началъ издавать литературные альманахи (Аглая, Аониды), которые могли бы, въ болѣе тѣсномъ объемѣ, производить то же вліяніе на общество. Выйдя снова на арену журналистики (въ 1802 г.), Карамзинъ добавилъ уже въ свой «Вѣстникъ Европы» новый отдѣлъ «политики», по прежнему, обращая мало вниманія на критическій элементъ въ журналѣ.

Примѣръ Карамзина вызвалъ много подражателей, и, къ 1813 году, въ русской литературѣ появилось уже изрядное количество разныхъ журналовъ, болѣе или менѣе, близкихъ по духу къ своему первообразу — «Московскому Журналу». Только «Цвѣтникъ» Бенитцкаго оказалъ болѣе настойчивыя, но все же очень слабыя попытки литературной критики....

Между тѣмъ, мирная жизнь русской публики нарушилась новыми, неожиданными волненіями: въ 1813—14 годахъ, въ русскую журналистику начали пробиваться темные слухи о какомъ-то романтизмѣ, а въ 1815 г., въ «Россійскомъ Музеумѣ» В. Измайлова, начали уже печататься лицейскія стихотворенія А. С. Пушкина. Критика становилась необходимой, и классицизмъ, взявъ въ руки оружіе, уже помѣстилъ въ «Духѣ Журналовъ» грозную статью противъ Августа Шлегеля. Вторженіе романтизма совпало со многими счастливыми для Россіи событіями: въ немъ выразился косвенно прогрессъ общественной жизни, который долгое время выражался у насъ въ сферѣ чисто-литературныхъ мнѣній, не имѣя возможности захватить болѣе живые и практическіе вопросы. Двѣнадцатый годъ столкнулъ насъ лицомъ къ лицу съ Европою, а начало царствованія Александра I благодѣтельно отозвалось въ нашей внутренней жизни. Общество заговорило, задвигалось; въ литературѣ послышались новые, свѣжіе голоса, и въ 1820 году была уже напечатана первая поэма Пушкина — «Русланъ и Людмила»—боевая перчатка, брошенная классицизму новымъ литературнымъ поколѣніемъ. Публика приняла поэму съ восторгомъ, но большинство журналовъ не раздѣляло ея увлеченій и «Вѣстникъ Европы», уже перешедшій подъ редакцію Каченовскаго, прямо объявилъ всю поэму «грубой и отвратительной шуткой, не одобряемой просвѣщеннымъ вкусомъ» (В. Евр., 1820 г., т. CXI, стр. 216—220). Здѣсь началась та горячая, необдуманная, продолжительная полемика между классицизмомъ и романтизмомъ, въ которой, не отдавая себѣ отчета, долго принимали участіе всѣ современные журналы. Прежде всего, въ этой борьбѣ, обнаружилось крайнее безсиліе и даже омертвѣніе тогдашней наличной журналистики, не умѣвшей не только вызывать общественныя потребности, но даже удовлетворять ихъ и регулировать. Наша журналистика очевидно дозволила обогнать себя текущимъ интересамъ общества и становилась какимъ-то онѣмѣлымъ членомъ на его тѣлѣ. Нужна была личность, которая бы лучше съумѣла воспользоваться этимъ органомъ общественнаго развитія, ввести его въ нужды и стремленія общества и тѣмъ закрѣпить его право на

существованіе и бо́льшій объемъ дѣйствія. Этой потребности удовлетворилъ Н. А. Полевой, когда началъ въ 1825 г. издавать свой «Московскій Телеграфъ». Вотъ какъ понималъ самъ издатель цѣль своего изданія: «Для изображенія совершеннаго журнала — говорилъ Полевой въ своемъ письмѣ къ N. N., въ первой книжкѣ «Телеграфа» — вообразите зеркало, въ которомъ отражается весь міръ нравственный, политическій и физическій. Такой журналъ едва ли не болѣе многихъ книгъ принесетъ пользы. Не всѣ могутъ удѣлять время на чтеніе огромныхъ томовъ: многіе ли привыкли къ обдуманному, систематическому чтенію? Здѣсь преимущество на сторонѣ журналовъ: истинно-полезное, истинно-изящное, предлагаетъ вамъ журналистъ, не пугая обширными опредѣленіями, пестротой выписокъ, толщиной книги. Журналистика должна пользоваться важнымъ преимуществомъ своимъ — представлять отчетныя извлеченія изъ всѣхъ книгъ любопытныхъ и важныхъ и увѣдомлять читателей обо всемъ, что́ слышно новаго. Журналистъ—разнощикъ вѣстей: *встрѣчаясь съ нимъ, не спрашиваютъ, что вы знаете, но нѣтъ ли чего нибудь новаго?* Вотъ почему я полагаю критику однимъ изъ важнѣйшихъ отдѣленій журнала — *пусть только она будетъ умна, правдива, дѣльна.* Присовокупите къ этому избранныя новости литературныя, важнѣйшія новости въ наукахъ, искусствахъ и художествахъ, обзоръ всеобщаго просвѣщенія — и умѣйте предлагать это не односторонно, разнообразно». Въ этихъ словахъ высказывается вся журнальная исповѣдь Полеваго, весь взглядъ его на то дѣло, которому онъ, съ такой пользою, обрекъ свои умственныя силы. Намъ нечего долго распространяться про то огромное вліяніе, какое возъимѣлъ «Телеграфъ» на всю русскую журналистику: до сихъ поръ, русскимъ журналамъ слѣдуетъ съ благодарностью вспоминать имя того дѣятельнаго журналиста, который развилъ личныя мнѣнія въ Россіи, далъ намъ первый образецъ европейскаго журнала и со всѣмъ блескомъ и энергіей дарованія явился защитникомъ возникавшихъ стремленій русскаго общества.... Появленіе «Телеграфа» надѣлало много шуму въ нашей журналистикѣ и произвело въ ней рѣшительный переворотъ. Публика, съ своимъ вѣрнымъ чутьемъ, и

здѣсь поддержала благое предпріятіе Полеваго, открывъ на его журналъ большую подписку. «Числомъ подписчиковъ «Телеграфъ» превзошелъ почти всѣ русскіе журналы — писалъ Полевой въ первый же годъ своего изданія (№ XIII, Особен. Приб. къ Моск. Телегр.), — такъ что, по причинѣ распродажи всѣхъ экземпляровъ, я принужденъ уже отказывать въ требованіяхъ многимъ подписчикамъ» *). Но не таковъ былъ пріемъ «Телеграфу» со стороны устарѣвшихъ журналовъ и литераторовъ. Нашъ первый «обозрѣватель» литературы, Марлинскій, отозвался весьма иронически о «Телеграфѣ». «Въ Москвѣ — говорилъ онъ — явился двухнедѣльный журналъ «Телеграфъ», издаваемый г. Полевымъ. Онъ заключаетъ въ себѣ все, извѣщаетъ и судитъ обо всемъ, начиная отъ безконечно-малыхъ въ математикѣ до пѣтушьихъ гребешковъ въ соусѣ или до бантиковъ на новомодныхъ башмачкахъ (Телеграфъ издавался съ модами). Неровный слогъ, самоувѣренность въ сужденіяхъ — вотъ знаки сего «Телеграфа», а «смѣлымъ Богъ владѣетъ» его девизъ». (Взглядъ на рус. слов. 24 и нач. 25 годовъ). Но деликатный денди, Марлинскій, только поострилъ надъ непонятнымъ ему журналомъ: другіе, болѣе сердитые и болѣе опытные въ бояхъ литераторы, стали дѣлать личныя и существенныя оскорбленія самому Полевому. «Противники мои — говорилъ издатель «Телеграфа» (1825 г. № XVII Особ. Приб.) — употребляютъ нелитературные способы унижать меня. Г. Булгаринъ говорилъ, что я перепечаталъ подъ своимъ именемъ Предисловіе къ Шлецерову Нестору и Разсужденіе г. Строева. Также говорятъ, что «Телеграфъ» издается двумя книгопродавцами, а я только читаю корректуру». Позже, издатель «Молвы» до того увлекся полемикой противъ Полеваго, что бранилъ не только его самаго, его журналъ и его сочиненія, но и самую улицу Дмитровку, на которой жилъ Полевой. (Телегр. 1831 г., № 9). Конечно, были на «Телеграфъ» и другія болѣе дѣльныя и серьезныя нападенія, но они тонули, на первыхъ порахъ, въ массѣ журналь-

*) Мы слышали, что въ этомъ году у «Телеграфа» было уже около 2,000 подписчиковъ—цифра почти невѣроятная въ то время.

ныхъ криковъ, личной брани и пустыхъ привязокъ. «Полгода — говорилъ Полевой въ 1825 г. (Телегр. ч. V, еще особ. приб.) — устремлялись на «Телеграфъ», съ разныхъ сторонъ, нападенія журналовъ и нѣкоторыхъ литераторовъ, которымъ открыто говорилъ я правду, и полгода я не дорожилъ ихъ претензіями».

Много нужно было силы и самонадѣянности со стороны «Телеграфа», чтобъ возбудить противъ себя такое, почти всеобщее ожесточеніе журналистовъ. Дѣйствительно, въ немъ было много и того и другаго. Хорошо наполненный литературный отдѣлъ, разнообразныя свѣдѣнія по части наукъ и политики, наконецъ, самая внѣшняя опрятность изданія, уже не располагали въ его пользу многихъ журналистовъ. Но что́ всего важнѣй: Полевой осмѣлился угадать потребности современнаго общества, оживить его дремлющія силы, создать контроль надъ журнальной дѣятельностью. Полевой говорилъ о богатствѣ западной науки, еще въ сотую долю не усвоенной нами, говорилъ о критическомъ элементѣ въ журналѣ, о необходимости строгой оцѣнки всѣхъ литературныхъ явленій. Какъ ни выполни онъ эту обязанность, но самое признаніе ея заставляло уже современныхъ издателей оглядывать съ робостью и недовѣріемъ свои книжныя издѣлія. Полевой, съ гордостью, говорилъ впослѣдствіи, что онъ «сдѣлалъ критику постоянной принадлежностью журнала, первый обратилъ ее на всѣ важнѣйшіе современные вопросы». (Очерки Рус. Слов., ч. I, Предисл.). И такъ, заслуга его была безспорно велика. Но, не смотря на большой успѣхъ «Телеграфа», не смотря на множество новыхъ силъ, вызванныхъ имъ къ борьбѣ и организаціи — не всѣ его обѣщанія и не всѣ надежды на него осуществились въ должномъ объемѣ. Отложивъ въ сторону публицистическія достоинства журнала, мы взглянемъ на то, какъ отнесся онъ къ вопросу о романтизмѣ, разрѣшеніемъ котораго такъ старательно занимался? Безпристрастіе требуетъ сказать, что на этомъ полѣ „Телеграфъ“ далеко не одержалъ тѣхъ прочныхъ и блистательныхъ побѣдъ, на которыя разсчитывалъ. Правда, онъ дѣйствительно поразилъ классиковъ, онъ осмѣялъ ихъ и заставилъ замолчать, но его собственныя понятія объ искусствѣ были весьма сбивчивы и запу-

таны и не могли привести публику къ серьезному и окончательному рѣшенію вопроса. Вcase Веневитиновъ былъ совершенно правъ, когда говорилъ: «Мы отбросили французскія правила въ искусствѣ не потому, чтобы могли ихъ опровергнуть какой нибудь положительной литературной системой, но потому только, что не могли примѣнить ихъ къ нѣкоторымъ произведеніямъ новѣйшихъ писателей, которыми невольно наслаждаемся. Такимъ образомъ, правила невѣрныя замѣнились у насъ отсутствіемъ всякихъ правилъ». Если Полевой и одолѣвалъ своихъ противниковъ въ спорахъ объ искусствѣ, то не въ силу какой нибудь «положительной системы», а благодаря естественной бойкости и живости своего ума и нѣсколько бо́льшему развитію эстетическаго вкуса. Но источникъ его понятій объ этомъ предметѣ далеко не отличался особенной глубиною, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что, браня въ классикахъ слѣпое подражаніе и заимствованіе, онъ самъ не отказался впослѣдствіи воспроизводить свои драматическія издѣлія по такому же точно способу. Вообще, его теоретическія понятія о предметѣ спора не возвышались особенно высоко надъ мнѣніями г. Ореста Сомова, который въ своей книжкѣ: «О Романтической Поэзіи» (Спб. 1823 г.) объясняетъ себѣ романтизмъ только какъ прихоть «своенравной поэзіи, которая отметаетъ все обыкновенное, требуя новаго и небывалаго» (стр. 2). Но изящный вкусъ и бо́льшая широта умственнаго развитія, конечно, не позволили бы Полевому отозваться о «Фаустѣ» Гёте, какъ объ *ярмарочномъ фарсѣ* и *твореньи изступленнаго ума* (О ром. поэз., стр. 52 и 57), или находить въ Шекспирѣ *излишнее паренье и даже надутость* (ibid. стр. 26).

Въ спорѣ съ Веневитиновымъ, по поводу первой пѣсни «Онѣгина», Полевой прямо говоритъ: «Я очень понималъ, что́ говорю, когда неопредѣленнымъ, неизъяснимымъ состояніемъ сердца человѣческаго, хотѣлъ означить сущность и причину романтической поэзіи» *) — на что́ его противникъ замѣтилъ весьма основательно, что «такое опредѣленіе ничего

*) Телегр. 1825 г., № XV, Особен. Приб., стр. 4.

не опредѣляетъ и не изъясняетъ» *), удѣляя романтической поэзіи только весьма темный и сомнительный уголокъ человѣческаго сердца.

Въ другихъ сферахъ научной дѣятельности Полевой тоже не оказалъ большихъ успѣховъ, и отъ его «Исторіи русскаго народа», по справедливому замѣчанію одного даровитаго историка, только слово *народъ* сохранилось на знамени современной науки.... Намъ, кажется, что важнѣйшая заслуга Полеваго, какъ журналиста, состояла именно въ томъ, быть можетъ, мало сознанномъ стремленіи къ прогрессу, которое дышало въ каждой его строкѣ, давало толчокъ дремавшему сознанію другихъ. «Телеграфъ» напоминаетъ собой тѣ острыя медицинскія средства, которыя вызываютъ къ жизни всѣ наличныя силы субъекта, но требуютъ за собой другихъ средствъ, которыя бы давали этимъ силамъ болѣе правильное и болѣе организующее направленіе. Такимъ-то вторичнымъ, необходимымъ агентомъ, явилось въ русской литературѣ то философское направленіе, которое проявилось въ «Московскомъ Вѣстникѣ». Дѣятельность Полеваго много оживила журнальную рѣчь въ Россіи, много помогла развитію общества, но съ одними элементами «Телеграфа», русская литература не могла бы уйти далеко впередъ.... Полевой говорилъ: «Встрѣчаясь съ журналистомъ, не спрашиваютъ, что вы *знаете*, но нѣтъ ли чего нибудь новаго?» При этомъ, онъ прибавлялъ, что журнальная критика литературныхъ и общественныхъ явленій должна быть умна, *правдива, дѣльна*. Она, дѣйствительно, можетъ быть очень умна, но какъ она будетъ правдивой и дѣльной, когда журналистъ не имѣетъ *познаній* въ томъ, о чемъ онъ взялся судить?

Тверже помня то богатство Западной науки, про которое говорилъ Полевой, Московскій Вѣстникъ представилъ прекрасные переводы изъ иностранныхъ, преимущественно нѣмецкихъ писателей, съ которыми намъ необходимо было познакомиться, чтобы скорѣй выйти изъ того страннаго, фальшиваго положенія, въ которое поставила насъ крикливая борьба романтизма

---

*) Сынъ Отеч. 1825 г., № XXIV, Приб., стр. 32.

и классицизма. Тамъ же, между переводами изъ Жанъ-Поля Рихтера, Гёте и др., встрѣчаемъ мы прекрасную статью Авг. Шлегеля: «О трехъ единствахъ въ драмѣ», *) служившую какъ бы знаменемъ журнала въ борьбѣ съ усталымъ классицизмомъ. Владѣя болѣе ясными началами въ своихъ критическихъ сужденіяхъ и удерживая какъ въ критикѣ, такъ и въ неразлучной съ ней полемикѣ бо́льшее благородство и хладнокровіе, Московскій Вѣстникъ избѣжалъ тѣхъ промаховъ, которые часто мелькаютъ въ критическихъ приговорахъ Полеваго и не протягивалъ въ безконечность литературныхъ тяжбъ о томъ, что г, Булгаринъ не умѣетъ опредѣлить тройнаго правила и смѣшиваетъ Казбекъ съ Эльборусомъ. **) Въ воззрѣніяхъ Шлегеля, въ мысляхъ Гёте объ искусствѣ, искалъ Московскій Вѣстникъ прочныхъ основъ для своей литературной критики, — но стремленіе объединять частные случаи, возводя ихъ въ общія понятія, отражалось и на всѣхъ другихъ сторонахъ его дѣятельности, преимущественно въ историческихъ изысканіяхъ и отдѣльныхъ мысляхъ объ этомъ предметѣ. «Исторія — говорилось въ одной статьѣ Московскаго Вѣстника ***) — должна изъ всего рода человѣческаго сотворить одну единицу, одного человѣка и представить сего человѣка. Многочисленные народы, жившіе и дѣйствовавшіе въ продолженіи тысячелѣтія, доставятъ въ сію біографію, можетъ быть, по одной чертѣ. Черту сію узнаютъ великіе историки». Мысль эта, слишкомъ общая и отвлеченная, ограничивалась и пояснялась другой, высказанной И. Кирѣевскимъ (Моск. Вѣстн. 1827 г. №5, Критика, стр. 68): «образованіе народа, во всѣхъ отношеніяхъ, требуетъ *органическаго*, *своего* развитія, и должно, по возможности, чуждаться вліянія со стороны иноземныхъ народовъ» ****).

---

*) Статья эта почерпнута изъ «Теоріи драматич. искусства» Авг. Шлегеля и напечатана въ первыхъ книжкахъ Моск. Вѣстника.

**) Телегр. 1825 г., № XX, Особ. Прибавленіе. «Прибавленія» эти назначались Полевымъ собственно для полемики.

***) Моск. В—къ 1827 г., № 2. «Историческіе афоризмы и вопросы».

****) Мысль эту не слѣдуетъ принимать въ слишкомъ узкомъ значеніи, такъ какъ этому противорѣчили бы другія мысли Кирѣевскаго, нападавшаго только на легкомысленное подражаніе иноземцамъ.

По части литературной критики, Московскій Вѣстникъ, въ первой же своей книжкѣ, помѣстилъ статью г. Шевырева: «О возможности найти единый законъ для изящнаго», гдѣ, въ формѣ діалога, изображается столкновеніе двухъ различныхъ критическихъ взглядовъ. «Вы хотите измѣрить неизмѣримое — говоритъ одинъ изъ собесѣдниковъ — хотите обнять то, чего не вмѣститъ вашъ разумъ. Вамъ ли узами опредѣленныхъ понятій сковать то, что презираетъ всѣ узы и любитъ одну свободу? къ чему ваши правила, ваши законы? Пусть душа предается наслажденіямъ изящнаго, зачѣмъ ей теряться въ безполезныхъ умствованіяхъ»? *) Но другой собесѣдникъ твердо стоитъ на необходимости такого закона и, въ отвѣтъ на то, гдѣ искать его? даетъ слѣдующее наставленіе: «Ищи въ душѣ своей законы сіи, наслаждайся разнообразными предметами красоты, но потомъ повѣряй свои чувства, вопрошай чаще душу, короче, — знакомься съ нею, узнай ее, и тогда увидишь въ ея внутреннемъ святилищѣ богиню красоты безъ покрова.» Взглядъ этотъ составляетъ весьма близкое повтореніе мысли Шлегеля. По Шлегелю, понятіе объ искусствѣ не извлекается изъ опыта, но только въ немъ развивается: его должно искать въ первоначальной, свободной дѣятельности нашего духа. Внѣшнее чувство видитъ въ предметахъ одно неопредѣленное множество частей, но сужденіе, посредствомъ котораго мы соединяемъ эти части въ одно стройное цѣлое, относится уже къ высшей сферѣ понятій. «Органическое единство растенія или животнаго — говоритъ Шлегель въ своей «Теоріи драматическаго искусства» — заключается въ *понятіи* о жизни, но внутреннее созерцаніе жизни примѣняемъ уже мы къ отдѣльному, оживленному предмету и, такимъ образомъ, въ немъ узнаемъ эту жизнь. То же самое слѣдуетъ примѣнить къ искусству и къ тому процессу, кото-

*) Тоже или почти тоже говорилъ Полевой слѣдующими словами: «Воображеніе поэта летаетъ, не спрашиваясь піитикъ (подъ піитикой онъ разумѣлъ, вообще, всѣ внутренніе законы творчества); падаетъ поэтъ — тогда торжествуйте побѣду школьныхъ правилъ: если же полетъ его изумляетъ, очаровываетъ, то дайте намъ наслаждаться» (Телегр. 1825 г., № 5, стр. 45).

рымъ мы создаемъ себѣ понятіе объ изящномъ произведеніи. Отсюда выводилось прямое слѣдствіе, что романтизмъ не есть случайное и мимолетное явленіе человѣческаго духа, но коренится въ самой глубинѣ его, какъ часть и сила этого духа, и, слѣдовательно, имѣетъ свои внутренніе законы, которые можно постичь изученіемъ собственной души и изящныхъ созданій искусства.

Первыя статьи Московскаго Вѣстника имѣютъ свою особенную, литературную физіономію, по которой ихъ всего приличнѣй назвать лирической прозою. Что-то порывистое и юношеское замѣтно въ этихъ попыткахъ подвести всѣ познанія подъ одинъ философскій уровень, какая то живая и теплая струя пробѣгаетъ по всѣмъ этимъ разнообразнымъ изслѣдованіямъ, какъ бы писанныхъ одною и тою же рукою. Этотъ характеръ, въ особенности, замѣтенъ въ первый годъ существованія Московскаго Вѣстника, когда этотъ журналъ не удѣлялъ еще слишкомъ много мѣста для полемики съ Телеграфомъ (слѣдуя письменнымъ совѣтамъ Веневитинова), не давалъ слишкомъ большаго перевѣса статьямъ историческимъ надъ всѣми прочими и, наконецъ, выражалъ свои эстетическія теоріи языкомъ, хотя нѣсколько восторженнымъ и лирическимъ, но все жъ болѣе простымъ и понятнымъ для публики. *)

Но не смотря на участіе Пушкина, не смотря на соединеніе въ немъ значительныхъ умственныхъ силъ, Моск. Вѣстникъ не имѣлъ того успѣха, который, съ перваго же года, увѣнчалъ собой журнальную дѣятельность Полеваго. Причинъ этому было довольно много. Самая главная заключалась, конечно, въ томъ, что редакціи недоставало тѣхъ журнальныхъ способностей, той литературной сноровки, которыми, безспорно, обладалъ Полевой. Такъ напр., редакторъ Моск. Вѣстника, не прилагая модъ къ своему изданію (одно это уже губило его въ глазахъ многихъ читателей), не разнообразилъ его достаточно, и не усиливалъ въ немъ отдѣла повѣстей, которыя, по справедливому замѣчанію Пушкина, **) могли быть для Вѣст-

---

*) Съ 1828 г., въ литературѣ появляются уже жалобы на «Московскій Вѣстникъ».

**) Москвитянинъ 1842 г. Письма Пушкина (№ 10).

ника тѣмъ же, чѣмъ были моды для Телеграфа. Кромѣ того, редакція взглянула слишкомъ свысока на свою публику, которая вообще не любитъ, чтобъ ее третировали по дѣтски: такъ, въ первыхъ же нумерахъ «Московскаго Вѣстника», была затѣяна самимъ редакторомъ интересная «переписка о разныхъ предметахъ», гдѣ, желая пріохотить публику къ размышленію, авторъ съ умысломъ писалъ парадоксы, при чемъ прямо высказывалъ эту цѣль, обращая такимъ образомъ свои статьи въ школьныя упражненія, на подобіе тѣхъ извѣстныхъ «экзерцицій», гдѣ нарочно дѣлаются орѳографическія ошибки.... Но какъ бы то ни было, значеніе и польза Московскаго Вѣстника для русской литературы, уже видны изъ нашего краткаго очерка. Здѣсь впервые выходили на журнальную арену люди съ долгою и серьезною подготовкой, быть можетъ, неслишкомъ чуткіе къ дневнымъ интересамъ массы, но съ запасомъ силъ и свѣдѣній, съ готовностію всѣмъ жертвовать для блага идеи и просвѣщенія. Въ объявленіи о Моск. Вѣстникѣ говорилось, что его издаютъ лица, «кои, бывъ движимы чистымъ усердіемъ къ общему благу, рѣшились соединить свои усилія и принести общую жертву на алтарь просвѣщенія» — и чистота этого усердія, дѣйствительно, благородна и безукоризненна. Московскій Вѣстникъ былъ у насъ первымъ серьезнымъ журналомъ, гдѣ успѣхъ дѣла зависѣлъ не отъ индивидуальныхъ силъ одной какой либо личности, но отъ соединенныхъ, дружныхъ усилій цѣлаго общества молодыхъ и даровитыхъ людей. Если успѣхъ журнала и литературной пропаганды во многомъ зависитъ отъ личныхъ дарованій своего главнаго двигателя, то и совокупность усилій, значеніе кружка, служащаго живымъ доказательствомъ общественнаго саморазвитія, тоже не лишены своей огромной важности, и безъ ихъ поддержки дѣло одной даровитой личности не можетъ принести столько прочной и надежной пользы.

Критическіе взгляды Веневитинова имѣютъ много общаго съ приведенными нами воззрѣніями «Московскаго Вѣстника». Эти взгляды нигдѣ не выразились въ стройной и вполнѣ округленной системѣ, но, если мы сблизимъ между собой нѣкоторыя отрывочныя мысли Дмитрія Владиміровича, его не-

многія замѣчанія, высказанныя имъ въ разборѣ «Разсужденія» Мерзлякова, въ полемикѣ съ Полевымъ, въ статьѣ о Борисѣ Годуновѣ — то мы можемъ, такимъ образомъ, составить себѣ понятіе и о всей критической системѣ Веневитинова.

Мы сказали уже нѣсколько словъ о критической дѣятельности Мерзлякова, но теперь, приступая къ разбору его Разсужденія, должны снова напомнить читателямъ, что нашъ извѣстный профессоръ, принадлежа къ псевдо-классической школѣ, былъ прямымъ литературнымъ врагомъ Веневитинова. Заслуги Мерзлякова въ русской критикѣ и мѣсто его въ ея исторіи, опредѣляются, главнѣйшимъ образомъ, тѣмъ, что онъ былъ у насъ первымъ критикомъ, который цѣнилъ литературныя произведенія въ силу какихъ-нибудь точныхъ и опредѣленныхъ правилъ. Постоянно вооружался онъ противъ легкихъ и поверхностныхъ занятій словесностью, постоянно призывалъ русскихъ писателей къ изученію науки изящнаго. «Уважимъ самихъ себя — говаривалъ часто профессоръ — уважимъ *науку* и талантъ стихотворца изъ любви къ самимъ себѣ и тѣмъ очистимъ наши собственныя наслажденія» (Біогр. Слов. Моск. Универс. ч. 2, стр. 95). Но самыя его воззрѣнія въ этомъ дѣлѣ не выходили — выражаясь скромнымъ языкомъ Веневитинова — «изъ сферы, очерченной предубѣжденіемъ». Трагедія и комедія — писалъ Мерзляковъ въ своей статьѣ: «О началѣ и духѣ древней трагедіи», — такъ же какъ и всѣ изящныя искусства, обязаны своимъ началомъ болѣе случаю и обстоятельствамъ, нежели изобрѣтенію человѣческому. Мудрая учительница наша, природа — продолжалъ онъ — явила себя намъ во всемъ своемъ великолѣпіи, красотѣ и благахъ неисчетныхъ, возбудила *подражательность* и передала милое чадо свое на воспитаніе нашему размышленію, наблюденіямъ и опыту». Эта-то подражательность, по мнѣнію Мерзлякова, и произвела собой изящныя искусства. Придавъ искусству такое случайное происхожденіе и стѣснивъ его однимъ подражаніемъ природѣ, почерпнутымъ изъ піитикъ Буало и Лагарпа, Мерзляковъ, въ приложеніи своихъ мыслей, не затруднился уже объяснить усовершенствованіе греческой трагедіи «мудрымъ покровительствомъ правителей общества», которые прибѣгнули къ тра-

гедіи, какъ «къ рѣшительному средству обузданія пылкихъ страстей». Веневитиновъ не согласился съ такимъ ограниченнымъ толкованіемъ, въ которомъ цѣликомъ забывалась вся внутренняя, эстетическая сторона вопроса, и въ своемъ разборѣ «Разсужденія» Мерзлякова сдѣлалъ автору слѣдующее возраженіе: «Нужно ли доказывать неосновательность софизма, что трагедія обязана своимъ началомъ болѣе случаю, нежели изобрѣтенію, когда самъ авторъ опровергаетъ его на слѣдующей страницѣ? Вѣроятно, — говоритъ г. Мерзляковъ — трагедія не принадлежитъ однимъ грекамъ, но всѣмъ народамъ и всѣмъ вѣкамъ.» «Оно болѣе, нежели *вѣроятно;* оно неоспоримо, если мы, подъ словомъ трагедія, будемъ разумѣть драматическую поэзію. То, что принадлежитъ всѣмъ народамъ, всѣмъ вѣкамъ — не принадлежитъ ли, однимъ словомъ, человѣку, его природѣ, и можетъ ли быть обязано своимъ началомъ случаю? И что значитъ человѣческое изобрѣтеніе? Кто изобрѣлъ языкъ? Кто, первый, открылъ движенія тѣла, выражающія состояніе духа и сердца?»

Противъ мысли о подражательности въ искусствѣ, нашъ рецензентъ замѣчаетъ: «Поэтъ, безъ сомнѣнія, заимствуетъ изъ природы форму искусства, ибо нѣтъ формы внѣ природы: но и подражательность не могла породить искусства, которое проистекаетъ отъ избытка чувствъ и мыслей въ человѣкѣ и отъ нравственной его дѣятельности.»

Въ защиту романтизма, въ которомъ Мерзляковъ видѣлъ «униженіе изящныхъ искусствъ», Веневитиновъ написалъ слѣдующія прекрасныя строки: «Я осмѣлюсь вступиться за честь нашего вѣка. Новѣйшія произведенія, безъ сомнѣнія, не могутъ сравниться съ древними въ разсужденіи полноты и подробнаго совершенства. Въ нихъ еще не опредѣлены отношенія частей къ цѣлому. Но законы частей не опредѣлятся ли сами собою, когда цѣлое направлено къ одной извѣстной цѣли? Поэзія древнихъ превосходитъ новѣйшую въ совершенствѣ соразмѣрностей, но уступаетъ ей въ силѣ стремленія и въ обширности объема. Науки и искусства — продолжаетъ онъ — еще не близки къ своему паденію, когда умы находятся въ сильномъ броженіи, стремятся къ цѣли опредѣлен-

ной и дѣйствуютъ по врожденному побужденію къ дѣйствію. *Гдѣ видны усилія, тамъ жизнь и надежда*".

Заключая свои мысли о началѣ искусства, Веневитиновъ говоритъ: «При нынѣшнихъ условіяхъ эстетики, мы ожидали въ исторіи трагедіи болѣе занимательности. Для чего не показать намъ ея развитія изъ соединенія лирической поэзіи и эпопеи? Для чего не намекнуть на общую колыбель сихъ родовъ поэзіи? Изъ подобныхъ замѣчаній, внимательный читатель заключилъ бы, что они (эти роды поэзіи) неотъемлемо принадлежатъ человѣку, какъ необходимыя формы, въ которыя выливаются его чувства. Мы бы объяснили себѣ: отчего находимъ слѣды ихъ у всѣхъ народовъ; увидѣли бы, что на стремленіе къ подражанію правитъ умомъ человѣческимъ, что человѣкъ не есть въ природѣ существо единственно страдательное.»

Въ полемикѣ съ Полевымъ, Веневитинову пришлось примѣнить свои общія критическія воззрѣнія къ частнымъ явленіямъ новѣйшей литературы. Полемика эта возникла по поводу 1-й главы Онѣгина, напечатанной въ 1825 году. Полевой написалъ на эту главу краткую рецензію въ Телеграфѣ (Телегр. 1825 г., № 5), одну изъ самыхъ неудачныхъ своихъ рецензій, писанную на-скоро, безъ всякаго желанія вникнуть въ смыслъ разбираемаго произведенія. Сбивчивость сужденій въ этой рецензіи поразительна; но сущность ея заключается, кажется, въ томъ, что Пушкинъ, написавъ первую главу своего романа, выказалъ уже не талантъ, а *что-то гораздо выше*. Заразясь неожиданно страстью къ сравненіямъ, Полевой называетъ эту главу и литературнымъ capriccio и шуточной поэмой съ новыми и смѣлыми тонами, и произведеніемъ близкимъ къ Донъ-Жуану и поэмамъ Гёте (?!) Въ промежуткахъ статьи разбросаны довольно удачныя насмѣшки надъ классиками, но вся статья написана въ такомъ неровномъ и неопредѣленномъ тонѣ, что въ ней ясно проглядывало только одно намѣреніе журналиста—надѣлать, во что бы то ни стало, похвалъ знаменитому писателю. Это желаніе, а также и сбивчивость понятій, заявленная въ весьма распространенномъ журналѣ, бросились въ глаза Веневитинову, который никакъ

не могъ извинять такихъ запальчивыхъ и неосмотрительныхъ сужденій. Руководясь внутреннимъ тактомъ и бо̀льшею твердостью своихъ эстетическихъ правилъ, Веневитиновъ напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» (1825 г. № 8) краткую замѣтку на рецензію Полеваго, гдѣ весьма дѣльно и основательно замѣтилъ издателю «Телеграфа», что прочтя только одну первую главу «Онѣгина», которая не составляетъ самостоятельнаго цѣлаго и по которой еще нельзя судить напередъ о всемъ произведеніи, не слѣдовало торопиться въ печать съ своими восторгами. «Въ музыкальныхъ сочиненіяхъ, называемыхъ capriccio — говорилъ Веневитиновъ, воспользовавшись сравненіемъ Полеваго — должна заключаться *полная мысль,* безъ чего и искусства существовать не могутъ. Таковъ ли «Онѣгинъ»? Не знаю — и повторяю вамъ: мы не имѣемъ права судить о немъ, не прочитавши всего романа».

Но эта рецензія оскорбила издателя «Телеграфа» и онъ, хотя нескоро (черезъ четыре мѣсяца) отвѣчалъ на нее антикритикой, помѣщенной въ № XV «Телеграфа» за 1825 г. Въ этой антикритикѣ, Полевой, пойманный врасплохъ, пробовалъ побѣдить своего противника полемической ловкостью и не совсѣмъ рыцарской добросовѣстностью въ толкованьи чужихъ словъ, — но оказалось, что и такими орудіями нельзя сразить одинаково остроумнаго, но болѣе стойкаго на своемъ полѣ противника. Веневитиновъ умно и ловко формулировалъ сущность спора, упрямо сводилъ вопросъ къ тому: имѣлъ ли право Полевой произносить, по одной только первой главѣ романа, рѣшительный приговоръ надъ цѣлымъ произведеніемъ, и былъ ли онъ вправѣ, назвавши «Онѣгина» *шалуномъ* и *вѣтренникомъ,* ставить его рядомъ съ героями Байрона? При этомъ Веневитиновъ говорилъ, что, не смотря на свою любовь къ русскому поэту, онъ не рѣшится признать въ напечатанныхъ, дотолѣ его произведеніяхъ — твореній, дѣлающихъ, подобно Байроновымъ, *честь своему вѣку.* «Лира Байрона — говорилъ онъ — познакомила насъ съ звуками совершенно новыми, между тѣмъ, какъ Пушкинъ, если не заимствовалъ у англійскаго поэта планы поэмъ, характеры лицъ, частныя описанія, то все же носилъ въ своемъ сердцѣ глу-

бокое впечатлѣніе, внушенное поэзіей Байрона». Позже, при разборѣ сцены изъ Бориса Годунова, въ которой видѣлъ художественное и вполнѣ законченное цѣлое, Веневитиновъ объяснилъ полнѣе и оригинальнѣе: какъ понимаетъ онъ отношенія Пушкина къ Байрону *).

Но въ глазахъ Полеваго отказъ Веневитинова поставить Пушкина на одну высоту съ Байрономъ принялъ видъ какого-то «скрытаго предубѣжденія» противъ русскаго поэта— и на этой-то струнѣ Полевой хотѣлъ разыграть свою музыку.... Увлеченный примѣромъ, Веневитиновъ и самъ не уберегся въ своемъ отвѣтѣ (Сынъ От. 1825 г., № 24, Приб.) отъ нѣсколькихъ раздражительныхъ замѣчаній и довольно рѣзко окончилъ свою полемику.

Въ спорѣ съ Мерзляковымъ, Веневитиновъ горячо нападалъ на ложный классицизмъ, но, мѣняя оружіе съ противникомъ, онъ гораздо спокойнѣе отозвался о немъ въ своей полемикѣ съ Полевымъ.

«Въ статьѣ о словесности какъ не задѣть Баттё? Но великодушно ли пользоваться превосходствомъ своего вѣка для униженія старыхъ аристарховъ? Не лучше ли не нарушать покоя усопшихъ? Мы всѣ знаемъ, что они имѣютъ достоинство только относительное, но если вооружаться противъ предразсудковъ, то не полезнѣе ли преслѣдовать ихъ въ живыхъ? Нынче не судятъ о стихотворцѣ по піитикѣ, но отсутствіе правилъ въ сужденіяхъ не есть ли также предразсудокъ? Не

*) «Многіе—говоритъ онъ—упрекали Пушкина за то, что онъ слѣдовалъ до сихъ поръ чужеземному вліянію и преклоняясь предъ англійскимъ бардомъ, въ которомъ видѣлъ поэтическій геній своего времени, забывалъ призваніе оригинальнаго поэта. Упрекъ этотъ несовсѣмъ справедливъ. При развитіи поэта, какъ и вообще при всякомъ нравственномъ развитіи, нужно чтобы вліяніе зрѣлой силы дало сознать человѣку всѣ нравственныя возбужденія, къ какимъ онъ только способенъ, привело въ движеніе его душевныя силы и разбудило въ немъ его собственную энергію. Первый толчекъ невсегда рѣшаетъ направленіе духа, но ему обязанъ онъ своимъ полетомъ, и въ этомъ случаѣ Байронъ былъ для Пушкина тѣмъ же, чѣмъ были для самаго Байрона приключенія его бурной жизни». (Analyse d'une scéne, etc.).

забываемъ ли мы, что въ критикѣ должно быть основаніе положительное, что всякая наука заимствуетъ свою силу изъ философіи, что и поэзія неразлучна съ философіей? Если мы съ такой точки зрѣнія, безпристрастнымъ взглядомъ, окинемъ ходъ просвѣщенія у всѣхъ народовъ (оцѣняя словесность каждаго въ цѣломъ — степенью философіи времени, а въ частяхъ—по отношенію мыслей каждаго писателя къ современнымъ понятіямъ о философіи); то все, мнѣ кажется, пояснится. Аристотель не потеряетъ своихъ правъ на глубокомысліе, и мы не будемъ удивляться, что французы, подчинившись его правиламъ, не имѣютъ литературы самостоятельной. Тогда мы будемъ судить по вѣрнымъ правиламъ и о словесности новѣйшихъ временъ; тогда причина романтической поэзіи не будетъ заключаться въ одномъ неопредѣленномъ состояніи сердца.»

По этимъ немногимъ чертамъ, читатель уже можетъ составить себѣ приблизительное понятіе о критической системѣ Веневитинова. Поэзія не была для него смутнымъ бредомъ, горячкой ума, а потому онъ и не смотрѣлъ на романтическую поэзію, какъ на залетную гостью, случайно и какъ бы безъ всякихъ поводовъ, слетѣвшую на землю. Поэзія вѣчна и присуща человѣческому духу, но ея временныя проявленія много зависятъ отъ успѣха современной философіи, понимая подъ ней различныя отношенія общества къ тѣмъ или другимъ вопросамъ. Послѣднее прибавленіе значительно измѣняло мысль Шлегеля, значительно раздвигало рамки эстетической теоріи, допуская въ нихъ различныя общественныя вліянія. Веневитиновъ даже прямо говорилъ что «для общества безполезенъ поэтъ, который наслаждается въ собственномъ своемъ мірѣ, котораго мысль внѣ себя ничего не ищетъ и, слѣдовательно, уклоняется отъ цѣли всеобщаго усовершенствованія». Но въ главной, эстетической основѣ своихъ сужденій, которой онъ, какъ поэтъ, отводилъ почетное мѣсто, Веневитиновъ сближался съ Московскимъ Вѣстникомъ, превосходя его тѣмъ поэтическимъ чутьемъ и критическимъ тактомъ, изъ которыхъ первое указало ему на капитальныя достоинства Бориса Годунова, а, благодаря второму, онъ никогда бы не дошелъ до крайностей въ своихъ воззрѣніяхъ.

Намъ нѣчего доказывать, что эстетическій взглядъ, нетолько такой, какого держался Веневитиновъ, но даже и немного крайній, какой обнаруживается въ наиболѣе восторженныхъ статьяхъ Московскаго Вѣстника, принесъ въ свое время большую пользу русской критикѣ. Онъ заставлялъ вчитываться и изучать цѣнимыхъ писателей не слегка, не à vol d'oiseau, но съ болѣе серьезнымъ взглядомъ на дѣло, потому что, по этой теоріи, изящное произведеніе искусства есть цѣльный и въ самомъ себѣ замкнутый міръ, на который, прежде всего, нужно взглянуть глазами самаго автора*). «Я вообще — говорилъ Веневитиновъ въ спорѣ съ Полевымъ—раздѣляю поэтовъ на два класса — на дурныхъ и хорошихъ (выражаясь языкомъ не ученымъ, но понятнымъ для всякаго); дурныхъ кладу въ сторону, хорошихъ читаю, перечитываю и стараюсь опредѣлить себѣ ихъ характеръ.» Въ этомъ-то стремленіи — изучить поэта и затѣмъ опредѣлить себѣ его характеръ, не принося съ собой въ минуту изученія никакихъ, заранѣе заготовленныхъ взглядовъ — и состоялъ дѣйствительный прогрессъ той критики, которую проповѣдывалъ «Московскій Вѣстникъ». Этой черты мы не находимъ въ скользкихъ и поверхностныхъ разборахъ Полеваго, который смотрѣлъ на Пушкина просто какъ на даровитаго врага современныхъ піитикъ, всегда путался въ опредѣленіи его харак-

---

*) Бѣлинскій прекрасно опредѣлилъ достоинства и недостатки чисто-эстетическаго воззрѣнія слѣдующими словами: «Гете сказалъ гдѣ-то: «какого читателя желаю я? такого, который бы меня, себя и цѣлый міръ забылъ и жилъ бы только въ книгѣ моей.» Нѣмецкіе аристархи оперлись на это, какъ на основной камень эстетической критики. И однакожъ односторонность Гетевой мысли очевидна. Подобное требованіе очень выгодно для всякаго поэта, ибо такъ какъ все имѣетъ свою причину и основаніе — даже эгоизмъ, дурное направленіе, самое невѣжество поэта — то если критикъ будетъ смотрѣть на произведеніе автора безъ всякаго отношенія къ его личности, забывъ о самомъ себѣ и о цѣломъ мірѣ — естественно, что творенія этого поэта явятся непогрѣшительными. Но съ другой стороны мысль Гете имѣетъ глубокій смыслъ, если ее принимать не безусловно, но какъ первый, необходимый актъ въ процессѣ критики. Чтобъ разбирать критически писателя, прежде всего должно изучить его, то есть войти въ міръ его творчества не иначе, какъ забывъ его, себя и все на свѣтѣ». (Соч. Бѣл., т. IX, стр. 343—344).

тера и, чтобы объяснить себѣ своенравныя вдохновенія поэта, прибѣгалъ даже къ мнимо эстетическому правилу, что «поэтъ неволенъ въ направленіи своего восторга: что ему поется, то онъ и поетъ». Но это правило, случайно вырванное изъ цѣлой системы понятій, еще болѣе сбивало и запутывало издателя Телеграфа, и Веневитиновъ не даромъ внушалъ ему, что «Поэты не летаютъ безъ цѣли и только на зло піитикамъ, но что поэзія, подобно предметамъ своимъ — природѣ и сердцу человѣческому, въ себѣ самой имѣетъ свои постоянныя правила».

Мы подошли, такимъ образомъ, къ чисто-поэтической дѣятельности Веневитинова и должны объяснить: почему мы не слишкомъ торопились въ оцѣнкѣ этой, наиболѣе видной, стороны въ значеніи Веневитинова. Изученіе философіи, въ которой Веневитиновъ былъ столько же мыслителемъ, сколько поэтомъ, положило существенную и неизгладимую печать на весь духъ его немногихъ поэтическихъ произведеній. Этотъ-то сознательный элементъ прожитаго и, если можно такъ выразиться, *продуманнаго* чувства, и составляетъ отличительную черту изящной и задушевной музы нашего поэта. Мы сказали уже, что Веневитиновъ не считалъ поэзію бредомъ ума или случайной экзальтаціей чувства, съ неуваженіемъ отзывался о стихотворцахъ, «обратившихъ ее въ орудіе нравственнаго безсилія» и никакъ не хотѣлъ допустить, чтобы «чувство освобождало поэта отъ обязанности мыслить, отвлекая его отъ высокой цѣли самоусовершенствованія.» Въ чувствѣ онъ не останавливался на одномъ внѣшнемъ, поверхностномъ впечатлѣніи, но долго и часто съ мучительными волненіями, выносилъ его въ себѣ, прежде, чѣмъ изливался на бумагу. Оттого всѣ почти стихотворенія его носятъ на себѣ черты, могущія смѣло войти въ біографію поэта по своей искренности и полному соотвѣтствію съ внутренней жизнью автора. Вотъ какъ понималъ самъ Веневитиновъ процессъ поэтическаго творчества. «Самыя поэтическія эпохи исторіи — говорилъ онъ — представляютъ намъ самое малое число поэтовъ, и это не трудно объяснить естественными законами ума. Первое чувство никогда не творитъ и не можетъ творить; потому что оно всегда представляетъ

согласіе. Чувство только пораждаетъ мысль, которая развивается въ борьбѣ и тогда уже, снова обратившись въ чувство, является въ произведеніи. И потому, истинные поэты всѣхъ народовъ, всѣхъ вѣковъ, были глубокими мыслителями и, такъ сказать, вѣнцомъ просвѣщенія.» Поэтъ еще яснѣй и нагляднѣй выражалъ свою мысль слѣдующимъ примѣромъ: «представимъ себѣ Фидіаса, пораженнаго идеею Аполлона. Въ душѣ его совершенное спокойствіе, совершенная тишина. Но доволенъ ли онъ этимъ чувствомъ? Еслибъ наслажденіе его было полное — для чего бы онъ взялъ рѣзецъ? Еслибъ идеалъ его былъ ясенъ — для чего старался бы онъ его выразить? Нѣтъ, эта тишина, предвѣстница бури.... Но когда вдохновенный художникъ, побѣдивъ всѣ трудности искусства, передалъ свою мысль безчувственному мрамору, тогда только истинное спокойствіе водворяется въ его душу: онъ позналъ свою силу и наслаждается въ мірѣ ему уже знакомомъ.»

Такимъ образомъ, чувство, по мнѣнію Веневитинова, тогда только можетъ стать достойнымъ предметомъ творчества, когда оно укрѣпится въ долгой, внутренней борьбѣ и пройдетъ всѣ сложныя фазы своего развитія. По этому особенному характеру своего поэтическаго таланта, Веневитиновъ чувствовалъ большое влеченіе къ поэзіи Гете, въ которой мысль наиболѣе подружилась съ чувствомъ. Но, по неизъяснимой тайнѣ творчества, это мыслящее направленіе нимало не скрадывало въ немъ тѣхъ нѣжнѣйшихъ оттѣнковъ чувства, той граціи и теплоты созданія, которымъ, къ сожалѣнію, суждено было проявиться только въ весьма немногихъ произведеніяхъ.... Но въ какихъ же именно? вотъ вопросъ, на который я долженъ отвѣчать нѣсколько подробнѣе, приступивъ къ пересмотру того, что осталось отъ Веневитинова въ полномъ собраніи его сочиненій.

Прежде всего, я долженъ замѣтить, что нѣкоторая часть напечатанныхъ произведеній Веневитинова, весьма интересная для біографа, не носитъ на себѣ той окончательной внѣшней отдѣлки, которая бы вполнѣ удовлетворила строгаго цѣнителя — не носитъ уже потому, что многія изъ этихъ произведеній напечатаны по смерти автора и, по всей вѣроятности, не были бы

имъ самимъ одобрены къ печати. Впрочемъ, изъ нѣкоторыхъ, болѣе или менѣе обработанныхъ стихотвореній, какъ напр. «Три розы», «Поэтъ», «Пѣснь Грека», «Къ любителю музыки», «Поэтъ и Другъ», «Жертвоприношеніе» и др., мы можемъ видѣть: до какой изящной гибкости и мелодичности могъ доходить стихъ нашего поэта. Что же касается до «Пѣсни Грека», написанной Веневитиновымъ 18-ти лѣтъ, и «Поэта», — то мы можемъ сказать, безъ преувеличенія, что только у одного Пушкина русскій языкъ укладывался въ то время въ такія звучныя, текучія строфы. Въ сценѣ: «Поэтъ и Другъ», въ стихотвореніи: «Я чувствую, во мнѣ горитъ....» строгій вкусъ можетъ отмѣтить нѣкоторыя погрѣшности стиха, — но если мы вспомнимъ время ихъ появленія и прибавимъ къ этому, что нынѣ стихъ самаго Пушкина начинаетъ уже старѣть для нашего уха, то, безъ труда, оцѣнимъ все достоинство ихъ стройной фактуры. *) Чтобъ хорошо оцѣнить поэзію Веневитинова необходимо вчитаться въ его стихотвореніе:

«Я чувствую, во мнѣ горитъ
Святое пламя вдохновенья....»

Оно написано поэтомъ въ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ минутъ его творчества и представляетъ какъ бы программу той поэзіи будущаго, для которой онъ считалъ себя призваннымъ. Стихотвореніе прекрасно и какъ будто навѣяно поэту воспоминаніями его первой юности, но имъ однимъ еще не опредѣляется вполнѣ характеръ поэзіи Веневитинова. По широтѣ своей натуры, поэтъ дѣйствительно отзывался на всякое человѣческое стремленіе, на всякій призывъ природы и чувства, а потому и не могъ бы никогда забиться въ какое нибудь одностороннее увлеченіе, — но всѣ эти разнообразныя впечатлѣнія слагались въ его душѣ по одному особенному закону, который составляетъ тайну творчества и придаетъ извѣстный характеръ всей музѣ поэта. Характеръ нашего поэта былъ элегическій въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Читатель

*) Въ переводахъ Веневитинова изъ Гёте, гдѣ близость къ подлиннику часто равняется красотѣ передачи, мы можемъ найти цѣлыя строфы, и донынѣ безукоризненныя со стороны внѣшней отдѣлки.

могъ уже убѣдиться изъ нашего «біографическаго очерка» въ томъ, что самая натура Веневитинова, его рано-развитый умъ, его скрытно-работавшее чувство, сильно располагали его къ тихой грусти по несбывшимся идеаламъ,—но не къ той грусти, которая бѣжитъ отъ жизни и враждуетъ съ нею; мы знаемъ также стихотвореніе: «Поэтъ», гдѣ Веневитиновъ беретъ за идеалъ—человѣка, живущаго внутри себя, съ запасомъ силъ и тихихъ вдохновеній.... Но чтобы глубже понять тотъ элегическій характеръ, который проникалъ собой лучшія произведенія Веневитинова и ту всегдашнюю сочувственную ноту, которой замыкалась его свѣтлая, примиряющая грусть—слѣдуетъ обратить вниманіе на стихотвореніе: «Къ любителю музыки», гдѣ поэтъ самъ обнаруживаетъ тайный процессъ своихъ душевныхъ ощущеній.

Да люди были, дѣйствительно, *братья* нашему поэту, и много слезъ о нихъ пролилъ онъ въ своихъ жаркихъ, юношескихъ мечтаніяхъ!...

Когда же муки чувства, какъ бы притупляя на мгновеніе душевную воспріимчивость поэта, повергали его въ полнѣйшую апатію къ жизни—тогда онъ, однимъ почеркомъ пера, писалъ свои скептическія, но задушевныя строфы въ стихотвореніи: „Жизнь" и др. Но это временное настроеніе недолго удерживалось въ душѣ поэта, снова разрѣшаясь въ тихую и свѣтлую гармонію:

Не такъ природы строгъ завѣтъ:
Не презирай ея дарами;
Она, на радость юныхъ лѣтъ,
Даетъ надежды намъ съ мечтами—
Ты гордо слышалъ ихъ привѣтъ.
Она желаніе святое
Сама зажгла въ твоей крови
И въ грудь, для пламенной любви,
Вложила сердце молодое.

Чтó сказать о частномъ значеніи этой поэзіи, о ея мѣстѣ въ исторіи русской литературы, о томъ вліяніи, которое могла имѣть она на современныхъ или послѣдующихъ поэтовъ?

Въ исторіи литературы Веневитиновъ составляетъ чисто-исключительное явленіе и мы, при всѣхъ усиліяхъ, не могли

бы подвести ему никакой генеалогіи.... Быть можетъ, по причинѣ этой разорванности съ прошлымъ, этой странной, но симпатичной одинокости,—поэзія Веневитинова промелькнула у насъ такимъ блестящимъ, но далекимъ метеоромъ. Былъ у насъ и другой поэтъ-мыслитель — Е. А. Баратынскій, личность котораго тоже, къ сожалѣнію, весьма мало знакома русской публикѣ. Но Баратынскій былъ воспитанъ на французской литературѣ и по своему направленію, не имѣлъ ничего общаго съ Веневитиновымъ. Притомъ же, значительный перевѣсъ мысли надъ чувствомъ, замѣчаемый въ Баратынскомъ, перевѣсъ, нарушавшій ихъ свѣтлую гармонію и часто выражавшійся въ блѣдныхъ и безцвѣтныхъ образахъ, составляетъ совершенную противоположность той слитной полнотѣ мысли и чувства, которая отмѣчала собой поэзію Веневитинова.

Основными чертами своей поэзіи, Веневитиновъ также существенно разнится и отъ Пушкина: тамъ страшная сила непосредственнаго творчества, тутъ глубокая внутренняя работа, въ которой талантъ не вдругъ обнаруживаетъ свои скрытыя силы. Одинъ владѣетъ всѣмъ широкимъ и разнообразнымъ полемъ искусства: и чувство, и фантазія, и лирическій жаръ, и объективное воззрѣніе, находятся въ его власти; другой избралъ себѣ менѣе широкій, но завидный уголокъ чувства, быть можетъ, развитаго насчетъ фантазіи, но проникнутаго мыслью и согрѣтаго всей теплотой сознательной жизни. Мы не сравниваемъ заслугъ этихъ двухъ поэтовъ, изъ которыхъ одинъ составилъ собой эру въ исторіи русской литературы, другой же умеръ вначалѣ своего развитія, а хотимъ только уяснить отличительныя черты не вполнѣ развившейся, но въ высшей степени симпатичной музы.... Къ тому же, съ этими именно чертами, поэзія Веневитинова уже перешла въ исторію нашей литературы и, безъ сомнѣнія, оказала свое вліяніе на многихъ поэтовъ. У Веневитинова не было прямыхъ подражателей и послѣдователей въ литературѣ, но нравственное вліяніе тонко и неуловимо: оно невсегда сказывается однимъ, опредѣленнымъ образомъ, одною рѣзкою и очевидною чертою; довольно того, что идея сознательнаго творчества, полнаго согласія ума и чувства, которой пред-

ставителемъ является Веневитиновъ, была постоянно жива въ русской литературѣ и часто напоминалась лучшими критиками. Что сталось бы впослѣдствіи съ нашимъ поэтомъ, еслибъ ранняя смерть не окончила дней его, какихъ созданій мы были бы вправѣ ожидать отъ его таланта? Это относится уже къ области критическихъ гаданій.

Заключая статью нашу, мы должны напомнить читателямъ то общественное значеніе, какое имѣетъ для насъ личность Веневитинова. Главный двигатель перваго философскаго кружка въ Россіи, человѣкъ, стремившійся внести сознательные принципы не только въ науку, но и въ самую жизнь; основатель журнала, честно служившаго философской пропагандѣ въ Россіи — онъ, конечно, заслуживаетъ за это нашего полнаго вниманія. Въ своемъ кружкѣ, въ сферѣ людей, изъ которыхъ многіе составили себѣ имя на различныхъ путяхъ дѣятельности, между которыми самъ Пушкинъ стоитъ въ отдаленной перспективѣ, значеніе Веневитинова не подлежитъ никакому сомнѣнію. Мало такихъ свѣтлыхъ и безупречныхъ личностей найдемъ мы въ исторіи русскаго общества. Мы встрѣчали изъ этого кружка людей уже поживщихъ и испытанныхъ жизнью, много видѣвшихъ и многое позабывшихъ — но при одномъ словѣ объ ихъ юномъ другѣ, при одномъ звукѣ этого незабвеннаго имени, рой свѣтлыхъ и чистыхъ воспоминаній внезапно поднимался въ нихъ изъ тумана прошлаго. Много было нужно душевной силы, много теплоты и неизъяснимой привлекательности, чтобъ въ 20, съ небольшимъ, лѣтъ, созрѣть вполнѣ для такого прочнаго, глубокаго дѣйствія на человѣческое сердце!

Въ ряду многихъ, современныхъ ему дѣятелей, не знавшихъ куда дѣвать избытокъ душевныхъ силъ или выгоды своей общественной обстановки, мыслящая и трудящаяся личность Веневитинова, до сихъ поръ, является намъ какимъ-то чуднымъ и загадочнымъ призракомъ....

Мы должны сказать еще нѣсколько словъ касательно редакціонной части изданія. Порядокъ размѣщенія стихотворе-

ній мы значительно измѣнили противъ прежняго, Смирдинскаго изданія, руководствуясь, преимущественно, тѣми хронологическими указаніями, которыя удалось намъ собрать отъ родныхъ и знакомыхъ Веневитинова. Подъ нѣкоторыми стихотвореніями мы выставили одинъ годъ, подъ другими два смежныхъ года, когда не знали точно времени ихъ появленія; есть и такія, которыя совсѣмъ лишены хронологической цифры и помѣщены на томъ или другомъ мѣстѣ по нашимъ собственнымъ соображеніямъ и догадкамъ. Переводы изъ Гёте (Земная участь и апоѳеоза художника и Отрывки изъ Фауста) мы оставили по прежнему въ концѣ стихотворнаго отдѣла, такъ какъ они представляютъ особый циклъ произведеній нашего поэта. Въ прозаической части мы сгруппировали въ началѣ отдѣла всѣ мелкіе отрывки, которые прежде были разбросаны въ разныхъ мѣстахъ, и отнесли къ концу его болѣе серьезныя статьи, какъ-то: письма о философіи, Разборъ «Разсужденія» Мерзлякова и полемику съ Полевымъ, не вошедшую, какъ мы сказали, въ прежнее собраніе сочиненій Веневитинова.

Нынѣшнее изданіе составляетъ, по счету, третье — со смерти автора.

А. Пятковскій.

С. Петербургъ. 1858 — 1860 г.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЗНАМЕНІЯ ПЕРЕДЪ СМЕРТЬЮ ЦЕЗАРЯ.

(Отрывокъ изъ Виргилıевыхъ Георгикъ.)

О Фебъ! тебя-ль дерзнемъ обманчивымъ назвать?
Не твой ли быстрый взоръ умѣетъ проникать
До глубины сердецъ, гдѣ возникаютъ мщенья
И злобы бурныя, но тайныя волненья?
По смерти Цезаря, ты съ Римомъ скорбь дѣлилъ,
Кровавымъ облакомъ чело свое покрылъ;
Ты отвратилъ отъ насъ разгнѣванныя очи,
И міръ, преступный міръ, страшился вѣчной ночи.
Но все грозило намъ — и ревъ морскихъ валовъ,
И врановъ томный кликъ, и лай ужасный псовъ.
Колькраты зрѣли мы, какъ Этны горнъ кремнистой
Расплавлены скалы вращалъ рѣкой огнистой,
И пламя клубами на поле изрыгалъ.
Германецъ трепетный на небеса взиралъ;
Со трескомъ облака сражались съ облаками,
И Альпы двигались подъ вѣчными снѣгами.
Священный лѣсъ стеналъ; — во мглѣ густой ночей
Скитался блѣдный сонмъ мелькающихъ тѣней.
Мѣдь потомъ залилась, (чудесный знакъ печали!)
На мраморахъ боговъ мы слезы примѣчали.
Земля отверзлася, Тибръ устремился вспять,
И звѣри къ ужасу могли слова вѣщать;

Разлитый Эриданъ кипящими волнами
Увлекъ дремучій лѣсъ и пастырей съ стадами.
Во внутренности жертвъ священный взоръ жрецовъ
Читалъ лишь бѣдствія и грозный гнѣвъ боговъ;
Въ кровавыя струи потоки обращались;
Волки ревущіе, средь стогнъ, во мглѣ скитались;
Мы зрѣли въ ясный день и молнію, и громъ,
И страшную звѣзду съ пылающимъ хвостомъ.
И такъ вторицею орлы дрались съ орлами.
Въ поляхъ Филипповыхъ подъ тѣми-жъ знаменами
Родные межъ собой сражались вновь полки,
И въ битвѣ падалъ братъ отъ братниной руки.
Двукраты рокъ велѣлъ, чтобъ Римскія дружины
Питали кровію Ѳракійскія долины.
Быть можетъ, нѣкогда въ обширныхъ сихъ поляхъ,
Гдѣ нашихъ воиновъ лежитъ бездушный прахъ,
Спокойный селянинъ тяжелой бороною
Ударитъ въ шлемъ пустой — и трепетной рукою
Подниметъ ржавый щитъ, затупленный булатъ, —
И кости подъ его стопами загремятъ.
1819 г.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Пусть искатель гордой славы
Жертвуетъ покоемъ ей!
Пусть летитъ онъ въ бой кровавый
За толпой богатырей!
Но надменными вѣнцами
Не прельщенъ пѣвецъ лѣсовъ:

Я счастливъ и безъ вѣнцовъ,
Съ лирой, съ вѣрными друзьями.

Пусть богатства страсть терзаетъ
Алчущихъ рабовъ своихъ!
Пусть ихъ златомъ осыпаетъ,
Пусть они изъ странъ чужихъ
Съ нагруженными судами
Волны ярыя дробятъ: —
Я безъ золота богатъ
Съ лирой, съ вѣрными друзьями.

Пусть веселій рой шумящій
За собой толпы влечетъ!
Пусть на ихъ алтарь блестящій
Каждый жертву понесетъ!
Не стремлюсь за ихъ толпами —
Я безъ шумныхъ ихъ страстей
Веселъ участью своей
Съ лирой, съ вѣрными друзьями.
1821 г.

ВѢТОЧКА.

Въ безцѣнный часъ уединенья,
Когда пустынною тропой
Съ живымъ восторгомъ упоенья
Ты бродишь съ милою мечтой
Въ тѣни дубравы молчаливой, —
Видалъ ли ты, какъ вѣтръ игривой

Младую вѣточку сорветъ?
Родной кустарникъ оставляя,
Она віется, упадая
На зеркало ручейныхъ водъ,
И, новый житель влаги чистой,
Съ потокомъ плыть принуждена,
То надъ струею серебристой
Спокойно носится она,
То вдругъ предъ взоромъ исчезаетъ
И кроется на днѣ ручья;
Плыветъ — все новое встрѣчаетъ,
Все незнакомые края:
Усѣянъ нѣжными цвѣтами
Здѣсь улыбающійся брегъ,
А тамъ пустыни, вѣчный снѣгъ,
Иль горы съ грозными скалами.
Такъ далѣй вѣточка плыветъ
И путь невѣрный свой свершаетъ,
Пока она не утопаетъ
Въ пучинѣ безпредѣльныхъ водъ.
Вотъ наша жизнь! — такъ къ вѣрной цѣли,
Необоримою волной,
Потокъ насъ всѣхъ отъ колыбели
Влечетъ до двери гробовой *).

1821—22 г.

*) Стихотвореніе это, какъ и сказано у насъ въ біографическомъ очеркѣ (стр. 6), есть довольно близкій переводъ изъ Грессе. Мы не имѣемъ подъ рукой сочиненій Грессе. но желающіе справиться могутъ найти означенный оригиналъ въ Galerie littéraire par I. Maigrot или въ нашей статьѣ: «Матеріалы для біографіи Веневитинова», во 2-мъ вып. «Сборника», изд. студ. С. Петербургскаго университета.

ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ НЕОКОНЧЕННОЙ ПОЭМЫ.

I.

Шуми Осетръ! твой брегъ украшенъ
Дѣлами славной старины;
Ты роешь камни мшистыхъ башенъ
И древней, твердыя стѣны,
Обросшей давнею травою.
Но кто надъ древнею рѣкою
Разбросилъ груды кирпичей,
Остатки древнихъ укрѣпленій,
Развалины минувшихъ дней?
Иль для грядущихъ поколѣній
Какъ памятникъ стоятъ онѣ
Воинскихъ, громкихъ приключеній?
Такъ, — брань пылала въ сей странѣ;
Но бранныхъ нѣтъ уже: могила
Могучихъ съ слабыми сравнила.
На полѣ битвъ — глубокій сонъ.
Прошло побѣды ликованье,
Умолкнулъ побѣжденныхъ стонъ;
Одно лишь темное преданье
Вѣщаетъ о дѣлахъ вѣковъ
И вѣетъ вкругъ нѣмыхъ гробовъ.

Взгляни какъ новое свѣтило,
Грозя пылающимъ хвостомъ,

Поля Рязански озарило
Зловѣщимъ пурпурнымъ лучомъ.
Небесный сводъ отъ метеора
Багровымъ заревомъ горитъ.
Толпа средь княжескаго двора
Растетъ, тѣснится и шумитъ;
Младые старцевъ окружаютъ
И жадно ловятъ ихъ слова:
Несется разная молва.
Изъ нихъ иные предвѣщаютъ
Войну кровавую иль гладъ;
Другіе даже говорятъ,
Что скоро, къ ужасу вселенной,
Раздастся звукъ трубы священной
И съ пламеннымъ мечемъ въ рукахъ
Промчится ангелъ истребленья.
На лицахъ суевѣрный страхъ,
И съ хладнымъ трепетомъ смятенья
Власы поднялись на челахъ.

II.

Средь терема, въ покоѣ темномъ,
Подъ сводомъ мрачнымъ и огромнымъ,
Гдѣ тускло, межь столбовъ, мелькалъ
Свѣтильникъ блѣдный, одинокій,
И слабымъ свѣтомъ озарялъ
И лики стѣнъ, и сводъ высокій
Съ изображеньями святыхъ, —
Князь Өедоръ окруженъ толпою

Бояръ и братьевъ молодыхъ.
Но нѣтъ веселія межь нихъ:
Въ борьбѣ съ тревогою нѣмою,
Глубокой думою томясь,
На длань склонился юный князь,
И на челѣ его прекрасномъ
Блуждали мысли, какъ весной
Блуждаютъ тучи въ небѣ ясномъ.
За часомъ длился часъ другой;
Князья, бояре всѣ молчали —
Лишь чаши звонкія стучали,
И въ нихъ шипѣлъ кипящій медъ.
Но медъ, сердецъ славянскихъ радость,
Душа пировъ и врагъ заботъ,
Для князя потерялъ всю сладость,
И Өедоръ безъ отрады пьетъ.
Въ немъ сердце къ радости остыло:

. . . .

Ты улетѣлъ, восторгъ счастливый,
И вы, прелестныя мечты,
Весенней жизни красоты,
Ахъ! вы увяли, какъ средь нивы
На мигъ блеснувшіе цвѣты!
Зачѣмъ, зачѣмъ тоскѣ унылой
Младое сердце отдалъ онъ?
Давно ли онъ съ супругой милой
Одну лишь радость въ жизни зналъ?
Бывало, братья удалые
Сбирались шумною толпой:
Межь нихъ младая Евпраксія

Была веселости душой,
И часъ вечерняго досуга,
Въ бесѣдѣ дружескаго круга,
Какъ чистый, быстрый мигъ летѣлъ.

1822 г.

ПѢСНЬ КОЛЬМЫ.

(Изъ Макферсона.)

Ужасна ночь, а я одна
Здѣсь на вершинѣ одинокой.
Вокругъ меня стихій война.
Въ ущеліяхъ горы высокой
Я слышу вѣтровъ свистъ глухой.
Здѣсь по скаламъ съ горы крутой
Стремится внизъ потокъ ревучій,
Ужасно надъ моей главой
Гремитъ перунъ, несутся тучи.
Куда бѣжать? гдѣ милый мой?
Увы, подъ бурею ночною
Я безъ убѣжища, одна!
Блесни на высотѣ, луна,
Возстань, явися надъ горою!
Быть можетъ, благодатный свѣтъ
Меня къ Сальгару приведетъ.
Онъ вѣрно ловлей изнуренный,
Своими псами окруженный,
Въ дубравѣ иль въ степи глухой,
Сложивши съ плечъ свой лукъ могучій
Съ опущенною тетивой,

И презирая громъ и тучи,
Ему знакомый бури вой,
Лежитъ на муравѣ сырой.
Иль ждетъ онъ на горѣ пустынной,
Доколѣ не наступитъ день
И не разсѣетъ ночи длинной.
Ужаснѣй громъ; ужаснѣй тѣнь;
Сильнѣе вѣтровъ завыванье;
Сильнѣе волнъ сѣдыхъ плесканье!
И гласа не слыхать!
О вѣрный другъ! Сальгаръ мой милый!
Гдѣ ты? ахъ, долго-ль мнѣ унылой
Среди пустыни сей страдать?
Вотъ дубъ, потокъ, о брегъ дробимый,
Гдѣ ты клялся до ночи быть!
И для тебя мой кровъ родимый
И братъ любезный мной забытъ.
Семейства наши знаютъ мщенье,
Онѣ враги между собой:
Мы не враги, Сальгаръ, съ тобой.
Умолкни, вѣтръ, хоть на мгновенье!
Остановись, потокъ сѣдой!
Быть можетъ, что любовникъ мой
Услышитъ голосъ, имъ любимый!
Сальгаръ! тебя здѣсь Кольма ждетъ;
Здѣсь дубъ, потокъ, о брегъ дробимый;
Здѣсь все: лишь милаго здѣсь нѣтъ.

1822 г.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Друзья! настал и новый годъ!
Забудьте старыя печали,
И скорби дни, и дни заботъ,
И все, чѣмъ радость убивали;—
Но не забудьте ясныхъ дней,
Забавъ, веселій легкокрылыхъ,
Златыхъ часовъ для сердца милыхъ,
И старыхъ, искреннихъ друзей.

Живите новымъ въ новый годъ,
Покиньте старыя мечтанья,
И все, что счастья не даетъ,
А лишь одни родитъ желанья!
По прежнему въ годъ новый сей
Любите музъ и пѣсень сладость,
Любите шутки, игры, радость,
И старыхъ искреннихъ друзей.

Друзья! встрѣчайте новый годъ
Въ кругу родныхъ, среди свободы:
Пусть онъ для васъ, друзья, течетъ,
Какъ дѣтства счастливые годы.
Но средь Петропольскихъ затѣй
Не забывайте звуковъ лирныхъ,
Занятій сладостныхъ и мирныхъ,
И старыхъ, искреннихъ друзей.

1823 г.

ЧЕТЫРЕ ОТРЫВКА ИЗЪ НЕОКОНЧЕННАГО ПРОЛОГА:

СМЕРТЬ БАЙРОНА *.

I.

БАЙРОНЪ.

Къ тебѣ стремился я, страна очарованій!
Ты въ блескѣ снилась мнѣ, и ясный образъ твой,
Въ волшебные часы мечтаній,
На крыльяхъ радужныхъ леталъ передо мной.
Ты обѣщала мнѣ отдать восторгъ цѣлебной,
Насытить жадный духъ добычею вѣковъ,—
И стройный хоръ твоихъ пѣвцовъ,
Гремя гармоніей волшебной,
Мнѣ издали манилъ съ полуденныхъ бреговъ.
Здѣсь думалъ я поднять таинственный покровъ
Съ чела таинственной природы,
Узнать вблизи сокрытыя черты,
И въ океанѣ красоты
Забыть обманъ любви, забыть обманъ свободы.

II.

ВОЖДЬ ГРЕКОВЪ.

Сынъ Сѣвера! Взгляни на волны:
Ихъ вражіи покрыли корабли,
Но часъ пройдетъ,—и наши челны
Имъ смерть на встрѣчу понесли!

* Планъ этого пролога неизвѣстенъ. Отрывки же (за исключеніемъ, развѣ, перваго изъ нихъ) очевидно набросаны вчернѣ, на скорую руку.

Они еще сокрыты за скалою,
Но скоро вылетятъ на произволъ валовъ.
Сынъ Сѣвера! готовься къ бою.

БАЙРОНЪ.

Я умереть всегда готовъ.

ВОЖДЬ.

Да! Смерть сладка, когда цвѣтъ жизни
Приносишь въ дань своей отчизнѣ.
Я самъ не разъ ее встрѣчалъ
Средь нашей доблестной дружины,
И зыбкости морской пучины
Надежду, жизнь и все ввѣрялъ.
Я помню славный берегъ Хіо —
Онъ въ памяти и у враговъ.
Средь вѣрной пристани ночуя,
Спокойные Магометане
Не думали о шумѣ браней.
Покой лелѣялъ ихъ безпечность.
Но мы, мы Греки, не боимся
Тревожить сонъ своихъ враговъ:
Летимъ на десяти ладьяхъ;
Взвилися молньи роковыя,
И вмигъ зажглись валы морскіе.
Громады кораблей взлетѣли, —
И все затихло въ безднѣ водъ.
Чтожь озарилъ лучь ясный утра? —
Лишь опустѣлый Океанъ,
Гдѣ изрѣдка обломокъ судна

Къ зеленымъ несся берегамъ,
Иль трупъ холодный, и съ чалмою,
Качался тихо надъ волною.

III.

ХОРЪ.

Валы Архипелага
Кипятъ подъ злой ватагой;
Друзья! на корабляхъ
Вдали чалмы мелькаютъ,
И мѣсяцы сверкаютъ
На бѣлыхъ парусахъ.

Плывутъ рабы Султана,
Но заповѣдь Корана
Имъ не залогъ побѣдъ.
Пусть ихъ несетъ отвага!
Сыны Архипелага
Имъ смерть пошлютъ во слѣдъ.

IV.

ХОРЪ.

Орелъ! Какой перунъ враждебной
Полетъ твой смѣлый прекратилъ?
Чей голосъ силою волшебной
Тебя созвалъ во тьму могилъ?
О Эвръ! вѣй вѣстію печальной!
Реви уныло, бурный валъ!

Пусть Альбіона берегъ дальной
Трепеща слышитъ, что онъ палъ.

Стекайтесь, племена Эллады,
Сыны свободы и побѣдъ!
Пусть вмѣсто лавровъ и награды
Надъ гробомъ грянетъ нашъ обѣтъ:
Сражаться съ пламенной душою
За счастье Греціи, за месть,
И въ жертву падшему Герою
Луну поблекшую принесть!
1823 г.

ПѢСНЬ ГРЕКА.

Подъ небомъ Аттики богатой
Цвѣла счастливая семья.
Какъ мой отецъ, простой оратай,
За плугомъ пѣлъ свободу я.
Но турокъ злыя ополченья
На наши хлынули владѣнья...
Погибла мать, отецъ убитъ,
Со мной спаслась сестра младая,
Я съ нею скрылся, повторяя:
За все мой мечъ вамъ отомститъ.

Не лилъ я слезъ въ жестокомъ горѣ,
Но грудь стѣснило и свело;
Нашъ легкій челнъ помчалъ насъ въ море,
Пылало бѣдное село,
И дымъ столбомъ чернѣлъ надъ валомъ.

Сестра рыдала,—покрываломъ
Печальный взоръ полузакрытъ;
Но слыша тихое моленье,
Я припѣвалъ ей въ утѣшенье:
За все мой мечъ вамъ отомститъ.

Плывемъ, и при лунѣ сребристой
Мы видимъ крѣпость надъ скалой.
Вверху, какъ тѣнь, на башнѣ мшистой
Шагалъ Турецкій часовой;
Чалма склонилася къ пищали—
Внезапно волны засверкали,
И вотъ—въ рукахъ моихъ лежитъ
Безъ жизни дѣва молодая.
Я обнялъ тѣло, повторяя:
За все мой мечъ вамъ отомститъ.

Востокъ румянился зарею,
Пристала къ берегу ладья,
И надъ шумящею волною
Сестрѣ могилу вырылъ я.
Не мраморъ съ надписью унылой
Скрываетъ тѣло дѣвы милой,
Нѣтъ, подъ скалою трупъ зарытъ;
Но на скалѣ сей неизмѣнной:
Я начерталъ обѣтъ священной:
За все мой мечъ вамъ отомститъ.

Съ тѣхъ поръ меня Магометане
Узнали въ стычкѣ боевой,

Съ тѣхъ поръ, какъ часто въ шумѣ браней
Обѣтъ я повторяю свой!
Отчизны гибель, смерть прекрасной,
Все, все припомню въ часъ ужасной;
И всякій разъ, какъ мечъ блеститъ
И падаетъ глава съ чалмою,
Я говорю съ улыбкой злою:
За все мой мечъ вамъ отомститъ.

1823 г.

ЛЮБИМЫЙ ЦВѢТЪ.

(Посвящено Софьѣ Владиміровнѣ Веневитиновой.)

На небѣ всѣ цвѣты прекрасны,
Всѣ мило свѣтятъ надъ землей,
Всѣ дышатъ горней красотой.
Люблю я цвѣтъ лазури ясный:
Онъ часто томностью плѣнялъ
Мои задумчивыя вѣжды
И въ сердце робкое вливалъ
Отрадный лучъ благой надежды;
Люблю, люблю я цвѣтъ луны,
Когда она въ поляхъ эѳира,
Съ дарами сладостнаго мира,
Плыветъ какъ Ангелъ тишины;
Люблю цвѣтъ радуги прозрачной, —
Но изъ цвѣтовъ любимой мой
Есть цвѣтъ денницы молодой:
Въ семъ цвѣтѣ, какъ въ одеждѣ брачной,
Сіяетъ утромъ небосклонъ;
Онъ цвѣтъ невинности счастливой;

Онъ чистъ, какъ дѣвы взоръ стыдливой;
И ясенъ, какъ младенца сонъ.

Когда и страхъ и рой веселій,
Все было чуждо для тебя
Въ предѣлахъ тѣсной колыбели:
Посланникъ неба, возлюбя
Младенца милую безпечность,
Тебя лелѣялъ въ тишинѣ;
Ты почивала, но во снѣ,
Душой разгадывая вѣчность,
Встрѣчала ясную мечту
Улыбкой милою, прелестной....
Что сорвало улыбку ту,
Что зрѣла ты — мнѣ неизвѣстно;
Но твой хранитель-гость небесной
Взмахнулъ таинственнымъ крыломъ,
И тѣнь ночная пробѣжала,
На небосклонѣ заиграла
Денница пурпурнымъ огнемъ,
И лучъ румянаго разсвѣта
Твои ланиты озарилъ.
Съ тѣхъ поръ онъ вдвое сталъ мнѣ милъ,
Сей лучъ румянаго разсвѣта.
Храни его.... не даромъ онъ
На дѣвственныхъ щекахъ возженъ;
Не отблескъ красоты напрасной,
Нѣтъ! онъ печать минуты ясной,
Залогъ онъ тайный, не земной.
На небѣ всѣ цвѣты прекрасны,

Всѣ дышатъ горней красотой;
Но межъ цвѣтовъ есть цвѣтъ святой,
То цвѣтъ денницы молодой.

К. И. ГЕРКЕ.

(При посылкѣ трагедіи Вернера.)

Въ вечерній часъ уединенья,
Когда свободный отъ трудовъ
Ты сердцемъ жаждешь вдохновенья,
Гармоньи сладостной стиховъ.

Читай — мечтай — пусть предъ тобою
Завѣса времени падетъ,
И ясной длинной чередою
Промчится рядъ минувшихъ лѣтъ!

Взгляни! — уже могучій геній
Расторгнулъ хладный мракъ могилъ;
Уже собравъ героевъ тѣни,
Тебя ихъ сонмомъ окружилъ —

Узнай печать небесной силы
На поблѣднѣвшихъ ихъ челахъ.
Ея не сгладилъ прахъ могилы,
И тотъ же пламень въ ихъ очахъ....

Но ты во храмѣ — вкругъ гробницы *),
Гдѣ милое дитя лежитъ,

*) Здѣсь берется на выдержку одна картина изъ пьесы.

Поютъ печальныя дѣвицы —
И къ небу стройный плачъ летитъ.

„Зачѣмъ она, какъ майскій цвѣтъ,
„На мигъ блеснувшій красотою,
„Оставила такъ рано свѣтъ
„И радость унесла съ собою!“

Ты слушаешь — и слезы пали
На листъ съ пылающихъ ланитъ,
И чувство тихое печали
Невольно сердце шевелитъ. —

Блаженъ, блаженъ, кто въ полдень жизни
И на закатѣ ясныхъ лѣтъ,
Какъ въ нѣдрахъ радостной отчизны,
Еще въ фантазіи живетъ.

Кому небесное — родное,
Кто сочетаетъ съ сѣдиной
Воображенье молодое
И разумъ съ пламенной душой.

Въ волшебной чашѣ наслажденья
Онъ дна пустова не найдетъ,
И всклинетъ, въ чувствахъ упоенья:
„Прекрасному предѣловъ нѣтъ!“

СОНЕТЪ.

Къ тебѣ, о чистый Духъ, источникъ вдохновенья,
На крыліяхъ любви несется мысль моя:
Она затеряна въ юдоли заточенья,
И все зоветъ ее въ небесные края.
Но ты облекъ себя въ завѣсу тайны вѣчной:
Напрасно силится мой духъ къ тебѣ парить.
Тебя читаю я во глубинѣ сердечной,
И мнѣ осталося надѣяться, любить.

Греми надеждою, греми любовью, лира!
Въ преддверьи вѣчности, греми его хвалой!
И еслибъ рухнулъ міръ, затмился свѣтъ эѳира
И хаосъ задавилъ природу пустотой, —
Греми! Пусть сѣтуютъ среди развалинъ міра
Любовь съ надеждою и вѣрою святой!

ПОСЛАНІЕ КЪ РОЖАЛИНУ.

Я молодъ, другъ мой, въ цвѣтѣ лѣтъ,
Но я извѣдалъ жизни море,
И для меня ужъ тайны нѣтъ
Ни въ пылкой радости, ни въ горѣ.
Я долго тѣшился мечтой,
Звѣздамъ небеснымъ слѣпо вѣрилъ,
И океанъ безбрежный мѣрилъ
Своею утлою ладьей.

Съ надменной радостью бывало
Глядѣлъ я, какъ мой смѣлый челнъ
Печаталъ слѣдъ свой въ безднѣ волнъ.
Меня пучина не пугала:
„Чего страшиться?“ думалъ я,
„Бывало-ль зеркало такъ ясно
Какъ зыбь морей?“ Такъ думалъ я,
И гордо плылъ, забывъ края.
И чтожь скрывалось подъ волною?
О камень грянулъ я ладьею,
И въ дребезги моя ладья!
Обманутъ небомъ и мечтою,
Я проклялъ жребій и мечты...
Но издали манилъ мнѣ ты,
Какъ брегъ призывный улыбался,
Тебя съ восторгомъ я обнялъ,
Повѣрилъ снова наслажденьямъ,
И съ хладной жизнью сочеталъ
Души горячей сновидѣнья.

1824 г.

КЪ СКАРЯТИНУ.

(При посылкѣ ему водевиля *)

Не плодъ высокихъ вдохновеній
Пѣвецъ и другъ тебѣ приноситъ въ даръ;
Не Піэридъ небесный жаръ,
Не пламенный восторгъ, не геній

*) Водевиль этотъ состоялъ изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ сценъ и былъ написанъ для домашняго спектакля. Онъ хранился долгое время у А. В. В—ва.

*

Моей душою обладалъ:
Нестройной пѣснію моя звучала лира,
И я въ безумьи промѣнялъ
Улыбку музъ на смѣхъ Сатира.
Но ты простишь мнѣ грѣхъ безвинный мой;
Ты самъ, прекраснаго искатель,
Искусствъ счастливый обожатель,
Нерѣдко для проказъ забывъ восторгъ живой,
Кидая кисть — орудье дарованья,
Предъ музами грѣшилъ наединѣ
И смѣлымъ углемъ на стѣнѣ
Чертилъ фантазіи игривыя созданья.
Воображенье безъ оковъ,
Оно какъ бабочка игриво:
То любитъ надъ блестящей нивой
Порхать въ кругу земныхъ цвѣтовъ,
То къ радугѣ, къ цвѣтамъ небеснымъ мчится.
Не думай, чтобъ во мнѣ погасъ
Къ высокимъ пѣснямъ жаръ! Нѣтъ, онъ въ душѣ таится,
Его пробудитъ вновь поэта мощный гласъ,
И смѣлый ученикъ Байрона,
Я устремлюсь на крыліяхъ мечты
Къ волшебной сторонѣ, гдѣ лебедь Альбіона
Срывалъ забытые цвѣты.
Пусть это сонъ! меня онъ утѣшаетъ,
И я не буду унывать,
Пока судьба мнѣ позволяетъ
Восторгъ съ друзьями раздѣлять.
О другъ! мы разными стезями
Пройдемъ опредѣленный путь:

Ты избралъ поприще покрытое трудами,
Я захотѣлъ заранѣй отдохнуть;
Подъ мирной сѣнію оливы
Я избралъ свой пріютъ; но жребій мой счастливый
Не долженъ славою мелькнуть:
У скромной тишины на лонѣ
Прокрадется безвѣстно жизнь моя,
Какъ тихая вода пустыннаго ручья.
Ты бодрый духъ обрекъ Беллонѣ,
И доблесть сильныхъ возлюбя,
Обрекъ свой мечъ кумиру громкой славы —
Иди! — Но стана шумъ, воинскія забавы,
Все будетъ чуждо для тебя,
Какъ сна нежданыя видѣнья,
Какъ мира новаго явленья.
Быть можетъ, на брегу Днѣпра,
Когда въ тѣни подвижнаго шатра
Твои товарищи, драгуны удалые,
Кипя отвагой боевой,
Сберутся вкругъ тебя шумящею толпой,
И громко зашумятъ бокалы круговые, —
Жалѣя мыслію о прежней тишинѣ,
Ты вспомнишь о друзьяхъ, ты вспомнишь обо мнѣ;
Чуждаясь новыхъ сихъ веселій,
О спискѣ вспомнишь ты моемъ,
Иль взоръ нечаянно остановивъ на немъ,
Промолвишь про себя: мы нѣкогда умѣли
Шалить съ пристойностью, проказничать съ умомъ.

1825 г.

СОНЕТЪ.

Спокойно дни мои цвѣли въ долинѣ жизни;
Меня лелѣяли веселіе съ мечтой;
Мнѣ міръ фантазіи былъ ясный край отчизны,
Онъ привлекалъ меня знакомой красотой.

Но рано пламень чувствъ, душевные порывы
Волшебной силою разрушили меня:
Я жизни сладостной теряю лучъ счастливый,
Лишь вспоминаніе отъ прежняго храня.

О муза! я позналъ твое очарованье!
Я видѣлъ молній блескъ, свирѣпость ярыхъ волнъ;
Я слышалъ трескъ громовъ и бурей завыванье:
Но что сравнить съ пѣвцомъ, когда онъ страсти полнъ,
Прости! питомецъ твой тобою погибаетъ
И, погибающій, тебя благословляетъ.

1825 г.

НОВГОРОДЪ.

(Посвящено княгинѣ А. И. Трубецкой.)

Валяй, ямщикъ, да говори:
Далеко-ль Новградъ?
„Не далеко,
„Версты четыре или три.
„Вотъ видишь: что-то тамъ высоко,
„Какъ черный лѣсъ изъ далека....“

— Ну, вижу! это облака. —
„Нѣтъ, это Новградскія кровли.“

Ты-ль предо мной, о древній градъ
Свободы, славы и торговли! *)
Какъ живо сердцу говорятъ
Холмы разсѣянныхъ обломковъ!
Не смолкли въ нихъ твои дѣла,
И слава предковъ перешла
Въ уста правдивыя потомковъ.
„Ну тройка, духомъ донесла!“
— Потише. Гдѣ соборъ Софійской?
„Соборъ отсюда, баринъ, близко.
„Вотъ улица, да влѣво двѣ,
„А тамъ найдешь хоть самъ собою,
„И крестъ на голубой главѣ
„Ужъ будетъ прямо предъ тобою.“

— Вездѣ былаго свѣжій слѣдъ.
Вѣка прошли.... но ихъ полетъ
Промчался здѣсь не разрушая.
— Ямщикъ, гдѣ площадь вѣчевая?
„Прозванья этого здѣсь нѣтъ....“
— Какъ нѣтъ?

„А площадь не далеко
„За этой улицей широкой...:
„Вотъ площадь. Видишь шесть столбовъ;
„По сказкамъ нашихъ стариковъ,

---

*) Варіантъ: «Довольства, славы и торговли.»

„На сихъ столбахъ висѣлъ когда-то
„Огромный колоколъ: но онъ
„Давно отсюда увезенъ.“

Гдѣ Волховъ?
„Онъ передъ тобой
„Течетъ подъ этою горой.“
— Все также онъ волною шумной
Играя, весело бѣжитъ.
Онъ о минувшемъ не грустить.
Такъ все здѣсь близко, какъ и прежде.
Теперь ты самъ отвѣтствуй мнѣ,
О Новградъ! въ вѣковой одеждѣ
Ты предо мной, какъ въ сѣдинѣ
Безсмертныхъ витязей ровесникъ.
Твой прахъ гласитъ, какъ бдящій вѣстникъ,
О непробудной старинѣ.
Отвѣтствуй городъ величавый:
Гдѣ времена цвѣтущей славы,
Когда твой голосъ, бичъ князей,
Звуча здѣсь мѣдью въ бурномъ вѣчѣ,
Къ суду или кровавой сѣчѣ
Сзывалъ послушныхъ сыновей;
Когда твой мечъ, гроза сосѣда,
Каралъ Ливонію и Шведа,
И эта гордая волна
Носила дань войны жестокой.
Скажи: гдѣ эти времена? —
Онѣ далеко, ахъ, далеко!

1826 г.

ПОЭТЪ.

Тебѣ знакомъ ли сынъ боговъ,
Питомецъ музъ и вдохновенья?
Узналъ ли бъ межъ земныхъ сыновъ
Ты рѣчь его, его движенья? —
Не вспыльчивъ онъ, и строгій умъ
Не блещетъ въ шумномъ разговорѣ,
Но ясный лучъ высокихъ думъ
Невольно свѣтитъ въ ясномъ взорѣ.
Пусть вкругъ него, въ чаду утѣхъ,
Бунтуетъ вѣтреная младость, —
Безумный крикъ, нескромный смѣхъ *)
И необузданная радость:
Все чуждо, дико для него,
На все безмолвно онъ взираетъ;
Лишь что-то рѣдко съ устъ его
Улыбку бѣглую срываетъ.
Его богиня — простота,
И тихій геній размышленья
Ему поставилъ отъ рожденья
Печать молчанья на уста.
Его мечты, его желанья,
Его боязни, ожиданья,
Все тайна въ немъ, все въ немъ молчитъ:
Въ душѣ заботливо хранитъ
Онъ неразгаданныя чувства.
Когда-жь внезапно что-нибудь

---

*) Варіантъ: «Безумный крикъ, холодный смѣхъ.»

Взволнуетъ огненную грудь, —
Душа безъ страха, безъ искусства,
Готова вылиться въ рѣчахъ
И блещетъ въ пламенныхъ очахъ.
И снова тихъ онъ, и стыдливый
Къ землѣ онъ опускаетъ взоръ,
Какъ будто-бъ слышалъ онъ укоръ
За невозвратные порывы.
О если встрѣтишь ты его
Съ раздумьемъ на челѣ суровомъ,
Пройди безъ шума близь него,
Не нарушай холоднымъ словомъ
Его священныхъ, тихихъ сновъ!
Взгляни съ слезой благоговѣнья,
И молви: это сынъ боговъ,
Питомецъ музъ и вдохновенья!
1826 г.

МОЯ МОЛИТВА.

Души невидимый хранитель!
Услышь моленіе мое:
Благослови мою обитель
И стражемъ стань у вратъ ее,
Да черезъ мой порогъ смиренный
Не прешагнетъ, какъ тать ночной,
Ни обольститель ухищренный,
Ни лѣнь съ убитою душой,
Ни зависть съ глазомъ ядовитымъ,
Ни ложный другъ съ коварствомъ скрытымъ.

Всегда надежною броней
Пусть будетъ грудь моя одѣта,
Да не сразитъ меня стрѣлой
Измѣна мстительнаго свѣта.
Не отдавай души моей
На жертву суетнымъ желаньямъ,
Но воспитай спокойно въ ней
Огонь возвышенныхъ страстей.
Уста мои сомкни молчаньемъ,
Всѣ чувства тайной осѣни;
Да взоръ холодный ихъ не встрѣтитъ,
И лучъ тщеславья не просвѣтитъ
На незамѣченные дни.
Но въ душу влей покоя сладость,
Посѣй надежды сѣмена,
И отжени отъ сердца радость: —
Она — невѣрная жена.

1826 г.

ПОСЛАНІЕ КЪ РОЖАЛИНУ.

Оставь, о другъ мой, ропотъ твой,
Смири преступныя волненья:
Не ищетъ въ чужѣ утѣшенья
Душа богатая собой.
Не вѣрь, чтобъ люди разгоняли
Сердецъ возвышенныхъ печали.
Скупая дружба ихъ даритъ
Пустыя ласки, а не счастье;

Гордись, что ими ты забытъ, —
Ихъ равнодушное безстрастье
Тебѣ да будетъ похвалой.
Зарѣ не улыбался камень;
Такъ и сердецъ небесный пламень
Толпѣ бездушной и пустой
Всегда былъ тайной непонятной.
Встрѣчай ее съ душой булатной
И не страшись отъ слабыхъ рукъ
Ни сильныхъ ранъ, ни тяжкихъ мукъ.
О еслибъ могъ ты быстрымъ взоромъ
Мой новый жребій пробѣжать,
Ты пересталъ бы искушать
Судьбу неправеднымъ укоромъ.
Когда бъ ты видѣлъ этотъ міръ,
Гдѣ взоръ и вкусъ разочарованъ,
Гдѣ чувство стынетъ, умъ окованъ
И гдѣ тщеславіе — кумиръ;
Когда бъ въ пустынѣ многолюдной
Ты не нашелъ души одной, —
Повѣрь, ты бъ навсегда, другъ мой,
Забылъ свой ропотъ безразсудной.
Какъ часто въ пламени рѣчей,
Носяся мыслью средь друзей,
Мечтѣ обманчивой послушный,
Давалъ я руку простодушно —
Никто ни жалъ руки моей.
Здѣсь лаской жаркаго привѣта
Душа младая не согрѣта.
Не нахожу я здѣсь въ очахъ

Огня, возженнаго въ нихъ чувствомъ,
И слово, сжатое искусствомъ,
Невольно мретъ въ моихъ устахъ.
О еслибы могли моленья
Достигнуть до небесъ скупыхъ,
Не новой чаши наслажденья,
Я бъ прежнихъ дней просилъ у нихъ.
Отдайте мнѣ друзей моихъ;
Отдайте пламень ихъ объятій,
Ихъ тихій, но горячій взоръ,
Языкъ безмолвныхъ рукожатій
И вдохновенный разговоръ.
Отдайте сладостные звуки:
Они мнѣ счастія поруки, —
Такъ тихо вѣяли они
Огнемъ любви въ душѣ невѣжды
И свѣтлой радугой надежды
Мои расписывали дни.

Но нѣтъ! не все мнѣ измѣнило:
Еще одинъ мнѣ вѣренъ другъ,
Одинъ онъ для души унылой
Друзей здѣсь замѣняетъ кругъ.
Его бесѣды и уроки
Ловлю вниманьемъ жаднымъ я:
Они и ясны и глубоки,
Какъ будто волны бытія:
Въ его фантазіи богатой
Я полной жизнію ожилъ
И ранній опытъ не купилъ

Восторгомъ раннею утратой.
Онъ самъ не жертвуетъ страстямъ,
Онъ самъ не вѣритъ ихъ мечтамъ;
Но какъ созданія свидѣтель,
Онъ развернулъ всей жизни ткань.
Ему порокъ и добродѣтель
Равно несутъ покорно дань,
Какъ гордому владыкѣ міра:
Мой другъ, узналъ ли ты Шекспира?
1826 г.

КЪ МОЕЙ БОГИНѢ.

Не думы гордыя вздымаютъ
Страстей исполненную грудь,
Не волны Невскія мѣшаютъ
Душѣ усталой отдохнуть, —
Когда я вдоль рѣки широкой
Скитаюсь мрачный, одинокой,
И взоръ блуждаетъ по брегамъ,
Языкъ невнятное лепечетъ,
И тихо плещущимъ волнамъ
Слова прерывистыя мечетъ.
Тогда отъ мыслей далека
И гордая надежда славы,
И тихоструйная рѣка,
И Невскій берегъ величавый;
Тогда не робкая тоска
Безсильнымъ сердцемъ обладаетъ
И тайный ропотъ мнѣ внушаетъ....

Тебѣ понятенъ ропотъ сей,
О Божество души моей!
Холодной жизнію безстрастья,
Ты знаешь, мнѣ-ль дышать и жить?
Ты знаешь, мнѣ-ль боготворить
Душой несозданной для счастья,
Толпы привычныя мечты,
И дани раболѣпной службы
Носить кумиру суеты?
Нѣтъ, нѣтъ! и теплые дни дружбы,
И дни горячіе любви
Къ другому сердце пріучили:
Другой огонь они въ крови,
Другія чувства поселили.
Что счастье мнѣ? зачѣмъ оно?
Не ты-ль твердила, что судьбою
Оно лишь робкимъ здѣсь дано,
Что счастья съ пламенной душою
Нельзя въ семъ мірѣ сочетать,
Что для него мнѣ не дышать....

О будь благословенна мною!
Оно священно для меня
Твое пророчество несчастья,
И, какъ завѣтъ, его храня
Съ какимъ восторгомъ сладострастья
Я жду губительнаго дня
И торжества судьбы коварной!
И еслибъ умъ неблагодарной
На небо возропталъ въ бѣдахъ;

Твое бъ явленье, Ангелъ милый,
Какъ даръ небесъ, остановило
Проклятье на моихъ устахъ.
Мою бы грудь исполнилъ снова
Благоговѣнія святаго
Цѣлебный взглядъ твоихъ очей,
И снова бы въ душѣ моей
Воскресло силы наслажденье,
И счастья гордое презрѣнье,
И сладостная тишина.
Вотъ, вотъ что грудь мою вздымаетъ
И тайный ропотъ мнѣ внушаетъ!
Вотъ чѣмъ душа моя полна,
Когда я вдоль Невы широкой
Скитаюсь мрачный, одинокой.

ЭЛЕГІЯ.

Волшебница! Какъ сладко пѣла ты
Про дивную страну очарованья,
Про жаркую отчизну красоты!
Какъ я любилъ твои воспоминанья,
Какъ жадно я внималъ словамъ твоимъ
И какъ мечталъ о краѣ неизвѣстномъ!
Ты упилась симъ воздухомъ чудеснымъ,
И рѣчь твоя такъ страстно дышетъ имъ!
На цвѣтъ небесъ ты долго наглядѣлась
И цвѣтъ небесъ въ очахъ намъ принесла.
Душа твоя такъ ясно разгорѣлась
И новый огнь въ груди моей зажгла.

Но этотъ огнь томительный, мятежной,
Онъ не горитъ любовью тихой, нѣжной, —
Нѣтъ! онъ и жжетъ, и мучитъ, и мертвитъ,
Волнуется измѣнчивымъ желаньемъ,
То стихнетъ вдругъ, то бурно закипитъ,
И сердце вновь пробудится страданьемъ.
Зачѣмъ, зачѣмъ такъ сладко пѣла ты?
Зачѣмъ и я внималъ тебѣ такъ жадно,
И съ устъ твоихъ, пѣвица красоты,
Пилъ ядъ мечты и страсти безотрадной?

ИТАЛІЯ.

Италія, отчизна вдохновенья!
Придетъ мой часъ, когда удастся мнѣ
Любить тебя съ восторгомъ наслажденья.
Какъ я любилъ твой образъ въ свѣтломъ снѣ.
Безъ горя я съ мечтами распрощаюсь,
И на яву, въ кругу твоихъ чудесъ,
Подъ яхонтомъ сверкающихъ небесъ,
Младой душой по волѣ разыграюсь.
Тамъ радостно я буду пѣть зарю
И поздравлять царя свѣтилъ съ восходомъ:
Тамъ гордо я душою воспарю
Подъ пламеннымъ необозримымъ сводомъ.
Какъ весело въ немъ утро золотое
И сладостна сѐребряная ночь!
О міръ суетъ! тогда отъ мыслей прочь!
Въ объятьяхъ нѣгъ и въ творческомъ покоѣ,

Я буду жить въ минувшемъ средь пѣвцовъ,
Я вызову ихъ тѣни изъ гробовъ!
Тогда, о Тассъ, твой мирный сонъ нарушу,
И твой восторгъ, полуденный твой жаръ
Прольетъ и жизнь и пѣсней сладкихъ даръ
Въ холодный умъ и въ сѣверную душу.

ТРИ РОЗЫ,

Въ глухую степь земной дороги,
Эмблемой райской красоты,
Три розы бросили намъ боги,
Эдема лучшіе цвѣты.
Одна подъ небомъ Кашемира
Цвѣтетъ близь свѣтлаго ручья;
Она любовница зефира
И вдохновенье соловья.
Ни день, ни ночь она не вянетъ,
И если кто цвѣтокъ сорветъ,
Лишь только утра лучъ проглянетъ,
Свѣжѣе роза разцвѣтетъ.

Еще прелестнѣе другая:
Она, румяною зарей,
На раннемъ небѣ разцвѣтая,
Плѣняетъ яркой красотой.
Свѣжѣй отъ этой розы вѣетъ,
И веселѣй ее встрѣчать:
На мигъ одинъ она алѣетъ,
Но съ каждымъ днемъ цвѣтетъ опять.

Еще свѣжѣй отъ третьей вѣетъ,
Хотя она не въ небесахъ;
Ее для жаркихъ устъ лелѣетъ
Любовь на дѣвственныхъ щекахъ.
Но эта роза скоро вянетъ;
Она пуглива и нѣжна,
И тщетно утра лучъ проглянетъ —
Не разцвѣтетъ опять она.

ДОМОВОЙ.

Что ты, Параша, такъ блѣдна?
— „Родная! домовой проклятый
Меня звалъ нынче у окна.
Весь въ черномъ, какъ медвѣдь лохматый,
Съ усами, да какой большой!
Вѣкъ не видать тебѣ такого.“
— Перекрестися, ангелъ мой!
Тебѣ ли видѣть домоваго?

Ты не спала, Параша, ночь.
— „Родная! страшно; не отходитъ
Проклятый бѣсъ отъ двери прочь;
Стучитъ задвижкой, дышетъ, бродитъ,
Въ сѣняхъ мнѣ шепчетъ: отопри!“
— Ну что же ты? — „Да я ни слова.“
— Э, полно, ангелъ мой, не ври;
Тебѣ ли слышать домоваго?

*

Параша! ты не весела;
Опять всю ночь ты пространдала.
— „Нѣтъ, ничего: я ночь спала„.
— Какъ ночь спала? ты тосковала,
Ходила, отпирала дверь;
Ты вѣрно испугалась снова?
— „Нѣтъ, нѣтъ, родимая, повѣрь!
Я не видала домоваго„.

КЪ ЛЮБИТЕЛЮ МУЗЫКИ.

Молю тебя, не мучь меня:
Твой шумъ, твои рукоплесканья,
Языкъ притворнаго огня,
Безсмысленныя восклицанья
Противны, ненавистны мнѣ.
Повѣрь, привычки рабъ холодный,
Не такъ, не такъ восторгъ свободный
Горитъ въ сердечной глубинѣ.
Когда-бъ ты зналъ, что̀ эти звуки,
Когда бы тайный ихъ языкъ
Ты чувствомъ пламеннымъ проникъ, —
Повѣрь, уста твои и руки
Сковались бы, какъ въ часъ святой,
Благоговѣйной тишиной.
Тогда-бъ ты не желалъ блеснуть
Личиной страсти принужденной,
Но ты-бъ въ углу, уединенной,
Таилъ вселюбящую грудь.

Тебѣ бы люди были братья,
Ты-бъ втайнѣ слезы проливалъ
И къ нимъ горячія объятья,
Какъ другъ вселенной, простиралъ.

КЪ ПУШКИНУ.

Извѣстно мнѣ: доступенъ Геній
Для гласа искреннихъ сердецъ.
Къ тебѣ, возвышенный пѣвецъ,
Взываю съ жаромъ пѣснопѣній.
Разсѣй на мигъ восторгъ святой,
Раздумье творческаго духа,
И снисходительнаго слуха
Младую Музу удостой.
Когда пророкъ свободы смѣлый,
Тоской измученный Поэтъ,
Покинулъ міръ осиротѣлый,
Оставя славы яркій свѣтъ
И тѣнь всемірныя печали,
Хвалебнымъ громомъ прозвучали
Твои стихи ему во слѣдъ.
Ты дань принесъ увядшей силѣ,
И славѣ на его могилѣ
Другое имя завѣщалъ.
Ты тише, слаще воспѣвалъ
У Музъ похищеннаго Галла.
Волнуясь пѣснію твоей,
Въ груди восторженной моей

Душа рвалась и трепетала.
Но ты еще не доплатилъ
Каменамъ долга вдохновенья;
Къ хваламъ оплаканныхъ могилъ
Прибавь веселыя хваленья.
Ихъ ждетъ еще одинъ пѣвецъ:
Онъ нашъ, — жилецъ того же свѣта.
Давно блеститъ его вѣнецъ;
Но славы громкаго привѣта
Звучнѣй, отраднѣй гласъ поэта.
Наставникъ нашъ, наставникъ твой,
Онъ кроется въ странѣ мечтаній,
Въ своей Германіи родной.
Досель хладѣющія длани
По струнамъ бѣгаютъ порой,
И перерывчатые звуки,
Какъ послѣ горестной разлуки
Старинной дружбы милый гласъ,
Къ знакомымъ думамъ клонятъ насъ.
Досель въ немъ сердце не остыло,
И вѣрь, онъ съ радостью живой
Въ пріютѣ старости унылой
Еще услышитъ голосъ твой.
И можетъ быть, тобой плѣненный,
Послѣднимъ жаромъ вдохновенный,
Отвѣтно лебедь запоетъ
И къ небу съ пѣснію прощанья
Стремя торжественный полетъ,
Въ восторгѣ дивнаго мечтанья
Тебя, о Пушкинъ, назоветъ.

КЪ ИЗОБРАЖЕНІЮ УРАНІИ.

(Въ альбомъ.)

Пять звѣздъ увѣнчали чело вдохновенной:
Поэзіи дивной звѣзда,
Звѣзда благодатная милой надежды,
Звѣзда беззакатной любви,
Звѣзда лучезарная искренней дружбы,
Что пятая будетъ звѣзда?
Да будетъ она, благотворные боги,
Душевнаго счастья звѣздой.

НА НОВЫЙ, 1827 ГОДЪ.

Такъ снова годъ какъ тѣнь мелькнулъ,
Сокрылся въ сумрачную вѣчность
И быстрымъ бѣгомъ упрекнулъ
Мою лѣнивую безпечность.
О еслибъ онъ меня спросилъ:
„Гдѣ плодъ горячихъ обѣщаній?
„Чѣмъ ты меня остановилъ?“
Я не нашелъ бы оправданій
Въ мечтахъ разсѣянныхъ моихъ.
Мнѣ нечѣмъ заглушить упрека!
Но слушай ты, бѣглецъ жестокой!
Клянусь тебѣ въ прощальный мигъ:

Ты не умчался безъ возврату;
Я за тобою полечу
И наступающему брату
Весь тяжкій долгъ свой доплачу.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЕ.

О жизнь, коварная Сирена,
Какъ сильно ты къ себѣ влечешь!
Ты изъ цвѣтовъ блестящихъ вьешь
Оковы гибельнаго плѣна.
Ты кубокъ счастья подаешь,
Ты пѣсни радости поешь;
Да въ кубкѣ счастья — лишь измѣна,
И въ пѣсняхъ радости — все ложь.
Не мучь напраснымъ искушеньемъ
Груди истерзанной моей
И не лови моихъ очей
Какимъ-то свѣтлымъ привидѣньемъ.
Тебѣ мои скупыя длани
Не принесутъ покорной дани,
И не тебѣ я обреченъ.
Твоей плѣнительной измѣной
Ты можешь въ сердце поселить
Минутный огнь, раздоръ мгновенный,
Ланиты блѣдностью покрыть,
Отнять покой, безпечность, радость
И осѣнить печалью младость;
Но не отымешь ты, повѣрь,

Любви, надежды, вдохновеній!
Нѣтъ! ихъ спасетъ мой добрый геній,
И не мои они теперь.
Я посвящаю ихъ отнынѣ
На вѣкъ Поэзіи святой
И съ страшной клятвой и мольбой
Кладу на жертвенникъ богини.

КРЫЛЬЯ ЖИЗНИ.

На легкихъ крылышкахъ
Летаютъ ласточки;
Но легче крылышки
У жизни вѣтреной.
Не знаетъ въ юности
Она усталости
И радость рѣзвую
Беретъ довѣрчиво
Къ себѣ на крылія.
Летитъ, любуется
Прекрасной ношею....
Но скоро тягостна
Ей гостья милая,
Устали крылышки,
И радость рѣзвую
Она стряхаетъ съ нихъ.
Печаль ей кажется
Не столь тяжелою,
И прихотливая

Печаль туманную
Беретъ на крылія
И вдаль пускается
Съ подругой новою.
Но крылья легкія
Все болѣ, болѣе
Подъ ношей клонятся,
И вскорѣ падаетъ
Съ нихъ гостья новая,
И жизнь усталая
Одна, безъ бремени,
Летитъ свободнѣе;
Лишь только въ крыліяхъ
Едва замѣтные
Отъ ношей брошенныхъ
Слѣды осталися —
И отпечатались
На легкихъ перышкахъ
Два цвѣта блѣдные:
Не много свѣтлаго
Отъ рѣзвой радости,
Немного темнаго
Отъ гостьи сумрачной.

ТРИ УЧАСТИ.

Три участи въ мірѣ завидны, друзья!
Счастливецъ, кто вѣка судьбой управляетъ,
Въ душѣ неразгаданной думы тая.
Онъ сѣетъ для жатвы, но жатвъ не сбираетъ;

Народовъ признанья ему не хвала,
Народовъ проклятья ему не упреки:
Вѣкамъ завѣщаетъ онъ замыслъ глубокій,
По смерти безсмертнаго зрѣютъ дѣла.

Завиднѣй Поэта удѣлъ на земли.
Съ младенческихъ лѣтъ онъ сдружился съ природой
И сердце Камены отъ хлада спасли,
И умъ непокорный воспитанъ свободой,
И лучъ вдохновенья зажегся въ очахъ.
Весь міръ облекаетъ онъ въ стройные звуки;
Стѣснится ли сердце волненіемъ муки —
Онъ выплачетъ горе въ горючихъ стихахъ.

Но вѣрьте, о други! счастливѣй стократъ
Безпечный питомецъ забавы и лѣни.
Глубокія думы души не мутятъ,
Не знаетъ онъ слезъ и огня вдохновеній,
И день для него, какъ другой, пролетѣлъ,
И будущій снова онъ встрѣтитъ безпечно,
И сердце увянетъ безъ муки сердечной —
О рокъ! что ты не далъ мнѣ этотъ удѣлъ?

ЖИЗНЬ.

Сначала жизнь плѣняетъ насъ:
Въ ней все тепло, все сердце грѣетъ,
И, какъ заманчивый разсказъ,
Нашъ умъ причудливый лелѣетъ.

Кой-что страшитъ издалека, —
Но въ этомъ страхѣ наслажденье:
Онъ веселитъ воображенье,
Какъ о волшебномъ приключеньѣ
Ночная повѣсть старика.
Но кончится обманъ игривой!
Мы привыкаемъ къ чудесамъ.
Потомъ — на все глядимъ лѣниво,
Потомъ — и жизнь постыла намъ.
Ея загадка и завязка
Уже длина, стара, скучна,
Какъ пересказанная сказка.
Усталому предъ часомъ сна.

КЪ МОЕМУ ПЕРСТНЮ.

Ты былъ отрытъ въ могилѣ пыльной,
Любви глашатай вѣковой,
И снова пыли ты могильной
Завѣщанъ будешь, перстень мой.
Но не любовь теперь тобой
Благословила пламень вѣчный
И надъ тобой, въ тоскѣ сердечной,
Святой обѣтъ произнесла;
Нѣтъ! дружба въ горькій часъ прощанья
Любви рыдающей дала
Тебя залогомъ состраданья.
О будь мой вѣрный талисманъ!
Храни меня отъ тяжкихъ ранъ

И свѣта и толпы ничтожной,
Отъ ѣдкой жажды славы ложной,
Отъ обольстительной мечты
И отъ душевной пустоты.
Въ часы холоднаго сомнѣнья
Надеждой сердце оживи,
И если въ скорбяхъ заточенья,
Вдали отъ Ангела любви,
Оно замыслитъ преступленье....
Ты дивной силой укроти
Порывы страсти безнадежной
И отъ груди моей мятежной
Свинецъ безумства отврати.
Когда же я въ часъ смерти буду
Прощаться съ тѣмъ, что здѣсь люблю,—
Тогда я друга умолю,
Чтобъ онъ съ моей руки холодной
Тебя, мой перстень, не снималъ,
Чтобъ насъ и гробъ не разлучалъ.
И просьба будетъ не безплодна:
Онъ подтвердитъ обѣтъ мнѣ свой
Словами клятвы роковой.
Вѣка промчатся, и быть можетъ,
Что кто-нибудь мой прахъ встревожитъ
И въ немъ тебя отроетъ вновь;
И снова робкая любовь
Тебѣ прошепчетъ суевѣрно
Слова мучительныхъ страстей,
И вновь ты другомъ будешь ей,
Какъ былъ и мнѣ, мой перстень вѣрной.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Вотъ гласъ послѣдняго страданья!
Внимайте: воля мертвеца
Страшна какъ голосъ прорицанья.
Внимайте: чтобъ сего кольца
Съ руки холодной не снимали; —
Пусть съ нимъ умрутъ мои печали
И будутъ съ нимъ схоронены.
Друзьямъ — привѣтъ и утѣшенье!
Восторговъ лучшія мгновенья
Мной были имъ посвящены.
Внимай и ты, моя богиня!
Теперь души твоей святыня
Мнѣ и доступнѣй и яснѣй —
Во мнѣ умолкнулъ гласъ страстей,
Любви волшебство позабыто,
Исчезла радужная мгла,
И то, что раемъ ты звала,
Передо мной теперь открыто.
Приблизься! вотъ могилы дверь,
И все позволено теперь —
Я не боюсь сужденій свѣта.
Теперь могу тебя обнять,
Теперь могу тебя лобзать,
Какъ съ первой радостью привѣта
Въ раю ликъ ангеловъ святыхъ
Устами чистыми лобзали,

Когда бы мы въ восторгѣ ихъ
За гробомъ сумрачнымъ встрѣчали....
Но эту рѣчь ты позабудь —
Въ ней тайный ропотъ изступленья:
Зачѣмъ холодныя сомнѣнья
Я вылилъ въ пламенную грудь?
Къ тебѣ одно, одно моленье —
Не забывай.... Прочь увѣренья!
Клянись.... Ты вѣришь, милый другъ,
Что за могильнымъ симъ предѣломъ
Душа моя простится съ тѣломъ
И будетъ жить какъ вѣчный духъ,
Безъ образовъ, безъ тьмы и свѣта,
Однимъ нетлѣніемъ одѣта.
Сей духъ, какъ вѣчно бдящій взоръ,
Твой будетъ спутникъ неотступный,
И если памятью преступной
Ты измѣнишь... Бѣда! съ тѣхъ поръ
Я тайно облекусь въ укоръ,
Къ душѣ прилипну вѣроломной,
Въ ней пищу мщенія найду,
И будетъ сердцу грустно, томно, —
А я какъ червь не отпаду.

УТѢШЕНІЕ.

Блаженъ, кому судьба вложила
Въ уста высокій даръ рѣчей,
Кому она сердца людей
Волшебной силой покорила;

Какъ Прометей похитилъ онъ
Творящій лучъ, небесный пламень,
И вкругъ себя, какъ Пигмальонъ,
Одушевляетъ хладный камень.
Немногіе сей дивный даръ
Въ удѣлъ счастливый получаютъ,
И рѣдко, рѣдко сердца жаръ
Уста послушно выражаютъ.
Но если въ душу вложена
Хоть искра страсти благородной, —
Повѣрь, не даромъ въ ней она;
Не теплится она безплодно;
Не съ тѣмъ судьба ее зажгла,
Чтобъ смерти хладная зола
Ее на вѣки потушила;
Нѣтъ! — что въ душевной глубинѣ,
Того не унесетъ могила;
Оно останется по мнѣ.

Души пророчества правдивы.
Я зналъ сердечные порывы,
Я былъ ихъ жертвой, я страдалъ
И на страданья не роп талъ;
Мнѣ было въ жизни утѣшенье,
Мнѣ тайный голосъ обѣщалъ,
Что не напрасное мученье
До срока растерзало грудь.
Онъ говорилъ: „когда нибудь
„Созрѣетъ плодъ сей муки тайной,
„И слово сильное случайно

„Изъ груди вырвется твоей.
„Уронишь ты его не даромъ;
„Оно чужую грудь зажжетъ,
„Въ нее какъ искра упадетъ,
„А въ ней пробудится пожаромъ.“

XXXV.

Я чувствую, во мнѣ горитъ
Святое пламя вдохновенья,
Но къ темной цѣли духъ паритъ....
Кто мнѣ укажетъ путь спасенья?
Я вижу, жизнь передо мной
Кипитъ какъ океанъ безбрежной....
Найду ли я утесъ надежной,
Гдѣ твердой обопрусь ногой?
Иль, вѣчнаго сомнѣнья полный,
Я буду горестно глядѣть
На перемѣнчивыя волны,
Не зная, что любить, что пѣть?

Открой глаза на всю природу, —
Мнѣ тайный голосъ отвѣчалъ, —
Но дай имъ выборъ и свободу.
Твой часъ еще не наступалъ;
Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывной
Отзывной пѣснью отвѣчай!

Когда-жь минуты удивленья
Какъ сонъ туманный пролетятъ,
И тайны вѣчнаго творенья
Яснѣй прочтетъ спокойный взглядъ: —
Смирится гордое желанье,
Обнять весь міръ въ единый мигъ,
И звуки тихихъ струнъ твоихъ
Сольются въ стройныя созданья. —

Не лживъ сей голосъ прорицанья,
И струны вѣрныя мои
Съ тѣхъ поръ душѣ не измѣняли.
Пою то радость, то печали,
То пылъ страстей, то жаръ любви,
И бѣглымъ мыслямъ простодушно
Ввѣряюсь въ пламени стиховъ.
Такъ соловей въ тѣни дубровъ,
Восторгу краткому послушной,
Когда на долы ляжетъ тѣнь,
Уныло вечеръ воспѣваетъ,
А утромъ весело встрѣчаетъ
Въ румяномъ небѣ ясный день.

ПОЭТЪ И ДРУГЪ.

ДРУГЪ.

Ты въ жизни только разцвѣтаешь,
И ясенъ міръ передъ тобой, —
За чѣмъ же ты въ душѣ младой
Мечту коварную питаешь?

Кто близокъ къ двери гробовой,
Того уста не пламенѣютъ,
Не такъ душа его пылка,
Въ привѣтахъ взоры не свѣтлѣютъ,
И такъ ли жметъ его рука?

ПОЭТЪ.

Мой другъ! слова твои напрасны.
Не лгутъ мнѣ чувства: ихъ языкъ
Я понимать давно привыкъ,
И ихъ пророчества мнѣ ясны.
Душа сказала мнѣ давно:
Ты въ мірѣ молніей промчишься!
Тебѣ все чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься.

ДРУГЪ.

Не такъ природы строгъ завѣтъ.
Не презирай ея дарами:
Она на радость юныхъ лѣтъ
Даетъ надежды намъ съ мечтами.
Ты гордо слышалъ ихъ привѣтъ:
Она желаніе святое
Сама зажгла въ твоей крови
И въ грудь для пламенной любви
Вложила сердце молодое.

ПОЭТЪ.

Природа не для всѣхъ очей
Покровъ свой тайный подымаетъ:

*

Мы всѣ равно читаемъ въ ней,
Но кто, читая, понимаетъ?
Лишь тотъ, кто съ юношескихъ дней
Былъ пламеннымъ жрецомъ искусства,
Кто жизни не щадилъ для чувства,
Вѣнецъ мученьями купилъ,
Надъ суетой вознесся духомъ,
И сердца трепетъ жаднымъ слухомъ,
Какъ вѣщій голосъ, изловилъ! —
Тому, кто жребій довершилъ,
Потеря жизни не утрата —
Безъ страха міръ покинетъ онъ.
Судьба въ дарахъ своихъ богата,
И не одинъ у ней законъ:
Тому — процвѣсть съ развитой силой
И смертью жизни слѣдъ стереть,
Другому — рано умереть,
Но жить за сумрачной могилой!

ДРУГЪ.

Мой другъ! зачѣмъ обманъ питать?
Нѣтъ! дважды жизнь насъ не лелѣетъ.
Я то люблю, что сердце грѣетъ,
Что я своимъ могу назвать,
Чтò наслажденье въ полной чашѣ
Намъ предлагаетъ каждый день;
А что за гробомъ, то не наше: —
Пусть величаютъ нашу тѣнь,
Нашъ голый остовъ отрываютъ,
По волѣ вѣтренной мечты,

Даютъ ему лице, черты,
И призракъ славой называютъ!

ПОЭТЪ.

Нѣтъ, другъ мой! славы не брани;
Душа сроднилася съ мечтою:
Она надеждою благою
Печали озаряла дни.
Мнѣ сладко вѣрить, что со мною
Не все, не все погибнетъ вдругъ,
И что̀ уста мои вѣщали —
Веселья мимолетный звукъ,
Напѣвъ задумчивой печали, —
Еще напомнитъ обо мнѣ,
И сильный стихъ не разъ встревожитъ
Умъ пылкій юноши во снѣ,
И старецъ со слезой, быть можетъ,
Труды нелживые прочтетъ; —
Онъ въ нихъ души печать найдетъ
И молвитъ слово состраданья:
„Какъ я люблю его созданья!
„Онъ дышетъ жаромъ красоты,
„Въ немъ умъ и сердце согласились,
„И мысли полныя носились
„На легкихъ крыліяхъ мечты.
„Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!“

Сбылись пророчества поэта,
И другъ, въ слезахъ, съ началомъ лѣта

Его могилу посѣтилъ.
Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!

ПОСЛѢДНІЕ СТИХИ.

Люби питомца вдохновенья
И гордый умъ предъ нимъ склоняй;
Но въ чистой жаждѣ наслажденья
Не каждой арфѣ слухъ ввѣряй.
Не много истинныхъ пророковъ
Съ печатью тайны на челѣ,
Съ дарами выспреннихъ уроковъ,
Съ глаголомъ неба на землѣ.

ПЕРЕВОДЫ.

ЗЕМНАЯ УЧАСТЬ ХУДОЖНИКА.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Передъ восходомъ солнечнымъ.

ХУДОЖНИКЪ,

за своимъ станкомъ. Онъ только что поставилъ на него портретъ толстой, дурной собою кокетки.

(Дотронулся кистью и останавливается.)

Что за лицо! совсѣмъ безъ выраженья!
Долой! нѣтъ болѣе терпѣнья.

(Снимаетъ портретъ).

Нѣтъ! я не отравлю сихъ сладостныхъ мгновеній,
Пока вы нѣжитесь въ объятьяхъ сна.
Предметы милые трудовъ и попеченій,
Малютки, добрая жена!

(Подходитъ къ окну).

Какъ щедро льешь ты жизнь, прекрасная денница!
Какъ юно бьется грудь передъ тобой!
Какою сладкою слезой
Туманится моя зѣница!

(Ставитъ на станокъ картину, представляющую во весь ростъ Венеру Уранію).

Небесная! для сердца образъ твой
Какъ первая улыбка счастья.

Я чувствами, душой могу обнять тебя,
Какъ радостный женихъ, съ восторгомъ сладострастья.
Я твой создатель; ты моя;
Богиня! ты я самъ, ты болѣе чѣмъ я;
Я твой, владычица вселенной!
И я лишусь тебя! я за металлъ презрѣнной
Отдамъ тебя глупцу, чтобъ па его стѣнѣ
Служила ты болтливости надменной,
И не напомнила, быть можетъ, обо мнѣ!....

(Онъ смотритъ въ комнату, гдѣ спятъ его дѣти).

О дѣти!.... Будь для нихъ богиней пропитанья!
Я понесу тебя къ сосѣду-богачу
И за тебя, предметъ очарованья,
На хлѣбъ малюткамъ получу....
Но онъ не будетъ обладать тобою,
Природы радость и душа!
Ты будешь здѣсь, ты будешь вѣкъ со мною,
Ты вся во мнѣ: тобой дыша,
Я счастливъ, я живу твоею красотою.

(Ребенокъ кричитъ въ комнатѣ).

ХУДОЖНИКЪ.

О Боже!

ЖЕНА ХУДОЖНИКА
(просыпается).

Развѣло. — Ты всталъ уже, другъ мой!
Сходи-жь скорѣе за водой,
Да разведи огонь, чтобъ воду вскипятить:
Пора ребенку супъ варить.

ХУДОЖНИКЪ.

(останавливается передъ своей картиной).

Небесная!

СТАРШІЙ СЫНЪ ЕГО.

(вскочилъ съ постели и босой подбѣгаетъ къ нему)

И я тебѣ, пожалуй, помогу.

ХУДОЖНИКЪ.

Кто? — ты!

СЫНЪ.

Да, я.

ХУДОЖНИКЪ.

Бѣги-жь за щепками!

СЫНЪ.

Бѣгу.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ХУДОЖНИКЪ.

Кто тамъ стучится у дверей?

СЫНЪ.

Вчерашній господинъ съ женою.

ХУДОЖНИКЪ.

(ставитъ опять на станокъ отвратительный портретъ).

Такъ за портретъ возьмуся поскорѣй.

ЖЕНА.

Пиши и деньги за тобою.

ГОСПОДИНЪ И ГОСПОЖА

(входятъ).

ГОСПОДИНЪ.

Вотъ кстати мы!

ГОСПОЖА.

А я какъ дурно ночь спала!

ЖЕНА.

А какъ свѣжи! нельзя не подивиться.

ГОСПОДИНЪ.

Что это за картина близь угла?

ХУДОЖНИКЪ.

Смотрите, какъ бы вамъ не запылиться.

(къ госпожѣ).

Прошу, сударыня, садиться.

ГОСПОДИНЪ.

(смотритъ на портретъ)

Характеръ-то, характеръ-то не тотъ.
Портретъ хорошъ, конечно такъ,
Но все нельзя сказать никакъ,
Что это полотно живетъ.

ХУДОЖНИКЪ.

(про себя).

Чего онъ ищетъ въ этой рожѣ?

ГОСПОДИНЪ.

(беретъ картину изъ угла.)

А! вотъ вашъ собственный портретъ.

ХУДОЖНИКЪ.

Онъ былъ похожъ: ему ужъ десять лѣтъ.

ГОСПОДИНЪ.

Нѣтъ! можно и теперь узнать.

ГОСПОЖА.

(будто-бы взглянувъ на него).

Похоже.

ГОСПОДИНЪ.

Тогда вы были помоложе.

ЖЕНА.

(подходитъ съ корзиной на рукѣ и говоритъ тихонько мужу).

Иду на рынокъ я: дай рубль.

ХУДОЖНИКЪ.

Да нѣтъ его.

ЖЕНА.

Безъ денегъ, милый другъ, не купишь ничего.

ХУДОЖНИКЪ.

Пошла!

ГОСПОДИНЪ.

Но ваша кисть теперь смѣлѣй.

ХУДОЖНИКЪ.

Пишу, какъ пишется: что лучше, что похуже.

ГОСПОДИНЪ.

(подходитъ къ станку).

Вотъ браво! ноздри-то поуже,
Да взглядъ пожалуста живѣй!

ХУДОЖНИКЪ.

(про себя).

О Боже мой! что за мученье!

МУЗА.

(невидимая для другихъ, подходитъ къ нему).

Уже, мой сынъ, теряешь ты терпѣнье?
Но участь смертныхъ всѣхъ равна.
Ты говоришь: она дурна!
За то платить она должна.
Пусть этотъ сумазбродъ болтаетъ —
Тебя живой восторгъ, художникъ, награждаетъ.
Твой даръ некупленный, источникъ красоты —
Онъ счастіе твое, имъ утѣшайся ты.
Повѣрь: лишь тотъ знакомъ съ душевнымъ наслажденьемъ,
Кто пріобрѣлъ его трудами и терпѣньемъ!
И небо безъ земли наскучило-бъ богамъ.
За чѣмъ же ты взываешь къ небесамъ?
Тебѣ любовь вѣрна, твой сонъ всегда пріятенъ,
И честью ты богатъ, хотя ты и не знатенъ.

АПОѲЕОЗА ХУДОЖНИКА.

Театръ представляетъ великолѣпную картинную галерею Картины всѣхъ школъ висятъ въ широкихъ золотыхъ рамахъ. Много любопытныхъ посѣтителей. Они ходятъ взадъ и впередъ. На одной сторонѣ сидитъ ученикъ и списываетъ картину.

УЧЕНИКЪ.

(встаетъ, кладетъ на столъ палитру и кисти, и самъ становится позади стула.)

По цѣлымъ днямъ я здѣсь сижу!
Я весь горю, я весь дрожу,
Пишу, мараю, такъ что самъ
Не вѣрю собственнымъ глазамъ.
Всѣ правила припоминалъ,
Все вымѣрилъ, все разсчиталъ,
И жадно взоръ гонялся мой
За каждой краской и чертой.
То вдругъ кидаю кисть свою;
Какъ полубѣшеный встаю
Въ поту, усталый отъ труда,
Гляжу туда, гляжу сюда,
Съ картины не спускаю глазъ,
Стою за стуломъ битый часъ —
И что же? для бѣды моей
Никакъ я копіи своей
Не превращу въ оригиналъ.

Тамъ жизнь холсту художникъ далъ,
Свободой дышетъ кисть его, —
Здѣсь все и сухо и мертво.
Тамъ страстью все оживлено —
Здѣсь принужденіе одно;
Что̀ тамъ горитъ, прозрачнѣй дня,
То вяло, грязно у меня.
Я вижу, даромъ я тружусь
И съ жаромъ вновь за кисть берусь!
Но что̀ ужаснѣе всего,
Что̀ верхъ мученья моего:
Ошибки ясны мнѣ какъ свѣтъ,
А ихъ поправить силы нѣтъ.

МАСТЕРЪ

(подходитъ.)

Мой другъ! за это похвалю;
Твое старанье я люблю.
Не даромъ я твержу всегда,
Что нѣтъ успѣха безъ труда.
Трудись! запомни мой урокъ,
Ты самъ увидишь въ этомъ прокъ.
Я это знаю по себѣ:
Что̀ нынѣ кажется тебѣ
Непостижимо, высоко,
То нечувствительно, легко
Рождаться будетъ подъ рукой,
И наконецъ, любезный мой,
Искусство, весь науки плодъ,
Тебѣ въ пять пальцевъ перейдетъ.

УЧЕНИКЪ.

Увы! какъ много здѣсь дурнаго,
А объ ошибкахъ вы ни слова.

МАСТЕРЪ.

Кому же все дается вдругъ?
Я вижу съ радостью, мой другъ,
Что съ каждымъ днемъ твой даръ растетъ.
Ты самъ собой пойдешь впередъ.
Кой-что со временемъ поправимъ,
Но это мы теперь оставимъ.
(Уходитъ.)

УЧЕНИКЪ
(смотря на картину.)

Нѣтъ, нѣтъ покоя для меня,
Пока не все постигнулъ я!

ЛЮБИТЕЛЬ
(подходитъ къ нему.)

Мнѣ жалко видѣть, сударь мой,
Что вы такъ трудитесь напрасно,
Идете темною тропой
И позабыли путь прямой:
Натура — вотъ источникъ ясный,
Откуда черпать вы должны.
Въ ней тайны всѣ обнажены:
И жизнь тѣлесъ, и жизнь духовъ.
Натура школа мастеровъ.
Примите-жь искренній совѣтъ:
Зачѣмъ топтать избитый слѣдъ? —

Чтобъ быть копистомъ наконецъ?
Натура, вотъ вамъ образецъ!
Одна натура, сударь мой,
Наставитъ васъ на путь прямой.

УЧЕНИКЪ.

Все это часто слышалъ я,
Все испытала кисть моя.
Я за природою гонялся,
Случайно успѣвалъ кой въ чемъ,
Но бо́льшей частью возвращался
Съ укоромъ, мукой и стыдомъ.
Нѣтъ! это трудъ несовершимый!
Природа — книга не по насъ:
Ея листы необозримы,
И мелокъ шрифтъ для нашихъ глазъ.

ЛЮБИТЕЛЬ.

(отворачивается.)

Теперь я вижу, въ чемъ секретъ:
Въ немъ генія ни мало нѣтъ.

УЧЕНИКЪ.

(опять садится)

Совсѣмъ не то! хочу опять
Картину всю перемарать.

ДРУГОЙ МАСТЕРЪ

(подходитъ къ нему, смотритъ на работу и отворачивается, не сказавъ ни слова.)

УЧЕНИКЪ.

Нѣтъ! вы не съ тѣмъ пришли, чтобъ молча заглянуть.
Я вас прошу: скажите что нибудь.
Вы можете одни понять мои мученья.
Хотя мой трудъ не стоитъ словъ,
Но трудолюбіе достойно снисхожденья;
Я вѣрить вамъ во всемъ готовъ.

МАСТЕРЪ.

Я, признаюсь, гляжу на всѣ твои страданья
И съ чувствомъ радости и съ чувствомъ состраданья.
Я вижу: ты, любезный мой,
Природой созданъ для искусства;
Тебѣ открыты тайны чувства;
Ты ловишь взоромъ и душой
Въ прекрасномъ мірѣ впечатлѣнья;
Ты бы хотѣлъ обнять въ немъ красоту
И кистью приковать къ холсту
Его минутныя явленья;
Ты прилежаніемъ талантъ возвысилъ свой
И быстро ловкою рукой
За мыслью слѣдовать умѣешь:
Во многомъ ты успѣлъ и болѣе успѣешь —
Но....

УЧЕНИКЪ.

Не скрывайте ничего.

МАСТЕРЪ.

Ты упражнялъ и глазъ и руку,
Но ты не упражнялъ разсудка своего.

Чтобъ быть художникомъ, обдумывай науку!
Безъ мыслей геній не творитъ,
И самый рѣдкій умъ съ однимъ природнымъ чувствомъ
Къ высокому едва ли воспаритъ.
Искусство навсегда останется искусствомъ:
Здѣсь ощупью нельзя идти впередъ,
И только знаніе къ успѣху приведетъ.

УЧЕНИКЪ.

Я знаю, къ красотамъ природы и картинъ
Не трудно пріучить и глазъ и руку;
Не то съ наукою; ученый лишь одинъ
Намъ можетъ передать науку.
Кто можетъ знаніемъ полезенъ быть другихъ
Не долженъ бы одинъ имъ наслаждаться.
За чѣмъ же вамъ отъ всѣхъ скрываться
И съ многими не подѣлиться имъ?

МАСТЕРЪ.

Нѣтъ! въ наши времена всѣ любятъ путь широкій,
Не трудную стезю, не строгіе уроки.
Я завсегда одно и тожь пою,
Но всякой-ли полюбитъ пѣснь мою?

УЧЕНИКЪ.

Скажите только мнѣ, ошибся-ли я въ томъ,
Что передъ прочими я выбралъ образцомъ
Сего художника?

(Указывая на картину, которую списываетъ)

Что весь живу я въ немъ?

Что я люблю его, люблю, какъ-бы живаго,
Надъ нимъ всегда тружусь и не хочу другаго.

МАСТЕРЪ.

Его чудесный даръ и молодость твоя —
Вотъ что твой выборъ извиняетъ.
Всегда охотно вижу я,
Какъ смѣлый юноша свободно разсуждаетъ
Безъ мѣры хвалитъ, порицаетъ.
Твой идеалъ, твой образецъ —
Великій умъ, разнообразный геній:
Учися красотамъ его произведеній:
Трудись надъ ними — наконецъ
Познай ошибки, и умѣй
Любить въ твореніяхъ искусство, не людей.

УЧЕНИКЪ.

Его картинами давно ужъ я плѣнился.
Повѣрьте, не проходитъ дня,
Чтобъ я надъ ними не трудился.
И съ каждымъ днемъ онѣ все новы для меня.

МАСТЕРЪ.

Ты разсмотри съ разсудкомъ, безпристрастно,
И чѣмъ онъ былъ, и чѣмъ хотѣлъ онъ быть;
Люби его, но самъ учись его судить.
Тогда твой трудъ не будетъ трудъ напрасной:
Обнявъ науку красоты,
Не все предъ нимъ забудешь ты.
Для добродѣтели тѣлесной груди мало;
Ужиться ей нельзя въ душѣ одной:

Съ искуеством точно тожь, и никогда, другъ мой,
Одна душа его не поглощала.

УЧЕНИКЪ.

Такъ я былъ слѣпъ до этихъ поръ?

МАСТЕРЪ.

Теперь оставимъ разговоръ.

СМОТРИТЕЛЬ ГАЛЛЕРЕИ.

(Подходитъ къ нимъ)

Какой счастливый день для насъ!
Картину къ намъ внесутъ тотчасъ —
Давно на свѣтѣ я живу,
Но ни во снѣ, ни на яву
Другой подобной не видалъ.

МАСТЕРЪ.

А чья?

УЧЕНИКЪ.

Его же?

(Указываетъ на картину, съ которой списывалъ).

СМОТРИТЕЛЬ.

Угадалъ.

УЧЕНИКЪ.

Я угадалъ! мнѣ это
Шепнула тайная любовь.
Какой восторгъ волнуетъ кровь!
Какимъ огнемъ душа согрѣта!
Куда бѣжать мнѣ къ ней? куда?

СМОТРИТЕЛЬ.

Ее сейчасъ внесутъ сюда.
Нельзя взглянуть, не подивясь;
За то не дешево купилъ ее нашъ Князь.

ПРОДАВЕЦЪ
(*входитъ*).

Ну, Господа! теперь я смѣю
Поздравить вашу галлерею.
Теперь узнаетъ цѣлый свѣтъ,
Какъ Князь искусства ободряетъ:
Онъ вамъ картину покупаетъ,
Какой нигдѣ, ручаюсь, нѣтъ.
Ее несутъ ужь въ галерею.
Мнѣ право жаль разстаться съ нею.
Я не обманываю васъ —
Цѣна конечно дорогая,
Но рѣдкость, господа, такая
Дороже стоитъ во сто разъ.
(*Тутъ вносятъ изображеніе Венеры Ураніи и ставятъ на станокъ*).
Теперь взгляните: вотъ она!
Безъ рамки, вся запылена.
Я продаю, какъ получилъ,
И даже лакомъ не покрылъ.
(*Всѣ собираются передъ картиной*).

ПЕРВЫЙ МАСТЕРЪ.

Какое мастерство во всемъ!

ВТОРЫЙ МАСТЕРЪ.

Вотъ зрѣлый умъ! какой объемъ!

УЧЕНИКЪ.

Какою силою чудесной.
Бунтуетъ страсть въ груди моей!

ЛЮБИТЕЛЬ.

Какъ натурально! какъ небесно!

ПРОДАВЕЦЪ.

Я словомъ всѣмъ плѣнился въ ней,
И самой мыслью и работой.

СМОТРИТЕЛЬ.

Вотъ къ ней и рама съ позолотой!
— Скорѣй — Князь скоро будетъ самъ —
Вбивайте гвозди по угламъ.

(Картину вставляютъ въ рамку и вѣшаютъ).

КНЯЗЬ.

(Входитъ въ залу и разсматриваетъ картину).

Картина точно превосходна,
И не торгуюсь я въ цѣнѣ.

КАЗНАЧЕЙ.

(Кладетъ кошелекъ съ червонцами на столъ и вздыхаетъ)

ПРОДАВЕЦЪ.

Нельзя ли взвѣсить?

КАЗНАЧЕЙ.

(Считая деньги).

Какъ угодно.
Но лишній трудъ, повѣрьте мнѣ.

(Князь стоитъ передъ картиною. Прочіе въ нѣкоторомъ отдаленіи. Потолокъ открывается. Муза, держа художника за руку, является на облакѣ.)

ХУДОЖНИКЪ.

Куда летимъ? въ какой далекій край?

МУЗА.

Взгляни, мой другъ, и самъ себя узнай!
Упейся счастьемъ въ полной мѣрѣ.

ХУДОЖНИКЪ.

Мнѣ душно здѣсь, въ тяжелой атмосферѣ.

МУЗА.

Твое созданье предъ тобой!
Оно всѣ прочія затмило красотой.
И здѣсь, какъ Сиріусъ межъ ясными звѣздами,
Блеститъ безсмертными лучами.
Взгляни, мой другъ! Сей плодъ свободы и трудовъ —
Онъ твой! онъ плодъ твоихъ счастливѣйшихъ часовъ.
Твоя душа въ себѣ его носила
Въ минуты тихихъ, чистыхъ думъ;
Его зачалъ твой зрѣлый умъ,
А трудолюбіе спокойно довершило,
Взгляни, ученый передъ нимъ
Стоитъ и скромно наблюдаетъ.
Здѣсь покровитель Музъ твой даръ благословляетъ,
Онъ восхищенъ твореніемъ твоимъ.
А этотъ юноша! взгляни, какъ онъ пылаетъ!
Какая страсть въ душѣ его младой!

Прочти въ очахъ его желанье,
Вполнѣ испить твое вліянье
И жажду утолить тобой!
Такъ человѣкъ съ возвышенной душой
Преходитъ въ поздніе вѣка и поколѣнья.
Ему нельзя свое предназначенье
Въ предѣлахъ жизни совершить:
Онъ доживаетъ за могилой
И мертвый дышетъ прежней силой.
Свершивъ конечный свой удѣлъ,
Онъ въ жизни словъ своихъ и дѣлъ
Путь начинаетъ безконечной!
Такъ будешь жить и ты въ безсмертьи, въ славѣ вѣчной!

ХУДОЖНИКЪ.

Я чувствую все, что мнѣ далъ Зевесъ:
И радость жизни быстротечной,
И радость вѣчную обители небесъ.
Но онъ проститъ мнѣ ропотъ мой печальной.
Спроси любовника: счастливъ-ли онъ,
Когда онъ съ милою подругой разлученъ,
Когда она въ странѣ тоскуетъ дальной?
Скажи, что онъ лишился не всего,
Что тотъ же свѣтъ ихъ озаряетъ,
Что то же солнце согрѣваетъ —
И эта мысль утѣшитъ-ли его?
Пусть славятъ всѣ мои творенья!
Но въ жизни славу зналъ-ли я?
Скажи, небесная моя,
Что мнѣ теперь за утѣшенье,

Что златомъ платятъ за меня?
О, еслибъ иногда имѣлъ я самъ
Такъ много золота, какъ тамъ,
Вокругъ картинъ моихъ, блеститъ для украшенья!
Когда я въ бѣдности съ семействомъ хлѣбъ дѣлилъ,
Я счастливъ, я доволенъ былъ
И не имѣлъ другаго наслажденья.
Увы! судьба мнѣ не дала
Ни друга, чтобъ дѣлить съ нимъ чувства,
Ни покровителя искусства.
До дна я выпилъ чашу зла.
Лишь изрѣдка хвалы невѣжды
Гремѣли мнѣ въ глуши монастырей.
Такъ я трудился безъ судей
И міръ покинулъ безъ надежды.

(*Указывая на ученика*).

О, если ты для юноши сего
Во мзду заслугъ готовишь славу рая,
Молю тебя, подруга не земная,
Здѣсь на землѣ не забывай его.
Пока уста дрожатъ еще лобзаньемъ,
Пока душа волнуется желаньемъ,
Да вкуситъ онъ вполнѣ твою любовь!
Вѣнокъ ему на небѣ уготовь,
Но здѣсь подай сосудъ очарованья,
Безъ яда слезъ, безъ примѣси страданья!

ОТРЫВКИ ИЗЪ ФАУСТА.

I.

ФАУСТЪ И ВАГНЕРЪ

(За городомъ.)

ФАУСТЪ.

Блаженъ, кто не отвергъ надежды
Раздрать покровъ душевной тьмы!
Но нѣтъ! печальными рѣчами
Не отравляй даровъ небесъ.
Смотри, какъ кровли межъ древесъ
Горятъ вечерними лучами....
Свѣтило къ западу течетъ,
И новый день мы схоронили —
Къ другимъ странамъ оно придетъ
И тамъ жизнь новую прольетъ.
Что нѣтъ у насъ могучихъ крылій?
За нимъ, за нимъ помчался-бъ я;
    Зарею-бъ вѣчною блистали
    Передо мной земли края,
    Холмы въ пожарѣ бы пылали,

Дремали долы въ мирномъ снѣ,
И волны золотомъ играли,
Переливаяся въ огнѣ.
Тогда, утесы и вершины!
Вы мнѣ бы не были предѣлъ:
Богоподобный, я-бъ лѣтелъ
Черезъ эфирныя равнины,
И скоро-бъ зрѣлъ смущенный взлядъ,
Какъ моря жаркія пучины
Въ заливахъ зеркаломъ лежатъ....
Но солнце къ западу скатилось, —
И вновь желанье пробудилось,
И я стремлю ему во слѣдъ,
Межь нощію и днемъ, межь небомъ и морями,
Неутомимый свой полетъ
И упиваюся безсмертными лучами.

Мой другъ! прекрасны эти сны,
А солнце скрылось за горою:
Увы! летаемъ мы мечтою,
Но крылья тѣлу не даны.
И у кого душа въ груди не бьется
И, жадная, не рвется отъ земли,
Когда надъ нимъ, невидимый, вдали
Веселый жаворонокъ вьется
И тонетъ въ зыбяхъ голубыхъ,
По вѣтру пѣсни разсыпая!
Когда паритъ орелъ надъ высью скалъ крутыхъ,
Широкія вѣтрила разстилая,
И черезъ степь, чрезъ бездны водъ

Станица журавлей на родину плыветъ
Къ веснѣ полуденнаго края!

ВАГНЕРЪ.

Признаться, и во мнѣ подъ часъ
Затѣйливо шалитъ воображенье:
Но непонятно мнѣ твое стремленье.
На поле, на лѣса насмотришься какъ разъ;
Мнѣ не завидны крылья птицы,
И то-ль веселье для души —
Перелетать листы, страницы
Зимой, въ полуночной тиши!
Тогда и ночь какъ будто-бы свѣтлѣе,
По жиламъ жизнь бѣжитъ теплѣе —
Не даромъ иногда пороешься въ пыли,
И, право, отрывать случалось
Такой столбецъ, что самъ ты на земли,
А будто небо открывалось.

ФАУСТЪ.

Мой другъ, изъ сильныхъ двухъ страстей
Одна лишь властвуетъ тобою:
О, не знакомься ты съ другою!
Но двѣ души живутъ въ груди моей,
Всегда враждуя межъ собою.
Одна, обнявши прахъ земной,
Сковалась съ нимъ любовію земною;
Другая, прочь отъ персти хладной,
Летитъ въ эѳиръ къ обители родной. —
Когда межъ небомъ и землею

Витаешь ты, веселый рой духовъ,
Изъ нѣдра тучь, изъ радужныхъ паровъ,
Спустись ко мнѣ! за жизнью молодою
Неси меня къ другой странѣ!
О, дайте плащъ волшебный мнѣ!
Когда-бъ меня къ другому міру
Онъ дивной силою помчалъ:
Я бы его не промѣнялъ
На блескъ вѣнца, на царскую порфиру.

ВАГНЕРЪ.

Не призывай извѣданныхъ враговъ:
Ихъ сонмъ въ изгибахъ облаковъ
Вездѣ разлился по вселенной
И смертному въ враждѣ неутомленной
Бѣду несетъ со всѣхъ сторонъ.
Подуетъ съ Сѣвера — и острыми зубами
Какъ иглами тебя пронзаетъ онъ:
Съ Востока налетитъ — и подъ его крылами
Иссохнетъ жизнь въ груди твоей.
То съ Юга, съ пламенныхъ степей,
Онъ зной и огнь скопляетъ надъ тобою
То съ Запада мгновенно освѣжитъ
И вдругъ губительной волною
Поля, луга опустошитъ.
Онъ внемлетъ намъ, но обольститель жадной
Покорствуя, онъ манитъ насъ къ бѣдамъ,
И словно ангелъ, такъ отрадно
Онъ ложь нашептываетъ намъ.

II.

ПѢСНЬ МАРГАРИТЫ.

Прости, мой покой!
Какъ камень, въ груди
Печаль залегла.
Покой мой, прости!

Гдѣ нѣтъ его,
Тамъ все мертво!
Мнѣ день не милъ
И міръ постылъ.

О бѣдная дѣвица!
Что сбылось съ тобой?
О бѣдная дѣвица!
Гдѣ разсудокъ твой?

Прости, мой покой!
Какъ камень, въ груди
Печаль залегла.
Покой мой, прости!

Въ окно-ли гляжу я —
Его я ищу.
Изъ дома-ль иду я —
За нимъ я иду.

Высокъ онъ и ловокъ;
Величественъ взглядъ;
Какая улыбка!
Какъ очи горятъ!

И рѣчь, какъ звонъ
Волшебныхъ струй!
И жаръ руки!
И что за поцѣлуй!

Прости, мой покой!
Какъ камень, въ груди
Печаль залегла.
Покой мой, прости!

Все тянетъ меня,
Все тянетъ къ нему.
И душно и грустно.
Ахъ, что̀ не могу —

Обнять его, держать его,
Лобзать его, лобзать
И, умирая, съ устъ его
Еще лобзанья рвать!

III.

МОНОЛОГЪ ФАУСТА.

(Ночь. Пещера.)

Всевышній духъ! ты все, ты все мнѣ далъ.
О чемъ тебя я умолялъ;

Не даромъ зрѣлся мнѣ
Твой ликъ, сіяющій въ огнѣ.
Ты далъ природу мнѣ, какъ царство, во владѣнье;
Ты далъ душѣ моей
Даръ чувствовать ее, далъ силу наслажденья.
Иной едва скользитъ по ней
Холоднымъ взглядомъ удивленья;
Но я могу въ ея таинственную грудь,
Какъ въ сердце друга, заглянуть.
Ты протянулъ передо мною
Созданій цѣпь — я узнаю
Въ водахъ, въ лѣсахъ, подъ твердью голубою
Одну благую мать, одну ея семью.
Когда завоетъ лѣсъ въ дубравѣ темной
И лѣсъ качается, и рухнетъ дубъ огромной,
И ели ближнія ломаются, трещатъ,
И стукъ, и грохотъ заунывный
Въ долинѣ будятъ гулъ отзывный:
Ты путь въ пещеру кажешь мнѣ,
И тамъ, среди уединенья,
Я вижу новый міръ, и новыя явленья,
И созерцаю въ тишинѣ
Души чудесныя, но тайныя видѣнья.
Когда же вѣтры замолчатъ
И тихо на поляхъ эѳира
Всплыветъ луна, какъ свѣтлый вѣстникъ мира,
Тогда подъемлется передо мной
Вѣковъ туманная завѣса,
И съ грозныхъ скалъ, изъ дремлящаго лѣса
Встаютъ блестящею толпой

*

Минувшаго серебряныя тѣни
И свѣтятъ въ сумракѣ суровыхъ размышленій.
Но ахъ! теперь я испыталъ,
Что нѣтъ для смертныхъ совершенства,
Напрасно я, въ мечтахъ душевнаго блаженства,
Себя съ безсмертными равнялъ!
Ты къ страшному врагу меня здѣсь приковалъ,
Какъ тѣнь моя, сопутникъ неотлучный,
Холодной злобою, насмѣшкою докучной,
Онъ отравилъ дары небесъ.
Дыханье словъ его сильнѣй твоихъ чудесъ!
Онъ въ прахъ меня низринулъ предо мною,
Разрушилъ въ мигъ міръ созданный тобою,
Въ груди моей зажегъ онъ пламень роковой,
Вдохнулъ любовь къ несчастному созданью,
И я стремлюсь несытою душой
Въ желаньи къ счастію и въ счастіи къ желанью.

ПРОЗА.

БЕСѢДА ПЛАТОНА СЪ АНАКСАГОРОМЪ *.

АНАКСАГОРЪ.

Давно, Платонъ, давно уроки божественнаго Сократа не повторялись въ нашихъ бесѣдахъ, и я по сихъ поръ напрасно искалъ случая предложить тебѣ нѣсколько вопросовъ о любимыхъ нашихъ наукахъ.

ПЛАТОНЪ.

Готовъ удовлетворить твоимъ вопросамъ, любезный Анаксагоръ, если силы мои мнѣ это позволятъ.

АНАКСАГОРЪ.

Ты всегда рѣшалъ мои сомнѣнія, Платонъ, и я не помню, чтобы ты когда нибудь оставилъ хоть одинъ изъ нашихъ вопросовъ безъ удовлетворительнаго отвѣта.

ПЛАТОНЪ.

Если и такъ, Анаксагоръ, то не я производилъ такія чудеса, но наука, божественная наука, которая внушала рѣчи Сократа и которой я рѣшился посвятить всю жизнь свою.

---

* Отрывки эти: «Бесѣда Платона съ Анаксагоромъ»; «Скульптура, живопись и музыка»; Утро, полдень, вечеръ и ночь», а также «Нѣсколько мыслей въ планъ журнала» были прочтены Веневитиновымъ на литературныхъ вечерахъ. (См. Біогр. Оч., стр. 15.)

АНАКСАГОРЪ.

Недавно читалъ я въ одномъ изъ нашихъ поэтовъ описаніе золотаго вѣка и, признаюсь тебѣ, Платонъ, въ моей слабости: эта картина восхитила меня. Но когда я на нѣсколько времени перенесся въ этотъ міръ совершеннаго блаженства и потомъ снова обратился къ нашимъ временамъ, тогда очарованіе прекратилось, и у меня невольно вырвался горестный вздохъ: для чего дано человѣку понятіе о такомъ счастіи, котораго онъ достигнуть не можетъ? для чего имѣетъ онъ несчастную способность мучить себя игрою воображенія, прекрасными вымыслами?

ПЛАТОНЪ.

Какъ? неужели ты представляешь себѣ золотой вѣкъ вымысломъ поэта, игрою воображенія? — неужели ты полагаешь, что поэтъ можетъ что-либо вымышлять?

АНАКСАГОРЪ.

Безъ сомнѣнія; и я думалъ въ этомъ случаѣ быть съ тобою согласнымъ.

ПЛАТОНЪ.

Ты ошибаешься, Анаксагоръ. — Поэтъ выражаетъ свои чувства, а всѣ чувства не въ воображеніи его, но въ самой его природѣ.

АНАКСАГОРЪ.

Если такъ, то для чего-же изгоняешь ты поэтовъ изъ твоей республики?

ПЛАТОНЪ.

Я не изгоняю истинныхъ поэтовъ, но увѣнчавъ ихъ цвѣтами, прошу оставить наши предѣлы.

АНАКСАГОРЪ.

Конечно, Платонъ; кто изъ поэтовъ не согласился бы посѣтить твою республику, чтобъ подвергнуться такому изгнанію? но не менѣе того это не доказываетъ ли, что ты почитаешь поэзію вредною для общества и слѣдственно для человѣка?

ПЛАТОНЪ.

Не вредною, но безполезною. Моя республика должна быть составлена изъ людей мыслящихъ, и потому дѣйствующихъ. Къ такому обществу можетъ-ли принадлежать поэтъ, который наслаждается въ собственномъ своемъ мірѣ, котораго мысль внѣ себя ничего не ищетъ и слѣдственно уклоняется отъ цѣли всеобщаго усовершенствованія? — Повѣрь мнѣ, Анаксагоръ: философія есть высшая поэзія.

АНАКСАГОРЪ.

Я охотно соглашусь съ твоею мыслію, Платонъ, когда ты окажешь мнѣ, какъ философія можетъ объяснить, что̀ такое золотой вѣкъ.

ПЛАТОНЪ.

Помнишь ли ты, Анаксагоръ, слова Сократа о человѣкѣ? — Какъ называлъ онъ человѣка?

АНАКСАГОРЪ.

Малымъ міромъ.

ПЛАТОНЪ.

Такъ точно, и эти слова должны объяснить твой вопросъ. — Что понимаешь ты подъ выраженіемъ: малый міръ?

АНАКСАГОРЪ.

Вѣрное изображеніе вселенной.

ПЛАТОНЪ.

Вообще эмблему всякаго цѣлаго и слѣдственно всего человѣчества. — Теперь разсмотримъ человѣка въ отдѣльности и примѣнимъ мысль о человѣкѣ ко всему человѣчеству. Случалось-ли тебѣ знать старца, свершившаго въ добродѣтели путь, предназначенный ему природою, и приближающагося къ концу съ богатыми плодами мудрой жизни?

АНАКСАГОРЪ.

Кто изъ насъ, Платонъ, забудетъ добродѣтельнаго Форбіаса, который, посвятивъ почти цѣлый вѣкъ любомудрію, на старости лѣтъ, казалось возвратился къ счастливому возрасту младенчества?

ПЛАТОНЪ.

Ты самъ, Анаксагоръ, развиваешь мысль мою. Такъ! всякій человѣкъ рожденъ счастливымъ, но чтобы познать свое счастіе, душа его осуждена къ боренію съ противорѣчіями міра. — Взгляни на младенца — душа его въ совершенномъ согласіи съ природою; но онъ не улыбается природѣ, ибо ему не достаетъ еще одного чувства — совершеннаго самопознанія. Это музыка, но музыка еще скрытая въ чувствѣ, не проявившаяся въ разнообразіи звуковъ. — Взгляни на юношу и на человѣка возмужалаго. Что̀ значитъ желаніе опытности? гдѣ причина всѣхъ его покушеній, всѣхъ его дѣйствій, какъ не въ идеѣ счастія, какъ не въ надеждѣ достигнуть той степени, на которой человѣкъ познаетъ самого себя? — Взгляни наконецъ на старца: онъ, кажется, вдохновеннымъ взоромъ оки-

ываетъ минувшее поприще, и видитъ, что всѣ бури міра для его утихли, что путь трудовъ привелъ его къ желанной цѣи — къ независимости и самодовольству. Вотъ жизнь человѣка! она снова возвращается къ своему началу. — Разсмотимъ теперь ходъ человѣчества, и тогда загадка совершенно ля насъ разрѣшится. Въ какомъ видѣ представляется тебѣ олотой вѣкъ?

АНАКСАГОРЪ.

Древніе наши поэты посвятили все свое искусство описаю какого-то утраченнаго блаженства, и слова мои не могутъ ыразить моего чувства.

ПЛАТОНЪ.

Не требую отъ тебя картины; но скажи мнѣ, какъ предавляешь ты себѣ первобытнаго человѣка въ отношеніи къ амой природѣ.

АНАКСАГОРЪ.

Онъ былъ, какъ увѣряютъ, царемъ природы.

ПЛАТОНЪ.

Царемъ природы можетъ назваться только тотъ, кто поорилъ природу; и слѣдственно, чтобы познать свою силу, еловѣкъ принужденъ испытать ее въ противорѣчіяхъ—оттуда асколъ между мыслію и чувствомъ. Объясню тебѣ эти слова римѣромъ. — Представимъ себѣ Фидіаса, пораженнаго идеею поллона. Въ душѣ его совершенное спокойствіе, совершенная тишина. Но доволенъ ли онъ этимъ чувствомъ! Еслибъ асслажденіе его было полно, для чего бы онъ взялъ рѣзецъ? Еслибъ идеалъ его былъ ясенъ, для чего старался бы онъ го выразить? Нѣтъ, Анаксагоръ! эта тишина — предвѣстница ури. Но когда вдохновенный художникъ, побѣдивъ всѣ труд-

ности своего искусства, передалъ мысль свою безчувственному мрамору, тогда только истинное спокойствіе водворяется въ душѣ его — онъ позналъ свою силу и наслаждается въ мірѣ, ему уже знакомомъ.

АНАКСАГОРЪ.

Конечно, Платонъ, это можно сказать о художникѣ, потому что онъ творитъ и для того своевольно борется съ трудностями искусства.

ПЛАТОНЪ.

Не только о художникѣ, но и о всякомъ человѣкѣ, о всемъ человѣчествѣ. — Жить ничто иное какъ творить — будущее намъ идеалъ. Но будущее есть произведеніе настоящаго, то есть нашей собственной мысли.

АНАКСАГОРЪ.

И такъ, если я понялъ твою мысль, то золотой вѣкъ дѣйствительно существовалъ и снова ожидаетъ смертныхъ.

ПЛАТОНЪ.

Вѣрь мнѣ, Анаксагоръ, вѣрь: она снова будетъ, эта эпоха счастія, о которой мечтаютъ смертные. — Нравственная свобода будетъ общимъ удѣломъ — всѣ познанія человѣка сольются въ одну идею о человѣкѣ — всѣ отрасли наукъ сольются въ одну науку самопознанія. Чтò до времени? Насъ давно не станетъ, — но меня утѣшаетъ эта мысль. Умъ мой гордится тѣмъ, что ее предузнавалъ, и, можетъ быть, ускорилъ будущее. — Тогда пусть сбудется древнее египетское пророчество! пусть солнце поглотитъ нашу планету, пусть враждебныя стихіи расхитятъ разнородныя части, ее составляющія!.... Она исчезнетъ, но, совершивъ свое предназначеніе, исчезнетъ какъ ясный звукъ въ гармоніи вселенной.

СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ И МУЗЫКА.

Откуда слетѣли вы къ намъ, божественныя дѣвы? не небо ли было вашей колыбелью? и для чего промѣняли вы жилище красоты и наслажденія на долину желаній и усилій? Ваши пламенные взоры горятъ огнемъ неземнымъ. Вы расточаете ласки свои смертнымъ; но черты вашего лица, какъ бы предназначеннаго вѣчной юности, сохранили всю прелесть красоты дѣвственной. Кто вы, небесныя, откройтесь. Вы мнѣ уже знакомы; не ваши-ли волшебные образы летали предо мною въ тѣ счастливые часы, въ которые я мечталъ о лучшемъ мірѣ? Не васъ-ли вездѣ ищетъ мое воображеніе?

Мы сестры, отвѣчала первая богиня, и всѣ трое царствуемъ во вселенной; но не намъ принадлежитъ вѣнецъ безсмертной славы, онъ будетъ вѣчно сіять на главѣ нашей матери. О смертный! ты часто восхищался этимъ міромъ, съ восторгомъ взиралъ на все тебя окружающее; мы все видимое тобою украсили. Я старшая изъ сестеръ и меня первую послала мать для того, чтобъ оживить вселенную въ очахъ твоихъ; я указала тебѣ этотъ круглый шаръ, который плыветъ въ воздухѣ; я вознесла взоры твои на сіе небо, которое, какъ сводъ, его обнимаетъ; я разсѣяла эти горы съ утесами, которыя, какъ великаны, возвышаются надъ долинами; мой искусный рѣзецъ образовалъ каждое дерево, каждый листъ, каждую жемчужину, сокровенную на глубинѣ раковины.

Прелестно, воскликнула вторая богиня, прелестно было произведеніе сестры моей, когда я слетѣла съ неба; но взоръ напрасно искалъ разнообразія на землѣ безцвѣтной. Все было

хладно, безжизненно, какъ тѣ образы, которые представляютъ сѣрые тучи въ день пасмурный. Я взмахнула поясомъ и радуги со всѣхъ сторонъ посыпались на землю, ясное свѣтило загорѣлось въ воздухѣ, по небу разлилась чистая лазурь и море отразило небо; — долины и лѣса одѣлись зеленымъ цвѣтомъ, и я, довольная новымъ міромъ, возвратилась къ престолу нашей матери.

Тогда и я слетѣла на землю, сказала третья богиня; прелестны были произведенія сестеръ моихъ, но я напрасно искала въ нихъ жизни; ничто не улыбалось мнѣ въ природѣ. Мертвая тишина царствовала на землѣ и стѣсняла мои чувства; я вздохнула, и вздохъ мой повторился во вселенной; чувство жизни разлилось повсюду: все огласилось звуками радости и всѣ эти звуки слились въ общую, волшебную гармонію.

Съ тѣхъ поръ, продолжала первая богиня, съ тѣхъ поръ воздвигнулись три алтаря на землѣ; я первая встрѣтила смертнаго и мнѣ первой принесъ онъ дары свои. Онъ былъ еще странникомъ на новой землѣ; все поражало его удивленіемъ; все питало въ немъ то чувство гордости, которое невольно пробуждаетъ первая встрѣча съ незнакомымъ. Гдѣ найду я, говорилъ онъ, удовлетвореніе безконечнымъ моимъ желаніямъ, гдѣ найду предметъ достойный моихъ усилій? Я услышала сѣтованія смертнаго, и, первая, внушала ему смѣлую мысль похитить у безсмертныхъ огонь, дающій жизнь. Я вручила ему рѣзецъ, и вскорѣ мраморъ оживился подъ его руками, и человѣкъ окружилъ себя собственнымъ міромъ. Они еще живы, священные памятники его усилій — его славы. Ихъ не коснулась всеистребляющая коса времени. О смертный! стремись туда, гдѣ,

на развалинахъ столицы міра, геній минувшаго основалъ свое владычество., и вызывая изъ праха протекшія столѣтія, кажется, посмѣвается надъ настоящимъ. Вступи въ сей храмъ безсмертный, гдѣ герои древности, блѣдные какъ произведенія сна, въ краснорѣчивомъ безмолвіи, возвышаются около стѣнъ; вступи въ сей храмъ, когда утренній лучъ солнца озаритъ сіе величественное сонмище и будетъ скользить на бѣломъ мраморѣ; тогда ты познаешь мое владычество и присутствіе тайнаго божества поразитъ тебя благоговѣніемъ.

И мнѣ повиновался смертный, воскликнула вторая богиня, и я была его сопутницей. Когда любовь пролила въ сердцѣ его свою очаровательную влагу, напрасно силился онъ рѣзцемъ сестры моей изобразить предметъ своихъ желаній. Взоръ его напрасно искалъ въ очахъ изображенія того же неба, которое таилось подъ рѣсницами прекрасной его подруги; напрасно хотѣлъ онъ окружить образъ возлюбленной очарованіемъ безконечнаго, къ которому стремилась душа его, и въ которомъ являлся ему идеалъ прекрасной. И чтожь? я дала ему кисть, и чувства его вполнѣ вылились на мертвый холстъ, и мысль о безконечномъ сдѣлалась для него понятною. О смертный! хочешь ли видѣть небо на землѣ? Взгляни на сію картину, — взгляни когда яркій лучъ полдня прольетъ на нее свѣтъ свой, — ты невольно падешь на колѣна и тогда познаешь мое владычество.

Настало и мое царствованіе, промолвила послѣдняя богиня. Случалось ли тебѣ, въ безмолвіи ночи, слышать волшебные звуки, которые тайною силой увлекаютъ душу, тѣшатъ ее надеждою и заставляютъ забывать все окружающее? Это торжество мое. Ты переносишься тогда въ новый міръ, ты думаешь быть далеко отъ земли и ты въ самомъ себѣ.

Въ тебя вложила я таинственную арфу, которой струны дрожатъ при каждомъ впечатлѣніи, и служатъ какъ бы дополненіемъ всего, что ты чувствуешь въ природѣ. Не пламенная радость, не улыбка гордости выражаютъ мое владычество; нѣтъ! слезы тихаго восторга напоминаютъ смертному, что мнѣ покорено его сердце.

Мой слухъ прикованъ къ устамъ вашимъ, безсмертныя богини; но гдѣ та, которой вы уготовляете вѣнецъ славы— гдѣ храмъ, въ которомъ возвышается престолъ ея, изъ котораго она предписываетъ законы свои вселенной?

О смертный! весь міръ престолъ нашей матери. Ее изображалъ и мраморъ, и холстъ на землѣ; ее прославляли лиры пѣснонѣвцевъ; но она останется недосягаемою для чувствъ смертнаго; наша мать — Поэзія; вѣчность — ея слава; вселенная — ея изображеніе.

УТРО, ПОЛДЕНЬ, ВЕЧЕРЪ И НОЧЬ.

Кто изъ насъ, друзья мои, не погружался въ море минувшихъ столѣтій? Кто изъ насъ не ускорялъ полета времени и не мечталъ о будущемъ? Эти два чувства, вѣрные сопутники человѣка въ жизни, составляютъ источникъ и вмѣстѣ предметъ всѣхъ его мыслей. Что намъ настоящее? Оно ежеминутно предъ нами изчезаетъ, разрушая всѣ надежды, на немъ основанныя. Между тѣмъ мысль о разрушеніи, объ уничтоженіи, такъ противурѣчитъ всѣмъ нашимъ чувствамъ, такъ убійственна для врожденной въ насъ любви къ существованію, къ устройству, что мы хоть памятью стараемся оживлять былое, вызываемъ изъ гроба тѣхъ героевъ человѣчества, въ

коихъ болѣе отразилось чувство жизни и силы, и съ горестію собирая прахъ ихъ, разсѣянный крылами времени, образуемъ новый міръ, и обѣщаемъ ему — безсмертіе. Съ этимъ міромъ безсмертія, съ этимъ лучшимъ изъ нашихъ упованій, сливаемъ мы всѣ понятія о будущемъ. Этой мысли посвящаемъ всю жизнь, въ ней видимъ свою цѣль и награду. Что̀ можетъ быть утѣшительнѣе для поэта, который къ ней направляетъ безпредѣльный полетъ свой? Что̀ назидательнѣе для мыслителя, который въ ней открываетъ желаніе безконечнаго, всеобщей гармоніи. Не изгоняйте, друзья мои, изъ области разсудка фантазіи, этой волшебницы, которой мы обязаны прелестнѣйшими минутами въ жизни, и которая, облекая высокое въ свою радужную одежду, не искажаетъ свѣтлаго луча истины, но дробитъ его на всевозможные цвѣты. Не тоже ли самое дѣлаетъ природа? Но ежели въ ней всѣ явленія, всѣ причины и дѣйствія сливаются въ одно цѣлое, въ одинъ законъ неизмѣнный, — не для того ли созданы всѣ чувства человѣка, чтобъ на богатомъ древѣ жизни породить мысль, сей божественный плодъ, пріуготовляемый цвѣтами фантазіи?

Пріятно съ вѣрнымъ понятіемъ о природѣ обратиться къ самой же природѣ, въ ней самой искать выраженія для того, что̀ она же намъ внушила. — Все для него поясняется; всякое явленіе — эмблема; всякая эмблема — самое цѣлое.... Такъ думалъ я, пробѣгая однажды тѣ священные памятники, которые вѣкъ передаетъ другому, и которые, свидѣтельствуя о жизни и усиліяхъ человѣчества, возрастаютъ съ каждымъ столѣтіемъ, и всегда завѣщанные потомству, всегда представляютъ новое развитіе. — Такъ думалъ я, пробѣгая эту цѣпь превратностей и разнообразія, въ которой каждое звено необходимо, которой направленіе неизмѣнно. — И чтожь пред-

ставилось разгоряченной фантазіи? — Простите ли вы, друзья мои, сонъ воображенія, быть можетъ, слишкомъ любопытнаго, и потому, быть можетъ, обманутаго?

Врата востока открываются передъ нами — все въ природѣ съ улыбкою встрѣчаетъ первое утро; лучъ денницы отражается свѣтомъ, и озаряетъ одно — безпредѣльное — вселенную. Какъ плѣнителенъ въ эту минуту юный житель юной земли; первое его чувство — созерцаніе, чувство младенческое, всѣмъ довольное, ничего не исключающее. Послушаемъ первую пѣснь его, пѣснь восторга безотчетнаго; она также проста, также очаровательна, какъ первый лучъ свѣта, какъ первое чувство любви. — Но онъ простираетъ руку къ свѣтилу, его поразившему, и оно для него не достигаемо: Онъ подымаетъ взоръ къ нему, душа его горитъ желаніемъ погрузиться въ это ясное море; но оно безпредѣльнымъ сводомъ простирается высоко, высоко надъ его главою. Очарованіе прекратилось; онъ изгнанъ изъ этого рая, — два Серафима, память и желаніе, съ пламенными мечами, воздвигаются у завѣтныхъ вратъ, и тайный голосъ произноситъ неизбѣжный приговоръ: „самъ создай міръ свой“. И все ожилось въ фантазіи раздраженнаго человѣка. — Чувства гордости и желаніе дѣйствовать, въ одно время, пробудились въ душѣ его. Онъ отдѣляется отъ природы и вездѣ ищетъ самаго себя. Всякій предметъ дѣлается выраженіемъ его особенной мысли. Горы, лѣса, воды, все населяется произведеніями его воображенія, и обманутое усиліе выразиться совершенно — вездѣ открываетъ строгій законъ необходимости, слѣпо управляющій міромъ.

Настаетъ полдень. — Чувствуя въ себѣ силу, чувствуя волю, человѣкъ покидаетъ колыбель свою; обманутый надеждой поработить себѣ природу, онъ хочетъ властвовать на землѣ и обоготворить силу. Стихіи для него не страшны, Океанъ не граница: онъ любитъ испытывать себя и ищетъ противоборника въ природѣ. Каждой страсти воздвигнутъ алтарь, но и въ бурю страстей человѣкъ не забываетъ своего высокаго предназначенія. Небо утромъ безмятежное покрылось въ полдень тучами, но природа не узнала тьмы; ибо молнія въ замѣну солнца, хотя минутнымъ блескомъ, разсѣвала густой мракъ.

Все утихаетъ подъ вечеръ дня: страсти гаснутъ въ сердцѣ, какъ слѣды солнца на небосклонѣ. Одинъ лучъ яркимъ свѣтомъ брежжетъ на западѣ; одно чувство, но сильнѣйшее, воспламеняетъ человѣка. Вечеромъ соловей воспѣваетъ любовь въ тѣни дубравъ и пѣснь любви повторяется во всей природѣ. Любви жертвуетъ сила своими подвигами. Небо говоритъ человѣку голосомъ любви; а на землѣ цвѣтокъ изъ рукъ прекрасной подруги — вѣнецъ для героя.

Недолго взоры смертнаго перебѣгали всѣ предметы... Наконецъ, усталыя вѣжды сокрыли отъ него всѣ явленія; тишина ночи склонила его ко сну — къ воззрѣнію на самаго себя. Только теперь душа его свободна. Предметы, пробудившіе ее къ существованію, не останавливаютъ ея болѣе: они быстро исчезаютъ передъ нею и она созидаетъ свой собственный міръ, независимый отъ того міра, гдѣ все ей казалось разнорѣчіемъ. Только теперь познаетъ человѣкъ истинную гармонію. — Уста его открываются и онъ шепчетъ такіе звуки, которые привели бы въ трепетъ младенца, но которые мыслящій старецъ записалъ бы въ книгу премудрости. — О, съ какимъ восторгомъ

пробудится онъ, когда новый лучъ денницы воззоветъ его къ новой жизни, — когда довольный тѣмъ, что онъ нашелъ въ самомъ себѣ, онъ перенесетъ чувство изъ міра желаній въ міръ наслажденія!

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ

ВЪ ПЛАНЪ ЖУРНАЛА.

Всякому человѣку, одаренному энтузіазмомъ, знакомому съ наслажденіями высокими, представлялся естественный вопросъ: для чего поселена въ немъ страсть къ познанію и къ чему влечетъ его непреоборимое желаніе дѣйствовать? — Къ самопознанію, отвѣчаетъ намъ книга природы. Самопознаніе — вотъ идея, одна только могущая одушевить вселенную; вотъ цѣль и вѣнецъ человѣка. Науки и искусства, вѣчные памятники усилій ума, единственные признаки его существованія, представляютъ ничто иное, какъ развитіе сей начальной и слѣдственно неограниченной мысли. Художникъ одушевляетъ холстъ и мраморъ для того только, чтобъ осуществить свое чувство, чтобъ убѣдиться въ его силѣ; поэтъ искусственнымъ образомъ переноситъ себя въ борьбу съ природою, съ судьбою, чтобъ въ семъ противорѣчіи испытать духъ свой и гордо провозгласить торжество ума. Исторія убѣждаетъ насъ, что сія цѣль человѣка есть цѣль всего человѣчества; а любомудріе ясно открываетъ въ ней законъ всей природы.

Съ сей точки зрѣнія должны мы взирать на каждый народъ, какъ на лицо отдѣльное, которое къ самопознанію направляетъ всѣ свои нравственныя усилія, ознаменованныя печатію особеннаго характера. Развитіе сихъ усилій составляетъ просвѣщеніе; цѣль просвѣщенія или самопознанія народа есть

та степень, на которой онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣлахъ и опредѣляетъ сферу своего дѣйствія; такъ напр., искусство древней Греціи, скажу болѣе, весь духъ ея отразился въ твореніяхъ Платона и Аристотеля; такимъ образомъ, новѣйшая философія въ Германіи есть зрѣлый плодъ того-же энтузіазма, который одушевляетъ истинныхъ ея поэтовъ, того же стремленія къ высокой цѣли, которое направляло полетъ Шиллера и Гёте.

Съ этой мыслью обратимся къ Россіи и спросимъ: какими силами подвигается она къ цѣли просвѣщенія? Какой степени достигла она въ сравненіи съ другими народами на семъ поприщѣ, общемъ для всѣхъ? Вопросы, на которые едва ли можно ожидать отвѣта, ибо безпечная толпа нашихъ литераторовъ, кажется, не подозрѣваетъ ихъ необходимости. У всѣхъ народовъ самостоятельныхъ просвѣщеніе развивалось изъ начала, такъ сказать, отечественнаго; ихъ произведенія, достигая даже нѣкоторой степени совершенства и входя слѣдственно въ составъ всемірныхъ пріобрѣтеній ума, не теряли отличительнаго характера. Россія все получила извнѣ; оттуда это чувство подражательности, которое самому таланту приноситъ въ день не удивленіе, но раболѣпство; оттуда совершенное отсутствіе всякой свободы и истинной дѣятельности.

Началомъ и причиной медленности нашихъ успѣховъ въ просвѣщеніи, была та самая быстрота, съ которою Россія приняла наружную форму образованности и воздвигла мнимое зданіе Литературы безъ всякаго основанія, безъ всякаго напряженія внутренней силы. Уму человѣческому сродно дѣйствовать, и еслибъ онъ у насъ слѣдовалъ естественному ходу, то характеръ народа развился бы собственной своей силою

и принялъ бы направленіе самобытное, ему свойственное; но мы, какъ будто предназначенные противорѣчить Исторіи Словесности, мы получили форму литературы прежде самой ея сущности. У насъ прежде учебныхъ книгъ появляются журналы, которые обыкновенно бываютъ плодомъ учености и признакомъ общей образованности, и эти журналы, по сихъ поръ, служатъ пищею нашему невѣжеству, занимая умъ игрою ума, увѣряя насъ, нѣкоторымъ образомъ, что мы сравнялись просвѣщеніемъ съ другими народами Европы, и можемъ безъ усиленнаго вниманія слѣдовать за успѣхами наукъ, столь быстро подвигающихся въ нашемъ вѣкѣ, тогда какъ мы еще не вникли въ сущность познанія и не можемъ похвалиться ни однимъ памятникомъ, который бы носилъ печать свободнаго энтузіазма и истинной страсти къ наукѣ.— Вотъ положеніе наше въ литературномъ мірѣ — положеніе совершенно отрицательное.

Легче дѣйствовать на умъ, когда онъ пристрастился къ заблужденію, нежели когда онъ равнодушенъ къ истинѣ. Ложныя мнѣнія не могутъ всегда состояться; онѣ пораждаютъ другія; такимъ образомъ вкрадывается несогласіе и самое противорѣчіе производитъ нѣкотораго рода движеніе, изъ котораго наконецъ возникаетъ истина. Мы видимъ тому ясный примѣръ въ самой Россіи. Давно ли сбивчивыя сужденія французовъ о философіи и искусствахъ почитались въ ней законами? И гдѣ же слѣды ихъ? Они въ прошедшемъ, или разсѣяны въ немногихъ твореніяхъ, которыя, съ безсильною упорностію, стараются представить прошедшее настоящимъ. Такое освобожденіе Россіи отъ условныхъ оковъ и отъ невѣжественной самоувѣренности французовъ было бы торжествомъ ея, если бы оно было дѣломъ свободнаго разсудка; но,

къ несчастію, оно не произвело значительной пользы: ибо причина нашей слабости въ литературномъ отношеніи заключалась не столько въ образѣ мыслей, сколько въ бездѣйствіи мысли. Мы отбросили французскія правила, не отъ того, чтобы мы могли ихъ опровергнуть какою-либо положительною системою; но потому только, что не могли примѣнить ихъ къ нѣкоторымъ произведеніямъ новѣйшихъ писателей, которыми невольно наслаждаемся. Такимъ образомъ правила невѣрныя замѣнились у насъ отсутствіемъ всякихъ правилъ. Однимъ изъ пагубныхъ послѣдствій сего недостатка нравственной дѣятельности была всеобщая страсть выражаться въ стихахъ. Многочисленность стихотворцевъ во всякомъ народѣ есть вѣрнѣйшій признакъ его легкомыслія; самыя пiитическія эпохи исторіи всегда представляютъ намъ самое малое число поэтовъ. Не трудно, кажется, объяснить причину сего явленія естественными законами ума; надобно только вникнуть въ начало всѣхъ искусствъ. Первое чувство никогда не творитъ, и не можетъ творить; потому что оно всегда представляетъ согласіе. Чувство только порождаетъ мысль, которая развивается въ борьбѣ, и тогда, уже снова обратившись въ чувство, является въ произведеніи. И потому истинные поэты всѣхъ народовъ, всѣхъ вѣковъ, были глубокими мыслителями, были философами и, такъ сказать, вѣнцомъ просвѣщенія. У насъ языкъ поэзіи превращается въ механизмъ; онъ дѣлается орудіемъ безсилія, которое не можетъ себѣ дать отчета въ своихъ чувствахъ и потому чуждается опредѣлительнаго языка разсудка. Скажу болѣе: у насъ чувство, нѣкоторымъ образомъ, освобождаетъ отъ обязанности мыслить, и прельщая легкостію безотчетнаго наслажденія, отвлекаетъ отъ высокой цѣли усовершенствова-

нія. При семъ нравственномъ положеніи Россіи, одно только средство представляется тому, кто пользу ея изберетъ цѣлію своихъ дѣйствій. Надобно бы совершенно остановить нынѣшній ходъ ея словесности, и заставить ее болѣе думать, нежели производить. Нельзя скрыть отъ себя трудности такого предпріятія. Оно требуетъ тѣмъ болѣе твердости въ исполненіи, что отъ самой Россіи не должно ожидать никакого участія; но трудность можетъ-ли остановить сильное намѣреніе, основанное на правилахъ вѣрныхъ и устремленное къ истинѣ? Для сей цѣли надлежало бы нѣкоторымъ образомъ устранить Россію отъ нынѣшняго движенія другихъ народовъ, закрыть отъ взоровъ ея всѣ маловажныя происшествія въ литературномъ мірѣ, безполезно развлекающія ея вниманіе, и опираясь на твердыя начала философіи, представить ей полную картину развитія ума человѣческаго, картину, въ которой бы она видѣла свое собственное предназначеніе. Сей цѣли, кажется, вполнѣ бы удовлетворило такое сочиненіе, въ которомъ разнообразіе предметовъ не мѣшало бы единству цѣлаго и представляло бы различныя примѣненія одной постоянной системы. Такое сочиненіе будетъ журналъ, и его вообще можно будетъ раздѣлить на двѣ части: одна должна представлять теоретическія изслѣдованія самаго ума и свойствъ его; другую можно будетъ посвятить примѣненію сихъ же изслѣдованій къ исторіи наукъ и искусствъ. Не безполезно бы было обратить особенное вниманіе Россіи на древній міръ и его произведенія. Мы слишкомъ близки, хотя повидимому, къ просвѣщенію новѣйшихъ народовъ, и слѣдственно не должны бояться отстать отъ новѣйшихъ открытій, если будемъ вникать въ причины, породившія современную намъ образованность, и перенесемся на нѣкоторое время въ эпохи ей пред-

шествовавшія. Сіе временное устраненіе отъ настоящаго произведетъ еще важнѣйшую пользу. Находясь въ мірѣ совершенно для насъ новомъ, котораго всѣ отношенія для насъ загадки, мы невольно принуждены будемъ дѣйствовать собственнымъ умомъ для разрѣшенія всѣхъ противорѣчій, которыя намъ въономъ представятся. Такимъ образомъ, мы сами сдѣлаемся преимущественнымъ премдетомъ нашихъ разысканій. Древняя пластика или вообще духъ древняго искусства представляетъ намъ обильную жатву мыслей, безъ коихъ новѣйшее искусство теряетъ большую часть своей цѣны и не имѣетъ полнаго значенія въ отношеніи къ идеѣ о человѣкѣ. И такъ философія и примѣненіе оной ко всѣмъ эпохамъ наукъ и искусствъ — вотъ предметы, заслуживающіе особеннаго нашего вниманія, предметы тѣмъ болѣе необходимые для Россіи, что она еще нуждается въ твердомъ основаніи изящныхъ наукъ, и найдетъ сіе основаніе, сей залогъ своей самобытности и слѣдственно своей нравственной свободы въ литературѣ, въ одной философіи, которая заставитъ ее развить свои силы и образовать систему мышленія.

Вотъ подвигъ, ожидающій тѣхъ, которые возгорятъ благороднымъ желаніемъ въ пользу Россіи, и слѣдственно человѣчества, осуществить силу врожденной дѣятельности и воздвигнуть торжественный памятникъ любомудрію, если не въ лѣтописяхъ цѣлаго народа, то по крайней мѣрѣ въ нѣсколькихъ благодарныхъ сердцахъ, въ коихъ пробудится свобода мысли изящнаго и отразится лучъ истиннаго познанія.

ТРИ ЭПОХИ ЛЮБВИ *

(Отрывокъ.)

Три эпохи любви переживаетъ сердце, для любви рожденное. Первая любовь чиста, какъ пламень; она, какъ пламень, на все равно свѣтитъ, все равно согрѣваетъ; сердце нетерпѣливо рвется изъ тѣсной груди; душа просится наружу; руки все обнимаютъ, и юноша, въ первомъ роскошномъ убранствѣ весны своей, въ первомъ развитіи способностей, плѣнителенъ какъ младое древо въ раннихъ листьяхъ и цвѣтахъ. Какъ бы ни являлась ему красота, она для него равно прекрасна. Взоръ его не ищетъ Венеры Медицейской, когда онъ изумляется важному зрѣлищу издыхающаго Лаокоона. Холод-

*) Вотъ что сказано объ этомъ отрывкѣ въ предисловіи къ первому изданію прозаическихъ сочиненій Веневитинова:

«Отрывокъ подъ заглавіемъ: Три эпохи любви, принадлежалъ къ неоконченному роману, коего нѣкоторыя главы отчасти набросаны, но здѣсь не помѣщены, потому что, внѣ связи съ цѣлымъ, онѣ теряютъ свое достоинство и показались бы неумѣстными. Въ замѣну, мы по возможности сообщимъ изъ романа все, что авторъ намъ изустно передалъ объ его планѣ никогда ненаписанномъ, но коего общія черты были опредѣлены въ его умѣ; ибо романъ сей былъ главнымъ предметомъ мыслей Д. Веневитинова въ послѣдніе мѣсяцы его кратковременной жизни.»

«Владиміръ Паренскій, единственный сынъ богатаго Пана Польскаго, извѣстнаго голосомъ своимъ на сеймахъ, былъ порученъ отцемъ, передъ его смертію, подъ опеку и на воспитаніе старому его другу, доктору Фриденгейму, который жилъ вблизи одного изъ знаменитѣйшихъ Университетовъ Германіи и сдѣлался въ послѣдствіи начальникомъ Медицинской Академіи. Въ домѣ опекуна своего провелъ Владиміръ счастливые годы молодости. Часы ребяческаго досуга раздѣлялъ онъ съ дочерью своего воспитателя, Бентою, и съ раннихъ лѣтъ началась между ними тѣсная, неразрывная дружба, заронилось неясное предчувствіе страсти болѣе пламенной, болѣе гибельной. Настало для Паренскаго время посѣщенія публичныхъ курсовъ въ Университетѣ. Вскорѣ удивилъ онъ своихъ наставниковъ успѣхами неожиданными. Съ равною легкостію и жаромъ слѣдовалъ онъ за различными отраслями наукъ, и, хотя не принадлежалъ къ медицинскому отдѣленію,

ныя слова строгаго Омира и теплые напѣвы чувствительнаго Петрарки равно звучны въ устахъ его, и любовница его — одна вселенная. Это эпоха восторговъ.

Настаетъ другая. Душа упилась; взоры устали разбѣгаться; имъ надобно успокоиться на одномъ предметѣ. Возмется ли юноша за кисть: не древній Іосифъ, не Ангелъ благовѣститель рождается подъ нею, но образъ чистой дѣвы одушевляетъ полотно. Счастлива первая дѣва, которую онъ встрѣтитъ! Какая душа посвящаетъ ей свои восторги! Какою пре-

---

но, по собственному желанію, не пропускалъ ни одной изъ анатомическихъ лекцій своего наставника и получилъ со временемъ весьма основательныя понятія о сей наукѣ. Онъ любилъ погружаться въ глубокія размышленія о началѣ жизни въ человѣческомъ тѣлѣ. Онъ удивлялся стройности, расположенію, безконечности частей его составляющихъ. Онъ старался разгадать этотъ малый міръ, вникнуть въ сокровенное, узнать тѣсную, но тайную связь души и тѣла. Мысли его стремились далѣе и далѣе. — Въ немъ родились сомнѣнія. — Съ тайною радостію, можетъ быть, съ тайною надеждою взирала Бента на быстрые успѣхи Паренскаго, на первенство, которое онъ возъимѣлъ надъ товарищами, на удивленіе и любовь его наставниковъ, на это видимое предназначеніе въ немъ человѣка необыкновеннаго, выспренняго.»

«Пробывши нѣсколько лѣтъ въ Университетѣ, Паренскій вздумалъ путешествовать. Гонимый сомнѣніями, тревожимый мучительною жаждою познанія, онъ надѣялся, что жизнь дѣятельная, другое направленіе душевныхъ способностей, разсѣятъ въ немъ неукротимые порывы мечты; что успѣхи свѣтскіе, честолюбіе, слава, плѣняющая людей, вознаградятъ его нравственныя мученія и даруютъ ему успокоеніе, блаженство. Со вниманіемъ и любопытствомъ проѣхалъ онъ многія страны, и наконецъ прибылъ въ Россію, гдѣ его связи и дарованія вскорѣ доставили ему значительное и блестящее мѣсто по службѣ. Здѣсь познакомился онъ съ одною молодою дѣвушкою, которая уже была сговорена за другаго. Паренскій почувствовалъ къ ней тайное влеченіе. Не стараясь побѣдить сего чувства, онъ сталъ часто посѣщать ея домъ, но вскорѣ замѣтилъ, что, не смотря на ласковое съ нимъ обхожденіе, та искренняя дружба, которую ему оказывали, не отвѣчала его усилившейся пламенной любви. Гордость его была обижена. Въ немъ родилась ревность. Предавшись съ отчаяніемъ сему пагубному чувству, онъ дерзнулъ на злодѣяніе. Онъ болѣе сблизился съ своимъ соперникомъ, бывшимъ товарищемъ его въ Университетѣ, не смѣя

лестью облекаетъ ее молодое воображеніе! Какъ пламенны о ней пѣсни. Какъ нѣжно юноша плачетъ! Эта эпоха одинъ мигъ, но лучшій мигъ въ жизни.

Что разочаровываетъ отрока, когда онъ разбиваетъ имъ созданную игрушку? Что разочаровываетъ поэта, когда онъ предаетъ огню первые, быть можетъ, самые горячіе стихи свои? Что заставляетъ юношу забыть первый идеалъ свой, забыть тотъ образъ, въ который онъ выливалъ всю душу? Мы не долго любимъ свои созданія, и природа приковываетъ насъ

очернить его предъ своею возлюбленной. Въ притворной дружбѣ съ нимъ онъ подарилъ ему образъ, въ которомъ сокрытъ былъ ядъ — и чрезъ нѣсколько времени избавился отъ него. Онъ надѣялся, что отчаяніе молодой дѣвушки укротится, что участіе, которое онъ, по видимому, принималъ въ ея положеніи, мнимая скорбь объ умершемъ другѣ, наконецъ, самая дружба съ нимъ и собственныя преимущества предъ нимъ, мало-по-малу, вытѣснятъ его память изъ ея сердца, и что она невольно предастся въ разставленныя имъ сѣти. Но здоровье ея примѣтно стало слабѣть, сильный недугъ обуялъ ее, и Владиміръ, однажды по утру войдя въ ея домъ, видитъ ея холодный трупъ, лежащій на столѣ среди комнаты. Съ отчаяньемъ узнаетъ онъ образъ на ея груди. — Что это? вскрикиваетъ онъ. — Ему отвѣчаютъ, что этотъ образъ былъ снятъ передъ смертію покойнымъ ея женихомъ съ собственной его груди, и ей завѣщанъ съ тѣмъ, чтобы она его всегда носила на себѣ въ знакъ памяти. Для Паренскаго все открыто. Онъ самъ убійца своей возлюбленной! — Онъ спѣшитъ оставить край, гдѣ двѣ грозныя тѣни всюду его преслѣдуютъ».

«Снова объѣзжаетъ онъ многія страны, но нигдѣ не встрѣчаетъ успокоенія души, укрощенія совѣсти. Разочарованный, онъ въ Германіи опять хочетъ приняться за любимую свою науку, анатомію. Въ первый разъ какъ онъ послѣ многихъ лѣтъ входилъ въ анатомическую залу, она еще была пуста, слушатели не собирались, профессоръ еще не приходилъ. На столѣ лежало покрытое тѣло, приготовленное для лекціи. Паренскій безъ цѣли, въ раздумьи, подходитъ къ столу, и разсѣянно поднимаетъ покрывало. Предъ нимъ трупъ прекрасной женщины и возлѣ нея лежатъ инструменты для вскрытія тѣла. Съ судорожнымъ движеніемъ онъ отворачивается. — Это зрѣлище взволновало въ немъ воспоминанія, сожалѣніе, страхъ, совѣсть. Въ огромной залѣ онъ одинъ предъ обнаженнымъ мертвымъ тѣломъ. — Для него и все въ мірѣ мертво. Онъ клянется никогда не возращаться въ сіе мѣсто».

къ дѣйствительности. Дорого платитъ юноша за восторги второй любви своей. Чѣмъ болѣе предполагалъ онъ въ людяхъ, тѣмъ мучительнѣй для него теперь ихъ встрѣча. Онъ молчаливъ и задумчивъ. О, если тогда на другомъ челѣ, въ другихъ очахъ прочтетъ онъ слѣды тѣхъ же чувствъ, если онъ подслушаетъ сердце, бьющееся согласно съ его сердцемъ, — съ какою радостью подаетъ онъ руку существу родному! И какъ ясно понимаютъ они другъ друга! — Вотъ третья эпоха любви: это эпоха думъ» [1].

«Онъ пріѣзжаетъ въ домъ доктора Фриденгейма, гдѣ все ему знакомо, и ничто не можетъ возбудить прежнихъ чувствъ. Бента не понимаетъ его перемѣны. Онъ бѣжитъ отъ людей, онъ страшится и ея бесѣды. Однажды вечеромъ проходитъ онъ безъ цѣли, по обыкновенію своему, по дорожкамъ сада, и, отягченный думами, усталый бросается на скамью. Все тихо, одна луна плыветъ на небосклонѣ, и изрѣдка звѣзды мелькаютъ въ синевѣ. — Владиміръ чувствуетъ, что кто-то сзади подходитъ къ нему; онъ оборачивается и узнаетъ Бенту. Она тихо слѣдовала за нимъ по тропинкамъ, собираясь уже давно извѣдать отъ него причины его мрачности и равнодушія къ ней. — Съ робостію, въ первый разъ, произноситъ она слово любви, и пламенныя уста Паренскаго горятъ на груди дочери его благодѣтеля. Отъ сей минуты утратилось невинное счастіе Бенты! Владиміръ, ея демонъ-соблазнитель, оторвалъ отъ сердца ея покой, и вскорѣ стыдъ и скорбь низводятъ ее въ могилу».

«Такимъ образомъ, влекомый отъ преступленія къ преступленію, мучимый совѣстію, новыми страстями, Владиміръ Паренскій, одаренный отъ природы качествами необыкновенными, проводитъ молодые свои года. — Что жь стало съ нимъ въ послѣдствіи? Со временемъ всѣ страсти въ немъ перегорѣли, душевныя силы истощились; всѣ дѣйствія его были безъ намѣренія; онъ сдѣлался человѣкомъ обыкновеннымъ; люди простые почитали его даже добродѣтельнымъ, потому что онъ не творилъ зла. Но онъ живой, уже былъ убитъ, и ничѣмъ не могъ наполнить пустоту души.» — Романъ этотъ, по словамъ автора «предисловія», долженствовалъ составить довольно пространное сочиненіе и Веневитиновъ, съ особенной любовью и краснорѣчіемъ, говорилъ о немъ. Можно предположить, безъ большой смѣлости, что въ этомъ романѣ Веневитиновъ хотѣлъ изобразить свои собственныя волненія, свою «мучительную жажду познанія» — словомъ, всѣ тревожные вопросы, возникавшіе въ его собственномъ умѣ.

ПИСЬМО КЪ ГРАФИНѢ N. N. *

Могъ ли я полагать, любезнѣйшая графиня, что бесѣды наши завлекутъ насъ такъ далеко? Начали съ простаго разбора нѣмецкихъ стихотворцевъ, потомъ стали разсуждать о самой поэзіи, а теперь уже пишу къ вамъ о философіи. Не пугайтесь этого имени; вы сами требовали отъ меня развитія философскихъ понятій, хотя выражались другими словами. Не вы ли сами замѣтили мнѣ, что одно чувство наслажденія, при взглядѣ на какое нибудь изящное произведеніе, для васъ неудовлетворительно, что какое-то любопытство заставляло васъ требовать отъ себя отчета въ этомъ чувствѣ, — спросить, какою силою оно возбуждается, въ какой связи находится съ прочими способностями человѣка? Такимъ образомъ сдѣлали вы сами собою первый шагъ ко храму богини, которая болѣе всѣхъ прочихъ таится отъ взоровъ смертныхъ. Радуясь блистательнымъ вашимъ успѣхамъ, я обѣщалъ представить вамъ, въ краткомъ и простомъ изложеніи, такую науку, которая совершенно удовлетворитъ вашему любопытству, и это обѣщаніе рѣшился я исполнить въ настоящихъ письмахъ о философіи. Впрочемъ объ имени спорить не будемъ. Если оно заслужило негодованіе многихъ, если большой свѣтъ не различаетъ философіи отъ педантизма, то я согласенъ дать бесѣдамъ нашимъ другое названіе: мы будемъ не философствовать,

---

* Письмо это было адресовано къ княгинѣ А. И. Трубецкой. Веневитиновъ намѣревался, въ цѣломъ рядѣ писемъ, развить всю систему философіи, «представить: какъ всѣ науки сводятся на философію и изъ нея обратно выводятся».

будемъ просто думать, разсуждать.... Но къ чему такое замѣчаніе? Я знаю васъ, графиня, и потому буду смѣло говорить вамъ именно о философіи. Вы слишкомъ умѣете цѣнить наслажденія умственныя, чтобы останавливаться на пустыхъ звукахъ и не свергнуть оковъ нелѣпаго предубѣжденія. Вы знаете, вы всякой день слышите, что философію называютъ бредомъ, пустой игрою ума; но въ этомъ случаѣ вѣрно никому не повѣрите, кромѣ собственнаго опыта. И такъ, испытывайте. Если собственный разсудокъ вашъ оправдаетъ сіи укоризны, не вѣрьте философіи, или, лучше сказать, не вѣрьте тому, кто вамъ представилъ ее въ такомъ видѣ. Я самъ, начиная письма мои, прошу васъ не забывать одного условія, и вотъ оно: если я на одну минуту перестану быть яснымъ, то изорвите мои письма, запретите мнѣ писать объ этомъ предметѣ. Между тѣмъ, пусть суетные безумцы смѣются надъ нашими занятіями; — мы надѣемся стать на такую высоту, съ которой не слышенъ будетъ презрительный ихъ хохотъ, а они, несчастные, и такъ уже довольно наказаны судьбою, которая лишила ихъ способа наслаждаться, подобно намъ, благороднѣйшими наклонностями человѣка.

Прежде нежели посвятите себя таинствамъ элевзинскимъ, вы конечно спросите: дли чего учреждены они и въ чемъ заключаются; но не даромъ они таинства, и этого вопроса не дѣлаютъ при входѣ. Лишь нѣсколько жрецовъ, посѣдѣлыхъ въ служеніи и гаданіяхъ, могли бы отвѣчать на него. Они хранятъ глубокое молчаніе, и вопрошающій получаетъ только одинъ отвѣтъ: „Иди впередъ, и узнаешь“. Тоже съ философіей. Вы хотите знать ея опредѣленіе, ея предметъ, и на это я не могу дать вамъ рѣшительнаго отвѣта. Но мы вмѣстѣ будемъ искать его въ самой наукѣ, и потому сдѣлаемъ дру-

гой вопросъ: можетъ ли быть наука, называемая философіей, и какъ родилась она?

Положимъ себѣ за правило: на всемъ останавливать наше вниманіе и не пропускать ни одного понятія безъ точнаго опредѣленія. И потому, чтобы безошибочно отвѣчать на предложенный нами вопросъ, спросимъ себя напередъ: чтò понимаемъ мы подъ словомъ: наука? — Если бы кто нибудь спросилъ васъ: что такое исторія? Вы бы вѣрно отвѣчали: наука происшествій, относящихся до бытія народовъ. — Что такое ариѳметика? — наука чиселъ, и т. д. Слѣдовательно, исторія и ариѳметика составляютъ двѣ науки: но въ опредѣленіи каждой изъ нихъ заключается ли опредѣленіе науки вообще? Разсмотримъ отвѣты подробнѣе. Ариѳметика—наука чиселъ. Чтó это значитъ? Конечно то, что ариѳметика открываетъ законы, по которымъ можно разрѣшать всѣ численныя задачи, или другими словами, что ариѳметика представляетъ общія правила для всѣхъ частныхъ случаевъ, выражаемыхъ числами: такъ напримѣръ, даетъ она общее правило сложенія для всѣхъ возможныхъ сложеній. Если мы такимъ же образомъ разсмотримъ и другой отвѣтъ, то увидимъ что исторія стремится связать случайныя событія въ одно для ума объятное цѣлое; для этого исторія сводитъ дѣйствія на причины и обратно выводитъ изъ причинъ дѣйствія. Въ обѣихъ сихъ наукахъ (въ ариѳметикѣ и въ исторіи) замѣчаемъ мы два условія: 1) Каждая изъ нихъ стремится привести частные случаи въ теорію. 2) Каждая имѣетъ отдѣльный, ей только собственный предметъ. Примѣнимъ это къ прочимъ, намъ извѣстнымъ, наукамъ, и мы увидимъ, что вообще наука есть стремленіе приводить частныя явленія въ общую теорію или въ систему познанія. Слѣдовательно, необходимыя

условія всякой науки суть: общее это стремленіе и частный предметъ; другими словами: форма и содержаніе. Вы позволите мнѣ, любезнѣйшая графиня, иногда употреблять сіи выраженія, принятыя всѣми занимающимися нашимъ предметомъ, и потому прошу васъ не терять изъ виду ихъ значенія. Впрочемъ объяснимся еще подробнѣе. Если всякая наука, чтобъ быть наукою, должна быть основана на какихъ нибудь частныхъ явленіяхъ (т. е. имѣть содержаніе), и приводить всѣ эти явленія въ систему (т. е. имѣть форму), то форма всѣхъ наукъ должна быть одна и таже; напротивъ того, содержанія должны различествовать въ наукахъ, напр. содержаніе ариѳметики — числа, а исторіи — событія. Вы теперь видите, что слово „форма,“ выражаетъ не наружность науки, но общій законъ, которому она необходимо слѣдуетъ.

Съ этими мыслями возвратимся къ философіи, и заключимъ: если философія — наука, то она необходимо должна имѣть и форму и содержаніе; но какъ доказать, что философія имѣетъ содержаніе или предметъ особенный, если мы еще не знаемъ, что такое философія? — Постараемся побѣдить это затрудненіе, и примемся за вопросъ: какъ родилась философія?

Всѣ науки начались съ того, что человѣкъ наблюдалъ частные случаи и всегда старался подчинять ихъ общимъ законамъ, т. е. приводить въ систему познанія. Разсмотрите ходъ собственныхъ вашихъ занятій, и это покажется вамъ еще яснѣе. Вы начали читать нѣмецкихъ поэтовъ. Умъ вашъ, соединивъ всѣ впечатлѣнія, которыя получилъ отъ нихъ, составилъ понятіе о литературѣ нѣмецкой и отличилъ ее отъ всякой другой, привязавъ къ ней идею особеннаго характера. Этого мало: изъ понятій о частныхъ характерахъ по-

этовъ, вы составили себѣ общее понятіе о поэзіи, въ ней заключили вы идею гармоніи, прекраснаго разнообразія; словомъ, вы окружили ее такими совершенствами, которыхъ мы напрасно бы стали искать у одного какого-либо поэта. Ибо поэзія для насъ богиня невидимая; лишь отдѣльно разсѣяны по вселенной прекрасныя черты ея. Чувство, привыкшее узнавать печать божественнаго, различило разбросанныя черты сіи на лицахъ нѣсколькихъ любимцевъ неба; изъ нихъ сотворило оно идеалъ свой, назвало его поэзіей и воздвигло ему жертвенникъ. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ ко мнѣ, не довольствуясь одною идеей поэзіи и безотчетнымъ наслажденіемъ ею, вы обратили вниманіе на самое чувство, на дѣйствіе самаго ума. Выписываю собственныя слова ваши:.... „Не тоже ли я чувствую, удивляясь превосходной Мадоннѣ Рафаэля и слушая музыку Беттовена? Не такъ же ли наслаждаюсь прелестною статуей древности и глубокою поэзіей Гёте? Это заставило меня спросить: какъ могли бы различные предметы породить одно и тоже чувство, если это чувство, эта искра изящнаго не таилась въ душѣ моей прежде, нежели пробудили ее предметы изящные. Я по сихъ поръ не нахожу отвѣта и т. д.“ Мы найдемъ его, любезнѣйшая графиня, вы сами его найдете; но не здѣсь ему мѣсто, и мы возвратимся теперь къ предмету, чтобы не выпустить изъ рукъ аріадниной нити.

Какъ развились собственныя ваши понятія, такъ постепенно развивались и науки. Въ семъ развитіи, какъ вы сами можете замѣтить, находятся различныя степени, опредѣляющія степени образованія. Чѣмъ болѣе наука привела частные случаи въ общую систему, тѣмъ ближе она къ совершенству. Слѣдовательно, совершеннѣйшая изъ всѣхъ наукъ будетъ та,

которая приведетъ всѣ случаи или всѣ частныя познанія человѣка къ одному началу. Такая наука будетъ не математика, ибо математика ограничила себя одними измѣреніями; она будетъ не физика, которая занимается только законами тѣлъ; словомъ, она не можетъ быть такою наукою, которая имѣетъ въ виду одинъ отдѣльный предметъ; напротивъ того, всѣ науки (какъ частныя познанія) будутъ сведены ею къ одному началу, слѣдовательно будутъ въ ней заключаться, и она, по справедливости, назовется наукою наукъ. Но мы выше замѣтили, что всякая наука должна имѣть содержаніе и форму; посмотримъ, удовлетворяетъ-ли симъ условіямъ наука, которую мы теперь нашли и которую, по примѣру многихъ столѣтій, назовемъ философіею.

Если философія должна свести всѣ науки къ одному началу, то предметомъ философіи должно быть нѣчто, общее всѣмъ наукамъ. Мы доказали выше, что всѣ науки имѣютъ одну общую форму, т. е. приведеніе явленій въ познаніе; слѣдовательно, философія будетъ наукою формы всѣхъ наукъ или наукою познанія вообще. И такъ содержаніе ея будетъ познаніе, не устремленное на какой нибудь особенный предметъ; но познаніе, какъ простое дѣйствіе ума, свойственное всѣмъ наукамъ, какъ простая познавательная способность. Формою же философіи будетъ тоже самое стремленіе къ общей теоріи, къ познанію, которое составляетъ форму всякой науки. Заключимъ: философія есть наука; ибо она есть познаніе самаго познанія, и потому имѣетъ форму и предметъ.

Впослѣдствіи мы увидимъ, какъ всѣ науки сводятся на философію и изъ нея обратно выводятся: но для примѣра припомнимъ опять то, что вы сами чувствовали. Вы видѣли Мадонну — и она привела васъ въ восторгъ; вы спросили:

отчего эта мадонна прекрасна? и на это отвѣчала вамъ наука прекраснаго или эстетика; но вы спросили: отчего чувствую я красоты сей мадонны? Какая связь между ею и мною? — и не могли найти отвѣта. Онъ принадлежитъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, къ философіи; ибо тутъ дѣло идетъ не о законахъ прекраснаго, но о началѣ всѣхъ законовъ, объ умѣ познающемъ, принимающемъ впечатлѣнія.

Я не скрою отъ васъ, что философія претерпѣла удивительныя перемѣны и долго была источникомъ самыхъ несообразныхъ противорѣчій. Какая наука не подлежала той же участи? Замѣчательно однакожъ, что она всегда почиталась наукою важнѣйшею, наукою наукъ, и не смотря на то, что обыкновенно была достояніемъ небольшаго числа избранныхъ, всегда имѣла рѣшительное вліяніе на цѣлые народы. Впослѣдствіи мы замѣтимъ это вліяніе, особенно у у греков. Мы увидимъ, какъ философія развилась въ ихъ самой жизни и стремилась свободно къ своей цѣли. Ученые спорили между собою, противорѣчили другъ другу, опровергали системы и на развалинахъ ихъ воздвигали новыя; и при всемъ томъ наука шла постояннымъ ходомъ, не измѣняя общаго своего направленія. — Божественному Платону предназначено было представить въ древнемъ мірѣ самое полное развитіе философіи, и положить твердое основаніе, на которомъ въ сіи послѣднія времена воздвигнули непоколебимый, великолѣпный храмъ Богини. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, я буду совѣтовать вамъ читать Платона. Въ немъ найдете вы столько же поэзіи, сколько глубокомыслія, столько же пищи для чувства, сколько для мысли.

Мы не будемъ разбирать различныхъ опредѣленій философіи, изложенныхъ въ отдѣльныхъ системахъ. Иные назы-

вали ее наукою человѣка, другіе наукою природы и т. д. Мы доказали себѣ, что она наука познанія, и этого для насъ довольно; и съ этой точки будемъ мы смотрѣть на нее въ будущихъ нашихъ бесѣдахъ.

РАЗБОРЪ РАЗСУЖДЕНІЯ Г. МЕРЗЛЯКОВА О НАЧАЛѢ И ДУХѢ ДРЕВНЕЙ ТРАГЕДІИ И ПРОЧ.,

НАПЕЧАТАННАГО ПРИ ИЗДАНІИ ЕГО ПОДРАЖАНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ ИЗЪ ГРЕЧЕСКИХЪ И ЛАТИНСКИХЪ СТИХОТВОРЦЕВЪ.

Amicus Plato, magis amica veritas.

Прискорбно для любителя отечественной словесности возставать на мнѣнія вѣрнаго ея жреца въ то самое время, когда онъ приноситъ ей въ даръ новый плодъ своихъ трудовъ, и въ живыхъ переводахъ передавая намъ духъ и красоты древней поэзіи, воздвигаетъ памятникъ изящному вкусу и чистому русскому языку; но чѣмъ отличнѣе заслуги г. Мерзлякова на поприщѣ словесности, тѣмъ опаснѣе его ошибки по обширности ихъ вліянія, — и любовь къ истинѣ принуждаетъ нарушить молчаніе, повелѣваемое уваженіемъ къ достойному литератору.

Разсужденіе г. Мерзлякова „о началѣ и духѣ древней трагедіи“ оправдываетъ истину, давно извѣстную, что тотъ, кто чувствуетъ, не всегда можетъ отдать себѣ и другимъ вѣрный отчетъ въ своихъ чувствахъ. Красоты поэзіи близки сердцу человѣческому, и слѣдственно, легко ему понятны; но чтобы произнесть общее сужденіе о поэзіи, чтобы опредѣлить достоинства поэта, надобно основать свой приговоръ на мысли опредѣленной, и эта мысль не господствуетъ въ теоріи г. Мерзлякова, въ которой главная ошибка есть, можетъ быть,

недостатокъ теоріи: ибо нельзя назвать симъ именемъ искры чувствъ, разбросанныя понятія о поэзіи, часто облеченныя прелестью живописнаго слова, но не связанныя между собою, не озаренныя общимъ взглядомъ и перебитыя явными противорѣчіями. Кто изъ сего не замѣтитъ, что рецензенту предстоитъ двойной трудъ? Говоря о такомъ разсужденіи, въ которомъ нѣтъ систематическаго порядка, онъ находится въ необходимости—не только опровергать ошибочныя мнѣнія, но и упоминать часто о томъ, что должно бы заключаться въ сочиненіи объ отрасли изящныхъ искусствъ. Къ несчастію, мы встрѣтимъ довольно доказательствъ къ подтвержденію всего вышесказаннаго. Приступимъ къ дѣлу. Г. Мерзляковъ останавливаетъ насъ на первомъ шагу. Вотъ слова его:

„Трагедія и комедія, такъ какъ и всѣ изящныя искусства, обязаны своимъ началомъ болѣе случаю и обстоятельствамъ, нежели изобрѣтенію человѣческому.“ Нужно ли доказывать неоснoвательность сего софизма, когда самъ авторъ опровергаетъ его на слѣдующей страницѣ? „Вѣроятно, говоритъ онъ, что трагедія не принадлежитъ однимъ грекамъ, одному какому-либо народу; но всѣмъ народамъ и всѣмъ вѣкамъ.“ Оно болѣе, нежели вѣроятно; оно неоспоримо, если мы здѣсь подъ словомъ трагедія понимаемъ драматическую поэзію; но вѣроятно-ли, чтобы эти два періода были писаны однимъ перомъ, въ разстояніи одной страницы. То, что принадлежитъ „всѣмъ народамъ, всѣмъ вѣкамъ,“ не принадлежитъ ли, однимъ словомъ, человѣку, его природѣ, и можетъ-ли быть обязано своимъ началамъ „случаю?“ „Обстоятельства ли“ породили въ человѣкѣ мысль и чувства? И что значитъ здѣсь „человѣческое изобрѣтеніе?“ Кто изобрѣлъ языкъ? Кто, первый, открылъ движенія тѣла, выражающія состоянія сердца и духа?

Но г. Мерзляковъ, не подтверждая перваго своего предложенія, тотчасъ бросаетъ эту мысль, ни съ чѣмъ не связанную, какъ неудачно избранный эпиграфъ, и продолжаетъ: „Мудрая учительница наша природа явила себя намъ во всемъ своемъ великолѣпіи, красотѣ и благахъ неизчетныхъ, возбудила подражательность и передала милое чадо свое на воспитаніе нашему размышленію, наблюденіямъ и опыту и пр.“ Положимъ, что такъ; но читатель едва ли постигаетъ сокрытое отношеніе сей мысли къ трагедіи и комедіи. Поэтъ, безъ сомнѣнія, заимствуетъ изъ природы форму искусства; ибо нѣтъ формы внѣ природы; но и „подражательность“ не могла породить искусствъ, которыя проистекаютъ отъ избытка чувствъ и мыслей въ человѣкѣ, и отъ нравственной его дѣятельности. Тайна сей загадки не разрѣшается, и немедленно послѣ сего слѣдуетъ исторія козла, убитаго Икаромъ. и греческихъ праздниковъ въ честь Вакха. Въ семъ разсказѣ не заключается ничего особеннаго. Онъ находится во всѣхъ теоріяхъ, которыя, не объясняя постепенности существеннаго развитія искусствъ, облекаютъ въ забавныя сказочки исторію ихъ происхожденія. И такъ, мы не будемъ слѣдовать за г. Мерзляковымъ, когда онъ самъ не слѣдуетъ своей собственной нити въ разысканіяхъ и воспоминаетъ давно извѣстное и пересказанное. Замѣтимъ только, что, при нынѣшнихъ успѣхахъ эстетики, мы ожидали въ исторіи трагедіи болѣе занимательности. Для чего не показать намъ ея развитія изъ соединенія лирической поэзіи и эпопеи? Для чего не намекнуть на общую колыбель сихъ родовъ поэзіи? Изъ подобныхъ замѣчаній внимательный читатель заключилъ бы, что они неотъемлемо принадлежатъ человѣку, какъ необходимыя формы, въ которыя выливаются его чувства. Мы бы объяснили себѣ, отъ

чего находимъ слѣды ихъ у всѣхъ народовъ; увидѣли бы, что не стремленіе къ подражанію правитъ умомъ человѣка, что онъ не есть въ природѣ существо, единственно страдательное. Но здѣсь не кстати распространяться о понятіяхъ такого рода, и воздвигать новую систему на мѣсто мною разбираемой теоріи; тѣмъ болѣе, что г. Мерзляковъ, кажется, отвергаетъ всѣ новѣйшія открытія и, вѣроятно, не уважитъ доказательствъ, на нихъ основанныхъ. Онъ говоритъ рѣшительно, что: „соблазняемые, къ несчастію, затѣйливымъ воображеніемъ нашихъ романтиковъ, мы теперь увлекаемся быстрымъ потокомъ весьма сомнительныхъ временныхъ мнѣній“ и видитъ тутъ: „судьбу изящныхъ искусствъ, склоняющихся уже къ униженію.“ Я осмѣлюсь вступиться за честь нашего вѣка. Новѣйшія произведенія, безъ сомнѣнія, не могутъ сравниться съ древними, въ разсужденіи полноты и подробнаго совершенства. Въ нихъ еще не опредѣлены отношенія частей къ цѣлому. Я съ этимъ согласенъ. Но законы частей не опредѣлятся-ли сами собою, когда цѣлое направлено къ извѣстной цѣли? Нашу поэзію можно сравнить съ сильнымъ голосомъ, который съ высоты взывая къ небу, пробуждаетъ со всѣхъ сторонъ отголоски и усиливается въ своемъ порывѣ *). Поэзія древнихъ плѣняетъ насъ, какъ гармоническое соедине-

*) Замѣтимъ, что мы здѣсь говоримъ о тѣхъ только произведеніяхъ, которыя опредѣляютъ общее направленіе мыслей въ нашемъ вѣкѣ. Extrema coëunt. Весь міръ составленъ изъ противуположностей, и нашъ литературный міръ ими богатъ. Но для чего судить по каррикатурамъ? Бездушныя поэмы, въ которыхъ нѣтъ ни начала, ни конца, безхарактерные романы и повѣсти, бранчивыя критики, писанныя единственно во зло врожденнымъ законамъ логики и условнымъ правиламъ приличія, еще менѣе принадлежатъ къ числу романтическихъ сочиненій, нежели поэмы Шапелена къ поэзіи классической. Прим. В—ва.

ніе многихъ голосовъ. Она превосходитъ новѣйшую въ совершенствѣ соразмѣрностей; но уступаетъ ей въ силѣ стремленія и въ обширности объема. Поэзія Гете, Байрона есть плодъ глубокой мысли, раздробившейся на всѣ возможныя чувства. Поэзія Гомера есть вѣрная картина разнообразныхъ чувствъ, сливающихся, какъ бы невольно, въ мысль полную. Первая, какъ бы потокъ, рвется къ безконечному; вторая, какъ ясное озеро, отражаетъ небо, эмблему безконечнаго. Каждый вѣкъ имѣетъ свой отличительный характеръ, выражающійся во всѣхъ умственныхъ произведеніяхъ: на всѣ равно распространяется наблюденіе истиннаго филолога, и замѣтимъ, что науки и искусства еще не близки къ своему паденію, когда умы находятся въ сильномъ броженіи, стремятся къ цѣли опредѣленной, и дѣйствуютъ по врожденному побужденію къ дѣйствію. Гдѣ видны усилія, тамъ жизнь и надежда. Но тогда имъ угрожаетъ неминуемая опасность, когда всѣ порывы прекращаются; настоящее тянется раболѣпно по слѣдамъ минувшаго, когда холодное безстрастіе возсѣдаетъ на памятникахъ сильныхъ чувствъ и самостоятельности, и цѣлый вѣкъ представляетъ зрѣлище безнадежнаго однообразія. Вотъ что намъ доказываетъ исторія философіи, исторія литературы. — Но возвратимся къ г. Мерзлякову.

Онъ переноситъ насъ въ первыя времена Греціи и живописуетъ намъ начальные успѣхи гражданственной ея образованности. Въ этой части разсужденія, какъ и во многихъ другихъ, видно клеймо истиннаго таланта. Ясное воображеніе автора не рѣдко увлекаетъ читателя; жаль, что мысли его не выходятъ изъ сферы, очерченной, кажется, предубѣжденіемъ. Въ литературѣ право давности не должно бы существовать, а г. Мерзляковъ жертвуетъ ему часто собственнымъ сужде-

ніемъ; потому и порывы чувствъ его бываютъ подобны блуждающимъ огнямъ, которые принимаютъ путника, но сбиваютъ его съ дороги. Кто ожидалъ бы, чтобъ въ нашемъ вѣкѣ взирали на поэзію, какъ на „орудіе политики;“ чтобъ мы были обязаны трагедіей „мудрымъ правителямъ первобытныхъ обществъ?“ Какъ?—поэзія, „получившая свое существованіе отъ случая,“ должна, сверхъ того, влачить оковы рабства отъ самой колыбели? Безполезно опровергать эту мысль.—Тотъ, кто питаетъ въ сердцѣ страсть къ искусствамъ, страсть къ просвѣщенію, самъ ее отброситъ. Въ первобытномъ состояніи Греціи, безъ сомнѣнія, политика умѣла извлекать пользу изъ произведеній великихъ поэтовъ. Мы видимъ, что Солонъ, Пизистратъ и Пизистратиды распространяли рапсодіи Гомера и дѣйствовали тѣмъ на духъ цѣлаго народа; но оно не доказываетъ ли, что политика, имѣвшая одну только цѣль въ виду: любовь къ отечеству, свободѣ и славѣ, не уклонялась отъ духа вѣка, который былъ вечернею зарею героической эпохи, воспѣтой Гомеромъ? Можно ли изъ сего заключить, что поэзія была орудіемъ правителей? Нѣтъ! она была принаровлена къ современнымъ нравамъ и узаконеніямъ — безъ сомнѣнія; но потому только, что и сама философія, во время рожденія трагедіи въ Греціи, была болѣе нравоучительною, нежели умозрительною. Понятія о двухъ началахъ, перешедшія въ Грецію, вѣроятно изъ Египта, гдѣ они были господствующими, начинали уже искореняться; аллегоріи Гомера, въ которыхъ заключалась вся философія ихъ времени, теряли уже высокія свои значенія, когда явился Эсхилъ, облекъ въ форму своихъ трагедій народныя преданія и воскресилъ на сценѣ забытыя мысли древней философіи. Многіе укоряли его въ томъ, что онъ обнаруживалъ въ своихъ твореніяхъ

сокровенныя истины элевзинскихъ таинствъ, въ которыхъ хранился ключъ къ загадкамъ древней миѳологіи. Этотъ укоръ не доказываетъ ли, что сей писатель стремился соединить поэзію съ любомудріемъ? Ав. Шлегель, съ большею основательностію, предполагаетъ, что аллегорическое его произведеніе, Прометей, принадлежитъ къ трилогу, коего двѣ части для насъ потеряны. Эта форма, заключающая въ себѣ развитіе полной философической мысли, кажется принадлежностію трагедій Эсхила, который въ Агамемнонѣ, Коефорахъ и Умоляющихъ, оставилъ намъ примѣръ полнаго трилога. Теперь мы легко объяснимъ себѣ, отчего Гомеръ былъ обильнымъ источникомъ для греческихъ поэтовъ. И подлинно: гдѣ имъ было черпать, какъ не въ твореніяхъ такого генія, который былъ зеркаломъ минувшаго, являлся имъ въ атмосферѣ высокихъ, ясныхъ понятій, дышалъ свободнымъ чувствомъ красоты, въ пѣсняхъ своихъ открывалъ передъ ними великолѣпный міръ со всѣми его отношеніями къ мысли человѣка. Послѣ сихъ замѣчаній, естественно представляется вопросъ: былъ-ли Гомеръ философомъ? Стремился-ли онъ сосредоточить и развить разсѣянныя понятія религіи? Вопросъ тѣмъ болѣе любопытный, что, не разрѣшивъ его, нельзя опредѣлить достоинства поэтовъ, послѣдователей Гомера, нельзя даже судить объ успѣхахъ самаго искусства.

Этого вопроса не сдѣлалъ себѣ г. Мерзляковъ; отъ-того, можетъ быть, и ошибается онъ въ своемъ мнѣніи о началѣ трагедіи и вообще о достоинствѣ поэзіи. Вся философія Гомера заключается, кажется, въ ясной простотѣ его разсказовъ и въ совершенной искренности его чувствъ. Въ немъ, какъ въ безоблачномъ возрастѣ младенчества, нѣтъ усилій ума, нѣтъ опредѣленнаго стремленія; но вездѣ видно вѣрное

созерцаніе окружающаго міра, вездѣ слабыя, но пророческія предчувствія высокихъ истинъ. Вотъ характеръ Гомеровыхъ поэмъ; онѣ духомъ близки къ счастливому времени, въ которомъ мысли и чувства соединялись въ одной очаровательной области, заключающей въ себѣ вселенную; къ тому времени, въ которомъ философія и всѣ искусства, тѣсно связанныя между собою, изъ общаго источника разливали дары свои на смертныхъ, и волшебная сила гармоніи, воздвигая стѣны и образуя общества, въ мѣрныхъ тонахъ, преподавала человѣчеству простые, но безсмертные законы.

Слабость доводовъ г. Мерзлякова обнаруживается еще болѣе, когда онъ принаравливаетъ свою теорію къ характеру трехъ трагиковъ. Тутъ тщетно играетъ его воображеніе; онъ теряется въ лабиринтѣ мелочныхъ мыслей, и часто противорѣчитъ даже доказательствамъ исторіи и неоспоримой очевидности. Предложимъ хотя одинъ примѣръ. Г. Мерзляковъ, говоря объ Эврипидѣ, объясняется слѣдующими словами: „иногда на сценѣ его являлись государи, униженные судьбою до послѣдней крайности, покрытые рубищами и просящіе подаянія на стогнахъ града. Сіи картины, чуждыя Эсхилу и Софоклу, сначала вскружили умы“. Но это положеніе совершенно принадлежитъ Эдипу Колонейскому и, слѣдственно, не могло быть чуждымъ Софоклу и составить отличительную черту въ характерѣ Эврипида. Г. Мерзляковъ говоритъ далѣе, что онъ имѣлъ много почитателей, какъ философъ. Мнѣ кажется, что тутъ смѣшана схоластика съ философіею. Онѣ имѣли совсѣмъ различный ходъ и разное вліяніе. Конечно, схоластика всегда влачилась по стопамъ философіи, но никогда не досягала возвышенныхъ ея понятій и терялась обыкновенно въ случайныхъ примѣненіяхъ, распложаясь въ сентенціяхъ и притчахъ. Уди-

вительно ли, что многія частныя секты были защитниками Эврипидовыхъ трагедій, когда онѣ всѣ носятъ печать школы; но въ глазахъ литератора-философа это не достоинство. Творенія Эврипида не отражаютъ души его; въ нихъ нѣтъ этого совершеннаго согласія между идеаломъ и формою, которое такъ плѣняетъ воображеніе въ Эдипѣ Колонейскомъ и вообще въ трагедіяхъ Софокла. Въ самыхъ цламенныхъ изліяніяхъ его чувствъ невольно подозрѣваешь его искренность.

Не буду далѣе распространяться, чтобы не утомить читателей излишними подробностями. Отдавая имъ на судъ мои замѣчанія на главныя предложенія г. Мерзлякова, предоставляю имъ рѣшить: справедливы ли онѣ, или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, любопытные могутъ примѣнить тѣ мнѣнія, которыя имъ покажутся болѣе опредѣленными, къ характеру каждаго изъ трагиковъ, и такимъ образомъ оцѣнить статью г. Мерзлякова во всѣхъ ея частяхъ. Многіе замѣтятъ, можетъ быть, что я часто не высказывалъ своихъ мыслей и въ самыхъ любопытныхъ вопросахъ налагалъ на нихъ оковы. Я это дѣлалъ потому, что понятія, мною кое-гдѣ изложенныя, требуютъ подробнаго развитія и постоянной нити въ разсужденіи, чего не позволяетъ форма критической статьи, въ которой рецензентъ дѣлается во многихъ отношеніяхъ рабомъ разбираемаго имъ сочиненія.

Въ дополненіе къ рецензіи моей на разсужденіе г. Мерзлякова, скажу, что еслибъ оно появилось за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, то безспорно бы имѣло успѣшное вліяніе; но теперь уже можно требовать отъ литератора болѣе самостоятельности. Слѣды французскихъ сужденій исчезаютъ въ нашихъ теоріяхъ, и Россія можетъ назвать нѣсколько сочиненій въ семъ родѣ, по всему праву ей принадлежащихъ. Между

ними заслуживаетъ особеннаго вниманія Амалтея г. Кроненберга, харьковскаго профессора. Въ сей книгѣ не должно искать теоретической полноты и порядка; но въ ней заключаются ясныя понятія о поэзіи, и она доказываетъ, что авторъ искренно посвятилъ себя изящнымъ наукамъ и слѣдуетъ за ихъ успѣхами.

Скажемъ нѣсколько словъ о переводахъ г. Мерзлякова. Они представляютъ обильную жатву для того, кто бы захотѣлъ разсмотрѣть подробно ихъ красоты. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ прочли послѣднюю рѣчь Алцесты, разговоръ Ифигеніи съ Орестомъ, пророчество Кассандры и превосходный отрывокъ изъ Одиссеи. Вездѣ видны духъ пламенный и языкъ выразительный. Хоры г. Мерзлякова исполнены лирическаго огня. Но вообще въ слогѣ его можно бы желать болѣе гибкости и легкости, въ стихахъ болѣе отдѣлки; напримѣръ, Тезей говоритъ Антигонѣ и Исменѣ:

> Утѣшьтесь нѣжны дщери,
> Страдальцу наконецъ въ покой отверсты двери.

Здѣсь слово: п о к о й представляетъ явное двусмысліе. Еще можно замѣтить, что г. Мерзляковъ, вопреки тирану—употребленію, часто въ стихахъ своихъ вызываетъ изъ пыльной старины выраженія, обреченныя, кажется, забвенію; конечно чрезъ такое приращеніе языкъ его не бѣднѣетъ, не теряетъ своей силы; но онъ не имѣетъ, совершенной плавности, необходимой въ нашемъ вѣкѣ, какъ счастливѣйшей приманки для читателей. Этого нельзя сказать о его прозѣ, которая всегда останется увлекательною.

Я кончаю такъ, какъ началъ, увѣряя читателей, что одна любовь къ наукѣ заставила меня возстать противъ мнѣ-

ній г. Мерзлякова. Я увѣренъ, что если критика моя дойдетъ до него, онъ самъ оправдаетъ въ ней по крайней мѣрѣ намѣреніе, съ которымъ я вооружился противъ собственнаго удовольствія, невольно ощущаемаго при чтеніи такого разсужденія, гдѣ кисть искусная умѣла соединить силу выраженія со всею прелестію разнообразія.

Amicus Plato, sed magis amica veritas.

ANALYSE D'UNE SCÈNE DÉTACHÉE DE LA TRAGÉDIE DE MR. POUCHKIN,

insérée dans un Journal de Moscou (Московскій Вѣстникъ) *.

De nouveaux éloges ne pourraient rien ajouter à la réputation de Mr. Pouchkin. Depuis longtems ses productions, qui décélent toutes un talent aussi varié que fécond, font le charme du public russe. Mais quelque brillans qu'aient été jusqu'à ce jour ses droits à la gloire, les vrais amis de la littérature nationale le voyaient à regrêt suivre dans tous ses ouvrages une impulsion étrangère et sacrifier la vocation de poëte original à son admiration pour le Barde Anglais, qui s'offrait à ses yeux comme le génie poétique de

* «Разборъ отрывка изъ трагедіи г. Пушкина, напечатаннаго въ Московскомъ Вѣстникѣ.»

«Новыя похвалы ничего не могутъ прибавить къ извѣстности г. Пушкина. Его твореніями, которыя, всѣ, обнаруживаютъ талантъ разнообразный и плодовитый, давно восхищается русская публика. Но хотя и блистательны успѣхи этого поэта, хотя и неоспоримы его права на славу, — все же истинные друзья русской литературы, съ сожалѣніемъ, замѣчали, что онъ, во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, до сихъ поръ, слѣдовалъ постороннему вліянію, жертвуя своею оригинальностью — удивленію къ англійскому барду, въ которомъ видѣлъ поэтическій геній нашего времени. Такой упрекъ, столь лестный для г. Пушкина, несправедливъ однако въ одномъ отношеніи. При развитіи поэта (какъ вообще при всякомъ прав-

notre siécle. Ce reproche, si flatteur pour Mr. Pouchkin, est cependant injuste sous un rapport. Il en est de l'éducation du poëte comme de tout développement moral: il faut que l'influence d'une force déja mûre lui donne d'abord la conscience de toutes les impulsion dont il est susceptible, pour mettre en mouvement tous les ressorts de son âme et réveiller ainsi sa propre énergie. Une première impulsion ne détermine pas toujours la tendance du génie; mais c'est à elle qu'il doit son élan, et sous ce rapport Byron a été pour Pouchkin ce que les circonstances d'une vie orageuse ont été pour Byron lui-même. Aujourd'hui l'éducation poétique de Mr. Pouchkin semble être entièrement terminée: l'indépendance de son talent est un sûr garant de sa maturité, et sa Muse, qui ne s'était montrée à nous que sous les

---

ственномъ развитіи) необходимо, чтобы воздѣйствіе уже зрѣлой силы обнаружило предъ нимъ самимъ: какимъ возбужденіямъ онъ доступенъ. Такимъ образомъ, приведутся въ дѣйствіе всѣ пружины его души и подстрекнется его собственная энергія. Первый толчекъ не всегда рѣшаетъ направленіе духа, но онъ сообщаетъ ему полетъ и, въ этомъ отношеніи, Байронъ былъ для Пушкина тѣмъ же, чѣмъ были для самаго Байрона приключенія его бурной жизни. Нынѣ поэтическое воспитаніе г. Пушкина, повидимому, совершенно окончено. Независимость его таланта—вѣрная порука его зрѣлости, и его муза, являвшаяся доселѣ лишь въ очаровательномъ образѣ Грацій, принимаетъ двойной характеръ Мельпомены и Кліо. Давно уже ходили слухи о его послѣднемъ произведеніи: «Борисъ Годуновъ,» и вотъ новый журналъ (Московскій Вѣстникъ) предлагаетъ намъ одну сцену изъ этой исторической драмы, извѣстной въ цѣломъ лишь нѣсколькимъ друзьямъ поэта. Эпоха, изъ которой почерпнуто ея дѣйствіе, уже была, съ изумительнымъ талантомъ, изображена знаменитымъ историкомъ, котораго потерю долго будетъ оплакивать Россія, и мы не можемъ отказаться отъ убѣжденія, что трудъ Карамзина былъ для г. Пушкина богатымъ источникомъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ. Кто изъ друзей литературы не заинтересуется тѣмъ, какъ эти два генія, точно изъ соревнованія, рисуютъ намъ одну и ту же картину, но въ различныхъ рамкахъ и каждый съ своей точки зрѣнія. Все, что мы могли узнать о трагедіи г. Пушкина, заставляетъ насъ думать

traits enchanteurs des Graces, vient de prendre le double caractère de Melpomène et de Clio. Depuis longtemps, nous avons entendu parler de sa dernière production: Boris Godounoff, et un nouveau journal (Московскій Вѣстникъ) vient de nous offrir une scène de ce Drame historique, qui n'est connu en entier que de quelques amis du Poëte. L'époque, à laquelle il se rattache, nous a déjà été présentée avec un talent admirable par le célèbre historien, dont la Russie regrettera longtemps la perte, nous ne pouvons nous empêcher de croire que l'ouvrage de Mr. Karamzine ait été pour Mr. Pouchkin une source bien riche des détails les plus précieux. Quel est l'ami de la littérature qui verra sans intérêt ces deux génies, pour ainsi dire aux prises, développer le même tableau, chacun selon son point de vue et dans un

---

что если — съ одной стороны — историкъ, смѣлостью колорита, возвысился до эпопеи, — то поэтъ, въ свою очередь, внесъ въ свое твореніе величавую строгость исторіи. Говорятъ, что трагедія обнимаетъ все царствованіе Годунова, кончается лишь со смертью его сыновей и развертываетъ всю ткань событій, которыя привели къ одной изъ самыхъ необычайныхъ катастрофъ, когда либо случавшихся въ Россіи. При исполненіи такой обширной программы, г. Пушкинъ былъ, разумѣется, вынужденъ обходить законы трехъ единствъ. Во всякомъ случаѣ, отрывокъ, который у насъ передъ глазами, достаточно удостовѣряетъ, что ежели поэтъ и пренебрегъ нѣкоторыми произвольными требованіями касательно формы, то былъ тѣмъ болѣе вѣренъ непреложнымъ и существеннымъ законамъ поэзіи и не отступалъ отъ правдоподобія, которое является результатомъ той добросовѣстной смѣлости, съ какою поэтъ воспроизводитъ свои вдохновенія. Эта сцена, съ своей поразительной простотой и энергіей, можетъ быть смѣло поставлена наряду со всѣмъ, что есть лучшаго у Шекспира и Гёте. Личность поэта не выступаетъ ни на одну минуту: все дѣлается такъ, какъ требуютъ духъ вѣка и характеры дѣйствующихъ лицъ. Названная сцена слѣдуетъ непосредственно за избраніемъ Годунова и представитъ контрастъ, по истинѣ драматическій, съ предъидущими сценами, въ которыхъ поэтъ воспроизведетъ намъ тѣ шумныя движенія, которыя должны были сопровождать въ столицѣ столь важное для государства событіе. Читатель переносится

cadre différent. Tout ce que nous avons pu apprendre sur la tragédie de Mr. Pouchkin nous autorise à croire, que si d'un cotè l'historien s'est élevé, par la hardiesse de son coloris, à la hauteur de l'épopée, le poëte à son tour a transporté dans sa production l'imposante sévérité de l'histoire. On dit que sa tragédie embrasse toute l'époque du régne de Godounoff, ne se termine qu'à la mort de ses enfans et déroule toute la chaine des évènemens, qui ont amené l'une des catastrophes les plus extraordinaires, dont la Russie ait jamais été le théatre. Un cadre aussi vaste aura certainement obligé Mr. Pouchkin de se soustraire à cette régularité qu'imposent les lois dérivées du principe des trois unités. Toutefois la scéne, que nous avons sous les yeux, nous prouve suffisament, que s'il a négligé dans ses formes quel-

---

въ келью одного изъ тѣхъ монаховъ, которымъ мы одолжены нашими лѣтописями. Рѣчь старика дышетъ тѣмъ величавымъ спокойствіемъ, которое неразлучно съ самымъ представленіемъ объ этихъ людяхъ, удалившихся отъ міра, чуждыхъ страстямъ, живущихъ въ прошедшемъ, — чтобы оно, черезъ нихъ, говорило будущему. Старикъ бодрствуетъ при свѣтѣ лампады и невольное раздумье, при воспоминаніи объ ужасномъ злодѣйствѣ, останавливаетъ его въ минуту, когда онъ доканчиваетъ свою лѣтопись. Онъ, однако, обязанъ довести до потомства сказаніе о злодѣйствѣ и снова берется за перо. Вдругъ просыпается Григорій, — послушникъ, находящійся у него подъ руководствомъ. Григорія преслѣдуетъ сонъ, который, въ глазахъ суевѣрія, показался бы предвѣщаніемъ бурной будущности и въ которомъ разумъ видитъ лишь неопредѣленное проявленіе честолюбія, которому еще нѣтъ простора. Діалогъ раскрываетъ, съ первыхъ словъ, противоположность между двумя характерами, такъ смѣло и глубоко задуманными. Вы слышите разсказъ объ убіеніи отрока Димитрія и уже угадываете необыкновеннаго человѣка, который скоро потрясетъ всю Россію, воспользовавшись именемъ несчастнаго царевича. Жажда смѣлыхъ предпріятій, порывистыя страсти, которыя со временемъ развернутся въ душѣ Григорія Отрепьева, — все это, съ поразительной правдой, рисуется въ словахъ его, обращенныхъ къ лѣтописцу. (слѣдуетъ выписка)

Какъ хорошъ контрастъ этой пылкой души съ величавымъ спокойствіемъ

ques règles arbitraires, il n'en a été que plus fidèle aux lois immuables. et fondamentales de la poésie et à ce caractère de vraissemblance, qui doit être le résultat de la consciencieuse franchise avec laquelle le poëte reproduit ses inspirations. Cette scène frappante de simplicité et d'énergie, peut être placée sans crainte au rang de tout ce que le théâtre de Shakespeare et de Goethé nous offre de plus parfait. L'individualité du poëte ne s'y montre pas un moment: tout appartient à l'esprit du tems et au caractère des personnages. Elle vient immédiatement après l'élection de Boris au trône et doit offrir un contraste vraiment théatral avec les scénes précédentes où le poëte aura reproduit le grand mouvement, qui doit accompagner dans la capitale un évènement aussi important pour le pays entier. Le lecteur est

---

старца, безстрастнаго наблюдателя добродѣтелей и преступленій своихъ согражданъ, — старца, внушительный взглядъ котораго производитъ такое живое впечатлѣніе на молодаго собесѣдника! (слѣдуетъ вторая выписка)

Стихи, приведенные нами, совсѣмъ не лучше остальныхъ въ этомъ дивномъ драматическомъ отрывкѣ, гдѣ красота частностей теряется, такъ сказать, въ красотѣ цѣлаго; гдѣ античная простота является рядомъ съ гармоніей и вѣрностью выраженія — отличительными качествами стиховъ г. Пушкина. Нѣкоторые читатели, быть можетъ, напрасно станутъ искать въ этомъ отрывкѣ той свѣжести стиля, которая видна въ другихъ произведеніяхъ того же автора. Но изящество, въ современномъ вкусѣ, служащее къ украшенію поэмъ не столь возвышеннаго рода, только обезобразило бы драму, гдѣ поэтъ ускользаетъ отъ нашего вниманія, чтобы тѣмъ полнѣе направить его на изображаемыя лица. Здѣсь видимъ мы торжество искусства и полагаемъ, что этого торжества г. Пушкинъ достигъ вполнѣ. Къ тѣмъ похваламъ, которыя намъ внушены вполнѣ законнымъ удивленіемъ, прибавимъ еще желаніе, — чтобы вся трагедія г. Пушкина соотвѣтствовала отрывку, съ которымъ мы познакомились. Тогда не только русская литература сдѣлаетъ безсмертное пріобрѣтеніе, но лѣтописи трагической музы обогатятся образцовымъ произведеніемъ, которое станетъ наряду со всѣмъ, что только есть прекраснѣйшаго, въ этомъ родѣ, на языкахъ древнихъ и новыхъ.»

transporté dans la cellule de l'un de ces moines, auxquels nous devons nos annales. Le calme imposant qu'on·ne saurait séparer de l'idée de ces hommes, qui, éloignés du monde, étrangers à ses passions, vivaient dans le passé pour s'en constituer l'organe dans l'avenir, caractérise le discours du vieillard. Il veille à la lueur de sa lampe, et une méditation involontaire, un souvenir d'un crime atroce l'arrète au moment où il va terminer sa chronique. Il doit cependant ce récit à la postérité; il reprend sa plume. Dans ce même moment Grégoire, dont il guide les années de noviciat, s'éveille brusquement, poursuivi par un songe, qui serait aux yeux de la superstition le présage d'une destinée orageuse et à ceux de la raison l'expression vague d'une ambition encore comprimée. La dialogue, qui décèle dès les premières paroles l'opposition de ces deux caractères, conçus avec hardiesse et profondeur, amène le récit de l'assasinat du jeune Dmitri et fait deviner déja l'homme extraordinaire, qui se servira bientôt du nom de cet infortuné pour bouleverser la Russie. Le besoin d'entreprises hardies, les passions fougueuses, qui doivent se développer plus tard dans le coeur de Grégoire Otrépieff, nous sont présentées avec une vérité admirable dans le discours qu'il tient au vieil annaliste:

Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна.
Счастливъ!... А я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь бѣдный инокъ.—
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?

Qu'il est beau le contraste de cette âme ardente avec

le calme majestueux du vieillard, impassible témoin des vertus et des crimes de ses compatriotes, de ce vieillard dont l'air imposant produit une si vive impression sur son jeune interlocuteur!

> Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
> Нельзя прочесть его высокихъ думъ —
> Все тотъ же видъ смиренный, величавый.
> Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый.
> Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
> Добру и злу внимая равнодушно,
> Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва. —

Les vers que nous venons de rapporter ne sont pas supérieurs au reste de cet admirable fragment dramatique, où les beautés des details se perdent pour ainsi dire dans la beauté de l'ensemble. Un caractère de simplicité vraiment antique y régne à coté de l'harmonie et de la justesse d'expressions, qui distinguent particulièrement les vers de Mr. Pouchkin. Quelques lecteurs y chercheront peut être en vain cette fraicheur de style, répandue sur d'autres productions du même auteur; mais l'élégance moderne, qui ajoutait au mérite de poëmes d'un genre moins élevé, n'aurait pu que déparer un drame, où le poëte se dérobe à notre attention, pour la porter tout entière sur les personnages qu'il met en scène. C'est là, qu'est le triomphe de l'art, et nous pensons que Mr. Pouchkin l'a obtenu d'une manière incontestable. Ajoutons un voeu à tous ces éloges, que nous dicte une juste admiration, et souhaitons, que toute la tragédie réponde au fragment que nous avons eu sous les yeux! Dès lors la littérature russe aura non seulement fait une acquisition immortelle; mais elle aura enrichi les annales de la Muse tragique d'un chef-d'oeuvre, qui pourra être placé

à coté de ce que toutes les langues anciennes et modernes offrent de plus beau en ce genre.

РАЗБОРЪ СТАТЬИ О ЕВГЕНІѢ ОНѢГИНѢ,

помѣщенной въ 5-мъ № Московскаго Телеграфа на 1825 годъ *.

Если талантъ всегда находитъ въ себѣ самомъ мѣрило своихъ чувствованій, своихъ впечатлѣній, если удѣлъ его— попирать обыкновенные предразсудки толпы, односторонней въ сужденіяхъ, и чувствовать живѣе другаго творческую силу тѣхъ рѣдкихъ сыновъ природы, на коихъ геній положилъ свою печать, то какою бы мыслію пораженъ былъ Пушкинъ, прочитавъ въ Телеграфѣ статью о новой поэмѣ своей, гдѣ онъ представленъ не въ сравненіи съ самимъ собою, не въ отношеніи къ своей цѣли, но вѣрнымъ товарищемъ Байрона на поприщѣ всемірной словесности, стоя съ нимъ на одной точкѣ?

Московскій Телеграфъ имѣетъ такое число читателей и въ немъ встрѣчаются статьи столь любопытныя, что всякое несправедливое мнѣніе, въ немъ провозглашаемое, должно необходимо имѣть вліяніе на сужденіе, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ многихъ. Въ такомъ случаѣ, обязанность всякаго благонамѣреннаго человѣка — замѣтить погрѣшности издателя, и противиться, сколько возможно, потоку заблужденій. Я увѣренъ, что г. Полевой не оскорбится критикою, написанною съ такою цѣлію: онъ въ душѣ сознается, что, при разборѣ

---

* И Веневитиновъ и Полевой, его противникъ, вездѣ пишутъ: Бейронъ вмѣсто: Байронъ. Мы позволили себѣ нарушить здѣсь археологическую точность, печатая имя англійскаго поэта такъ, какъ его пишутъ и говорятъ теперь. А. П.

Онѣгина, перомъ его, можетъ быть, управляло отчасти и желаніе обогатить свой журналъ произведеніями Пушкина, (желаніе впрочемъ похвальное и раздѣляемое, безъ сомнѣнія, всѣми читателями Телеграфа).

И можно ли бороться съ духомъ времени? Онъ всегда остается непобѣдимымъ, торжествуя надъ всѣми усиліями, отягощая своими оковами мысли даже тѣхъ, которые, не задолго передъ симъ, клялись быть вѣрными поборниками безпристрастія!

Первая ошибка г. Полеваго состоитъ, мнѣ кажется, въ томъ, что онъ полагаетъ возвысить достоинство Пушкина, унижая до чрезмѣрности критиковъ нашей словесности. Это ошибка противъ разсчетливости самой обыкновенной, противъ политики общежитія, которая предписываетъ всегда предполагать въ другихъ сколько можно болѣе ума. Трудно ли бороться съ такими противниками, которыхъ заставляешь говорить безъ смысла? Признаюсь, торжество незавидное. Послушаемъ критиковъ, вымышленныхъ въ Телеграфѣ.

„Что такое Онѣгинъ?“ спрашиваютъ они: „что за поэма, въ которой есть главы, какъ въ книгѣ и проч.?“

Никто, кажется, не дѣлалъ и вѣроятно не сдѣлаетъ такого вопроса; и до сихъ поръ, кромѣ издателя Телеграфа, никакой литераторъ еще не догадался замѣтить различіе между поэмою и книгою.

Отвѣтъ стòитъ вопроса.

„Онѣгинъ,“ отвѣчаетъ защитникъ Пушкина: „романъ въ стихахъ, слѣдовательно, въ романѣ позволяется употребить раздѣленіе на главы и проч.“

Если г. Полевой позволяетъ себѣ такого рода заключеніе, то не въ правѣ ли я буду, такимъ же образомъ, заключить въ противность, и сказать:

„Онѣгинъ романъ въ стихахъ; слѣдовательно, въ стихахъ не позволительно употребить раздѣленіе на главы,“ но наши смѣлые силлогизмы ничего не доказываютъ ни въ пользу Онѣгина, ни противъ него, и лучше предоставить г. Пушкину оправдать самимъ сочиненіемъ употребленное имъ раздѣленіе.

Оставимъ мелочной разборъ каждаго періода. Въ статьѣ, въ которой авторъ не предположилъ себѣ одной цѣли, въ которой онъ разсуждалъ, не опираясь на одну основную мысль, какъ не встрѣчать погрѣшностей такого рода? Мы будемъ говорить о тѣхъ только ошибкахъ, которыя могутъ распространять ложныя понятія о Пушкинѣ и вообще о поэзіи.

Кто отказываетъ Пушкину въ истинномъ талантѣ? Кто не восхищался его стихами? Кто не сознается, что онъ подарилъ нашу словесность прелестными произведеніями? Но для чего же всегда сравнивать его съ Байрономъ, съ поэтомъ, который, духомъ, принадлежа не одной Англіи, а нашему времени, въ пламенной душѣ своей сосредоточилъ стремленіе цѣлаго вѣка, и, еслибъ могъ изгладиться въ исторіи частнаго рода поэзіи, то вѣчно остался бы въ лѣтописяхъ ума человѣческаго?

Всѣ произведенія Байрона носятъ отпечатокъ одной глубокой мысли, — мысли о человѣкѣ, въ отношеніи къ окружающей его природѣ, въ борьбѣ съ самимъ собою, съ предразсудками, врѣзавшимися въ его сердцѣ, въ противорѣчіи съ своими чувствами. Говорятъ: въ его поэмахъ мало дѣйствія. Правда — его цѣль не разсказъ; характеръ его героевъ не связь описаній; онъ описываетъ предметы не для предметовъ самихъ, не для того, чтобы представить рядъ

картинъ, но съ намѣреніемъ выразить впечатлѣнія ихъ на лицо, выставленное имъ на сцену.—Мысль истинно пiитическая, творческая.

Теперь г. издатель Телеграфа, повторю вамъ вопросъ: что такое Онѣгинъ? Онъ вамъ знакомъ, вы его любите. Такъ! но этотъ герой поэмы Пушкина, по собственнымъ словамъ вашимъ, „шалунъ съ умомъ, вѣтренникъ съ сердцемъ,“ и ничего болѣе. Я сужу также, какъ вы, т. е. по одной первой главѣ; мы, можетъ быть, оба ошибемся, и оправдаемъ осторожность опытнаго критика, который, опасаясь попасть въ „кривотолки,“ не захотѣлъ произнесть преждевременно своего сужденія.

Теперь, позвольте спросить: чтб вы называете „новыми пріобрѣтеніями Байроновъ и Пушкиныхъ?“ Байрономъ гордится новѣйшая поэзія, и я, въ нѣсколькихъ строчкахъ, уже старался замѣтить вамъ, что характеръ его произведеній истинно новый. Не будемъ оспаривать у него славы изобрѣтателя. Пѣвецъ Руслана и Людмилы, Кавказскаго плѣнника и проч. имѣетъ неоспоримыя права на благодарность своихъ соотечественниковъ, обогативъ русскую словесность красотами, доселѣ ей неизвѣстными,—но, признаюсь вамъ и самому нашему поэту, что я не вижу въ его твореніяхъ пріобрѣтеній, подобныхъ Байроновымъ, „дѣлающихъ честь вѣку“. Лира Альбіона познакомила насъ со звуками, для насъ совсѣмъ новыми. Конечно, въ вѣкъ Людовика XIV, никто бы не написалъ и поэмъ Пушкина; но это доказываетъ не то, что онъ подвинулъ вѣкъ, но то, что онъ отъ него не отсталъ. Многіе критики, говоритъ г. Полевой, увѣряютъ, что Кавказскій плѣнникъ, Бахчисарайскій фонтанъ, вообще взяты изъ Байрона. Мы не утверждаемъ такъ опредѣлительно, чтобъ нашъ

стихотворецъ заимствовалъ изъ Байрона планы поэмъ, характеры лицъ, описанія; но скажемъ только, что Байронъ оставляетъ въ его сердцѣ глубокія впечатлѣнія, которыя отражаются во всѣхъ его твореніяхъ. Я говорю смѣло о г. Пушкинѣ; ибо онъ стоитъ между нашими стихотворцами на такой степени, гдѣ правда уже не колетъ глазъ.

И г. Полевой платитъ дань нынѣшней модѣ. Въ статьѣ о словесности, какъ не задѣть Баттё? Но великодушно ли пользоваться превосходствомъ вѣка своего для униженія старыхъ Аристарховъ? Не лучше ли не нарушать покоя усопшихъ? Мы всѣ знаемъ, что они имѣютъ достоинство только относительное; но если вооружаться противъ предразсудковъ, то не полезнѣе ли преслѣдовать ихъ въ живыхъ? и кто отъ нихъ свободенъ? Въ наше время не судятъ о стихотворцѣ по піитикѣ, не имѣютъ условнаго числа правилъ, по которымъ опредѣляютъ степени изящныхъ произведеній.—Правда. Но отсутствіе правилъ въ сужденіи не есть ли также предразсудокъ? Не забываемъ ли мы, что въ критикѣ должно быть основаніе положительное, что всякая наука положительная заимствуетъ свою силу изъ философіи, что и поэзія неразлучна съ философіей?

Если мы съ такой точки зрѣнія, безпристрастнымъ взглядомъ, окинемъ ходъ просвѣщенія у всѣхъ народовъ (оцѣняя словесность каждаго въ цѣломъ: степенью философіи времени; а въ частяхъ: по отношеніямъ мыслей каждаго писателя къ современнымъ понятіямъ о философіи); то все, мнѣ кажется, пояснится. Аристотель не потеряетъ правъ своихъ на глубокомысліе, и мы не будемъ удивляться, что французы, подчинившіеся его правиламъ, не имѣютъ литературы самостоятельной. Тогда мы будемъ судить по правиламъ вѣр-

нымъ о словесности новѣйшихъ временъ; тогда причина романтической поэзіи не будетъ заключаться въ неопредѣленномъ состояніи сердца.

Мы видѣли, какъ издатель Телеграфа судитъ о поэзіи: послушаемъ его, когда онъ говоритъ о живописи и музыкѣ, сравнивая художника съ поэтомъ.

„Въ очеркахъ Рафаэля виденъ художникъ, способный къ великому: его воля приняться за кисть — и великое изумитъ ваши взоры; не хочетъ онъ — и никакія угрозы критика не заставятъ его писать, что̀ хо̀тятъ другіе.“ Далѣе:

„Въ музыкѣ есть особый родъ произведеній, называемыхъ capriccio — и въ поэзіи есть они. Таковъ Онѣгинъ.“

Какъ! въ очеркахъ Рафаэли вы видите одну только способность къ великому? Надобно ему приняться за кисть и окончить картину — для того, чтобъ васъ изумить? Теперь не удивляюсь, что Онѣгинъ вамъ нравится, какъ рядъ картинъ; а мнѣ кажется, что первое достоинство всякаго ходожника есть сила мысли, сила чувствъ; и эта сила обнаруживается во всѣхъ очеркахъ Рафаэля, въ которыхъ уже виденъ идеалъ художника и объемъ предмета. Конечно и колоритъ, необходимый для подробнаго выраженія чувствъ, содѣйствуетъ красотѣ, гармоніи цѣлаго; но онъ только распространяетъ мысль главную, всегда отражающуюся въ характерѣ лицъ и въ ихъ расположеніи. И что за сравненіе поэмы эпической — съ картиною, и Онѣгина — съ очеркомъ?

„Не хочетъ онъ, и никакія угрозы критика не заставятъ его писать, что хотятъ другіе“.

Уже ли Рафаэль съ г. Пушкинымъ исключительно пользуются правомъ не подчиняться волѣ и угрозамъ критиковъ своихъ? Вы сами, г. Полевой, отъ этаго права не откажетесь,

и например, если не захотите согласиться со мною на счет замѣченныхъ мною ошибокъ, то вѣрно угрозы васъ къ тому не принудятъ.

Въ особомъ родѣ музыкальныхъ сочиненій, называемомъ capprіccio, есть также постоянное правило. Въ capprіccio, какъ и во всякомъ произведеніи музыкальномъ, должна заключаться полная мысль, безъ чего и искусства существовать не могутъ. — Таковъ Онѣгинъ? — Не знаю, и повторяю вамъ: мы не имѣемъ права судить о немъ, не прочитавши всего романа.

Послѣ всѣхъ громкихъ похвалъ, которыми издатель Телеграфа осыпаетъ Пушкина, и которыя, впрочемъ, для самаго поэта едва ли не опаснѣе безмолвныхъ громовъ, кто ожидалъ бы найти въ той же статьѣ:

„Въ такомъ же положеніи, какъ Байронъ къ Попе, Пушкинъ находится къ прежнимъ сочинителямъ шуточныхъ русскихъ поэмъ“.

Не надобно забывать, что на предъидущей страницѣ г. Полевой говоритъ, что у насъ „въ семъ родѣ не было ничего сколько нибудь сноснаго“ *). Мы напомнимъ ему о „Модной женѣ“ И. И. Дмитріева и о „Душенькѣ“ Богдановича.

Нѣсколько словъ о народности, которую издатель Телеграфа находитъ въ первой главѣ Онѣгина. „Мы видимъ“,

*) Г. издатель Телеграфа! Позвольте мнѣ, для ясности, привести уравненіе двухъ предполагаемыхъ вами отношеній въ принятую форму. Мы назовемъ буквою x сумму всѣхъ неизвѣстныхъ, по мнѣнію вашему, русскихъ писателей шуточныхъ поэмъ — и скажемъ:

Байронъ : Попе = Пушкинъ : x.

Замѣтимъ, что здѣсь x не искомый, что даже трудно его выразить въ математикѣ; потому что, если лучше совсѣмъ не писать, нежели писать дурно, то x будетъ менѣе нуля. — Теперь, какъ нравится вамъ второе отношеніе нашей пропорціи? Прим. В—ва.

говоритъ онъ: „слышимъ родныя поговорки, смотримъ на свои причуды, которыхъ всѣ мы не чужды были нѣкогда“. Я не знаю, что тутъ народнаго, кромѣ именъ петербургскихъ улицъ и ресторацій. — И во Франціи, и въ Англіи, пробки хлопаютъ въ потолокъ, охотники ѣздятъ въ театры и на балы. — Нѣтъ, г. издатель Телеграфа! Приписывать Пушкину лишнее, — значитъ отнимать у него то, что истинно ему принадлежитъ. Въ Русланѣ и Людмилѣ онъ доказалъ намъ, что можетъ быть поэтомъ національнымъ.

До сихъ поръ, г. Полевой говорилъ рѣшительно; безъ всякаго затрудненія опредѣлилъ степень достоинства будущаго романа Онѣгина. Его рецензія, сама собою и, кажется, безъ вѣдома автора лилась съ пера его; — но вотъ камень преткновенія. Порывъ его остановился: — „Для рецензента стихотвореній Пушкина, гдѣ взять ошибокъ“? Милостивый Государь! Цѣлое произведеніе можетъ иногда быть одною ошибкою: я не говорю этого на счетъ Онѣгина, но для того только, чтобы увѣрить васъ, что и ошибки опредѣляются въ отношеніи къ цѣлому. Впрочемъ, будемъ справедливыми: и въ напечатанной главѣ Онѣгина, строгій вкусъ замѣтитъ, можетъ быть, нѣсколько стиховъ и отступленій, не совсѣмъ соотвѣтствующихъ изящности поэзіи, всегда благородной, даже и въ шуткѣ; касательно же выраженій, названныхъ вами неточными, я не во всемъ согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ: „вздыхаетъ лира“, въ поэзіи прекрасно; „возбуждать улыбку“, хорошо и правильно, едва ли можно выразить мысль свою яснѣе.

Мнѣ остается замѣтить г. Полевому, что вмѣсто того, чтобы съ такою рѣшимостію заключать о романѣ по первой главѣ, которая имѣетъ нѣчто цѣлое, полное въ одномъ только отношеніи, т. е. какъ картина петербургской жизни, лучше

бы было распространиться о разговорѣ поэта съ книгопродавцемъ. — Въ словахъ поэта видна душа свободная, пылкая, способная къ сильнымъ порывамъ; — признаюсь, я нахожу въ этомъ разговорѣ болѣе истинной поэзіи, нежели въ самомъ Онѣгинѣ.

Я старался замѣтить, что поэты не летаютъ безъ цѣли, и какъ будто единственно на зло піитикамъ; что поэзія не есть неопредѣленная горячка ума; но, подобно предметамъ своимъ, природѣ и сердцу человѣческому, имѣетъ въ себѣ самой постоянныя свои правила. Вниманіе наше обращалось то на разборъ издателя Телеграфа, то на самаго Онѣгина; теперь, что скажемъ въ заключеніе?

О статьѣ г. Полеваго, — что я желалъ бы найти въ ней критику, болѣе основанную на правилахъ положительныхъ, безъ коихъ всѣ сужденія шатки и сбивчивы.

О новомъ романѣ г. Пушкина, — что онъ есть новый прелестный цвѣтокъ на полѣ нашей словесности, что въ немъ нѣтъ описанія, въ которомъ бы не видна была искусная кисть, управляемая живымъ, рѣзвымъ воображеніемъ: почти нѣтъ стиха, который бы не носилъ отпечатка или игриваго остроумія, или очаровательнаго таланта въ красотѣ выраженія.

ОТВѢТЪ ПОЛЕВАГО ВЕНЕВИТИНОВУ *.

Прелесть новаго творенія Пушкина, несправедливость нашихъ журналистовъ, которые, воздавая неумѣренныя похвалы своимъ содругамъ, съ холодностью, мимоходомъ, упомянули объ изданіи Онѣгина; желаніе показать читателямъ, какими причинами можно оправдать изданіе одной пѣсни Онѣ-

* Московскій Телеграфъ 1825 г. № XV; особенное прибавленіе. Мы перепечатываемъ этотъ отвѣтъ для уясненія спора, съ дипломатической точностью. А. П.

гина и отвратить обвиненія въ подражаніи, чѣмъ укоряютъ «нѣкоторые» критики, и словесно и печатно нашего поэта, — вотъ что руководствовало мною, когда я писалъ небольшія, больше библіографическія, нежели критическія, замѣчанія на Онѣгина! Расположеніе и слогъ моихъ замѣчаній доказываютъ, что я не сочинялъ полнаго и подробнаго разбора. Дозволивъ себѣ шутки на счетъ уклончивыхъ критиковъ, я слегка упомянулъ о такъ называемой многими «романтической поэзіи,» опредѣлилъ сочиненіе Пушкина, представляя въ примѣръ очеркъ живописца и особенный родъ музыкальныхъ произведеній, называемый capriccio; наконецъ говорилъ о содержаніи и красотахъ поэмы. На мои замѣчанія отвѣчалъ г. —въ *) строгими сужденіями въ № 8 Сына Отечества, призывая на помощь математику и что-то доказывая — «что-то» повторяю: прочитавъ нѣсколько разъ статью г. —ва, я не могъ добиться, чего онъ точно хочетъ. Я благодарилъ бы его за нѣкоторый родъ одобренія Телеграфу, ибо другіе журнальные критики безъ пощады бранятъ меня, и читая ихъ рецензіи, право можно подумать, что Телеграфъ хуже покойнаго «Журнала для милыхъ.» г. —въ отдаетъ Телеграфу справедливость; но въ тоже время не упускаетъ замѣтить, что я хвалю Пушкина изъ корыстолюбивыхъ видовъ, стараясь получить отъ него стиховъ, что я представляю Пушкина товарищемъ Байрона и пр. и пр. Да проститъ ему критика такія замѣчанія и прибавки. Пропустимъ мелочныя привязки и коснемся того, что онъ называетъ «ошибками, которыя могутъ распространять ложныя понятія о Пушкинѣ и вообще о поэзіи.» г. —въ начинаетъ восклицаніями: «кто отказываетъ? Кто не восхищался? Кто не сознается (рѣчь о Пушкинѣ), что онъ «подарилъ нашу словесность прелестными произведеніями?» — Во первыхъ: нѣкоторые, къ счастію немногіе, думаютъ о Пушкинѣ совсѣмъ иначе; во вторыхъ: принимаясь уличать другаго въ ошибкахъ и распространеніи «ложныхъ понятій», не худо самому быть осторожнѣе. г. —въ, напримѣръ, «олицетворяетъ словесность отдѣльно» и заставляетъ Пушкина дарить ее прелестными произведеніями.

Обозначивъ поэмы и стихи Пушкина прилагательнымъ — прелестныя, онъ совсѣмъ не выразилъ характера его твореній и забывъ, что творенія Пушкина есть часть нашей словесности, напомнилъ мнѣ того русскаго прозаика, который, описывая шествіе царя Михаила Ѳеодоровича въ Москву, говоритъ, что «Москва выбѣжала къ нему на встрѣчу, поставила тронъ съ Царемъ себѣ на голову — и внесла въ Кремль!»

«Но для чего же всегда сравнивать его съ Байрономъ, съ поэтомъ, который, духомъ, принадлежа не одной Англіи, а нашему времени, въ пла-

*) Статья Веневитинова была подписана двумя послѣдними буквами его имени. А. П.

менной душѣ своей сосредоточилъ стремленіе цѣлаго вѣка и еслибъ могъ изгладиться въ исторіи частнаго рода поэзіи, то вѣчно остался бы въ лѣтописяхъ ума человѣческаго?»—Но для чего же обвинять меня въ томъ, чего я никогда не говорилъ? Я выше сказалъ, и опять честь имѣю повторить, что никогда не называлъ Пушкина равнымъ Байрону и не дѣлалъ ихъ общниками одинаковой славы! Для чего жъ опять, на зло грамматическому и логическому порядку, сочинять періодъ, въ которомъ нѣтъ связи? Послѣ словъ: «принадлежа не одной Англіи» вѣроятно г. —въ хотѣлъ сказать — «но цѣлой Европѣ» ибо Англія и время не могутъ быть равноположными понятіями. «Сосредоточить въ душѣ своей стремленіе цѣлаго вѣка» Байрону было также невозможно, ибо слово цѣлый можетъ относиться къ слову вѣкъ тогда, если мы примемъ его въ смыслѣ столѣтія. г. —въ вѣрно хотѣлъ сказать — «соединилъ (или положимъ хоть сосредоточилъ) наклонность своего вѣка» и здѣсь можно бы понять, что Байронъ былъ, такъ сказать, отпечатокъ нынѣшняго времени. Наконецъ, изъ расположенія словъ: «еслибъ могъ изгладиться.... въ исторіи поэзіи, то остался бы въ лѣтописяхъ ума» — выходитъ, что Байронъ тогда только остался бы въ лѣтописяхъ ума, когда изгладился бы въ исторіи поэзіи. Но исторія поэзіи развѣ не часть лѣтописей ума человѣческаго? Развѣ Тредьяковскій можетъ изгладиться въ сихъ лѣтописяхъ? Никогда! онъ будетъ въ нихъ, какъ памятникъ стремленія къ поэзіи безъ таланта. Исторія поэзіи повторитъ всѣ имена, только неравно о всѣхъ отзовется. Наконецъ, что такое «частный родъ поэзіи?» — Г. —въ, желая придать своей статьѣ видъ порядка, опредѣляетъ потомъ характеръ Байрона какъ поэта: «Всѣ произведенія Байрона носятъ отпечатокъ одной глубокой мысли о человѣкѣ въ отношеніи къ окружающей его природѣ, въ борьбѣ съ самимъ собою и съ предразсудками и въ противорѣчіи съ своими чувствами.» Ансильонъ говоритъ, что въ твореніяхъ Гете отражается вся природа, въ твореніяхъ Шиллера отражается онъ самъ, и что отъ того происходитъ разнообразіе Гёте и односторонность Шиллера—мысль понятна! Но какъ разгадать мысль г. —ва? Если бы должно было выразить характеръ Байрона, то всего лучше, повторяю, можно назвать его творенія эмблемою нашего вѣка. Я очень понималъ, что говорю, когда неопредѣленнымъ, неизъяснимымъ состояніемъ сердца человѣческаго хотѣлъ означить сущность и причину романтической поэзіи. Байронъ изображалъ не человѣка вообще: онъ изображалъ ненавистное чувство, охлаждавшее, мрачившее въ душѣ его всю вселенную, даже всякій идеалъ. «Говорятъ: въ его поэмахъ мало дѣйствія. Правда: его цѣль не разсказъ; характеръ его героевъ не связь описаній.» Опять сбивчивость въ словахъ и понятіяхъ! Кто изъ поэтовъ имѣлъ разсказъ, т. е. исполненіе поэмы, цѣлью и даже кто изъ прозаиковъ въ твореніи обширномъ? Въ Тристрамѣ Шанди, гдѣ, по видимому, все заключено въ разсказѣ, разсказъ совсѣмъ не цѣль сочиненія. Характеръ героевъ можно и не мож-

но почесть связью описаній, но въ этомъ случаѣ каждая поэма Байрона есть противорѣчіе словамъ г. —ва. «Онъ (Байронъ) описываетъ предметы не для предметовъ самихъ.... но съ намѣреніемъ выразить впечатлѣнія ихъ на лицо, выставленное имъ на сцену.» Я не знаю ничего неопредѣленнѣе этихъ словъ г. —ва! И въ какихъ же поэтическихъ твореніяхъ, кромѣ бездушной описательной поэзіи, описываются предметы для предметовъ самихъ? Сіи описанія всегда должны относиться къ впечатлѣніямъ, сдѣланнымъ предметами на дѣйствующія лица поэмы; но съ другой стороны, кромѣ Чайльдъ-Гарольда и Шильонскаго узника, гдѣ Байронъ описывалъ предметы единственно для описанія впечатлѣній на героя поэмы, гдѣ замѣтилъ у него бездѣйствіе г. —въ? Описавъ Байрона, г. —въ вдругъ дѣлаетъ вопросъ: «теперь повторяю вамъ (т. е. мой) вопросъ: что такое Онѣгинъ? Онъ вамъ знакомъ, вы его любите. Такъ! но этотъ герой поэмы Пушкина, по собственнымъ словамъ вашимъ, шалунъ съ умомъ, вѣтренникъ съ сердцемъ — и ничего болѣе?» Есть ли тутъ связь понятій? Описать характеръ твореній Байрона и вдругъ спрашивать: что такое Онѣгинъ? Шалунъ, и ничего болѣе! Если бы г. —въ хотѣлъ поддержать взведенное на меня мнѣніе, что я равняю Пушкина Байрону, онъ долженъ бы противопоставить напр. Донъ-Жуана Онѣгину, а потомъ допрашивать меня: равняется ли произведеніе Пушкина Байронову, или описать характеръ Байроновой поэзіи, противопоставить ей также характеръ поэзіи Пушкина и говорить о сравненіи; а что выходитъ теперь изъ словъ г. —ва?

Но точно, что-то подобное, какъ я предполагаю, имѣлъ въ виду г. —въ, дѣлая свой вопросъ. Заключаю изъ слѣдующаго: «теперь, м. г., позвольте спросить: что вы называете новыми пріобрѣтеніями Байроновъ и Пушкиныхъ?» Неужели изъ словъ моихъ выведено странное предположеніе, что я равняю Байрона Пушкину, предположеніе, на которомъ движется вся критика г. —ва? Я сказалъ, что Онѣгинъ принадлежитъ къ тому самому роду, къ которому принадлежатъ поэмы Байрона и Гете; что поэму, подобную Донъ-Жуану и Беппо (прошу замѣтить), нельзя назвать ни эпическою, ни дидактическою, и прибавилъ — «это уже дѣло холоднаго разсудка пріискивать на досугѣ: почему написанное не по извѣстнымъ правиламъ хорошо и на всякій новый опытъ поэзіи прибирать ладъ и мѣру. Не поэту же спрашивать у піитиковъ: можно ли дѣлать то или то! Его воображеніе летаетъ, не спрашиваясь піитикъ; падаетъ онъ, тогда торжествуйте побѣду школьныхъ правилъ; если же полетъ его изумляетъ сердца и души, дайте намъ насладиться новымъ торжествомъ ума человѣческаго: всякое новое пріобрѣтеніе Байроновъ или Пушкиныхъ дѣлаетъ и намъ честь, ибо дѣлаетъ честь странѣ, которой они принадлежатъ и вѣку, въ которомъ живутъ.» Надобно ли объясненіе, что имена Байрона и Пушкина, употребленныя мною въ множественномъ числѣ, есть тропъ, извѣстный въ

Риторикѣ подъ именемъ синекдохи, и что имена сіи поставлены не для показанія равенства ихъ, но какъ подлежащее къ сказуемому, т. е. къ новымъ пріобрѣтеніямъ, которыя дѣлалъ Байронъ по своему, а Пушкинъ дѣлалъ, дѣлаетъ и будетъ дѣлать по своему? Г. —въ, и самъ, говоритъ: «Байрономъ гордится новѣйшая поэзія, характеръ его произведеній истинно — новый.... Пушкинъ имѣетъ неоспоримыя права на благодарность своихъ современниковъ, обогативъ Русскую словесность красотами доселѣ (?) ей неизвѣстными.» Красота дотолѣ не извѣстная въ нашей литературѣ — развѣ не пріобрѣтеніе? Впрочемъ здѣсь въ многословномъ изложеніи является настоящее мнѣніе г. —ва о Пушкинѣ: «Признаюсь, я не вижу въ его твореніяхъ пріобрѣтеній, подобныхъ Байроновымъ, дѣлающихъ честь вѣку.... Пушкинъ только не отсталъ отъ своего вѣка.... Мы не утверждаемъ опредѣлительно, что нашъ стихотворецъ заимствовалъ изъ Байрона планы поэмъ, характеры лицъ, описанія; но скажемъ только, что Байронъ оставляетъ въ его сердцѣ глубокія впечатлѣнія, которыя отражаются во всѣхъ его твореніяхъ. Я говорю смѣло о г. Пушкинѣ.» Смѣло: это правда, но не искренно. Для чего закрывать столькими словами мысль ясно видимую, состоящую въ томъ, что г. —въ почитаетъ Пушкина не великимъ поэтомъ, а просто подражателемъ Байрона? *) Я сказалъ прежде, что въ Онѣгинѣ есть стихи, которыми одолжены мы памяти поэта, скажу, что и въ другихъ его поэмахъ такіе стихи попадаются; но пусть какъ угодно укоряютъ меня пристрастіемъ, а я не смотря на г. —ва утверждаю, что въ Пушкинѣ виденъ свой собственный, великій талантъ, что Пушкинъ не подражатель, но творецъ: его собственныя незанятыя пріобрѣтенія — описаніе русской старины въ Русланѣ и Людмилѣ, Демонъ, прощаніе съ моремъ и множество другихъ превосходныхъ сочиненій, подобныхъ которымъ не находимъ ни у одного изъ современныхъ русскихъ поэтовъ; наконецъ, его новая, чудная поэма: Цыгане! Не желанье достать стиховъ Пушкина въ Телеграфъ, не жалкое подслуживанье Пушкину, внушаетъ мнѣ похвалы, но чистое наслажденіе его поэзіей. Странное дѣло, что сдѣлалось съ критиками Сына Отечества: одинъ утверждаетъ, что у насъ есть поэты выше, гораздо выше Жуковскаго, другой винитъ Жуковскаго въ присвоеніи чужой собственности, а г. —въ силится доказать, что Пушкинъ подражатель! «На нихъ чужой успѣхъ какъ наша тяготѣетъ.....»

«Что за сравненіе поэмы эпической съ картиною и Онѣгина съ очеркомъ?» Говоритъ г. —въ. Я сказалъ, что въ очеркахъ Рафаэля виденъ ху-

---

*) Обвиненіе это совершенно несправедливо, что̀ ясно видно изъ статьи Веневитинова о Бор. Годуновѣ. Веневитиновъ всегда держался этого мнѣнія о Пушкинѣ. А. П.

дожникъ, способный къ великому. — «Какъ, говоритъ г. —въ, въ очеркахъ Рафаэля вы видите только способность къ великому» — тутъ, опровергая мои слова, что художнику надо приняться за кисть и великое изумитъ наши взоры, г. —въ продолжаетъ — «а мнѣ кажется, что первое достоинство великаго художника есть сила мысли, сила чувствъ.» Далѣе онъ соглашается, что и колоритъ необходимъ для подробнаго (?) выраженія чувствъ, но что онъ только распространяетъ мысль главную, всегда отражающуюся въ характерѣ лицъ, въ ихъ расположеніи. Г. —въ, видя съ начала вопросъ: «Зачѣмъ Пушкинъ не пишетъ поэмъ въ силу правилъ эпопеи?» думалъ, что слова мои объ очеркахъ относятся къ этому вопросу; но напрасно это показалось г. -ву! Вопросъ рѣшалъ я, или, по крайней мѣрѣ, казалось мнѣ, что рѣшалъ, извѣстнымъ выраженіемъ нашего поэта, которое выразилъ я въ прозѣ такъ: «поэтъ не воленъ въ направленіи своего восторга: что ему поется, то онъ и поетъ.» Очеркъ употребилъ я для сравненія живописи вообще съ поэзіею, въ поэмахъ подобныхъ Донъ-Жуану, и тутъ понятіе объ очеркѣ ни мало не противорѣчитъ моимъ словамъ; напр., въ разсужденіи Онѣгина, пусть г. —въ вообразитъ, что Рафаэль, рѣшившись писать картину изъ многихъ лицъ, сдѣлалъ очеркъ одной головы, и онъ увидитъ, что мои слова не безъ смысла сказаны.

Новый переходъ! «Въ какомъ отношеніи Байронъ къ Попу, въ такомъ Пушкинъ (разумѣется, въ Онѣгинѣ) къ прежнимъ сочинителямъ русскихъ шуточныхъ поэмъ»—такъ сказалъ я, и г. —въ математически доказываетъ, что я унизилъ Пушкина, ибо сказалъ прежде, что у насъ не было ничего сколько нибудь сноснаго. Въ математическомъ примѣрѣ г. —въ сдѣлалъ просто ошибку, а что касается до напоминанія о Модной Женѣ и Душенькѣ, скажу ему, что я разумѣлъ шуточныя поэмы, коихъ предметъ взятъ изъ общежитія. Модная Жена — сказка, а не поэма; Душенька нейдетъ въ сравненіе, ибо предметъ ея взятъ изъ миѳологіи: Донъ-Жуану и Беппо я противополагалъ «Похищѐнный локонъ» Попа; что же противополагается у насъ Онѣгину? — Игрокъ ломбера, Расхищенныя шубы?

Скрытное предубѣжденіе г. —ва противъ Пушкина сильно обнаруживается въ упрекѣ, который дѣлаетъ онъ мнѣ за то, что я нахожу народность въ Онѣгинѣ. «Я не знаю, что тутъ народнаго, говоритъ г. —въ, кромѣ именъ петербургскихъ улицъ и рестoрановъ. И во Франціи, и въ Англіи, пробки хлопаютъ въ потолокъ, охотники ѣздятъ въ театръ и на балы.» — Вотъ разительный примѣръ, что значитъ смотрѣть на сочиненіе косыми глазами предубѣжденія! Надобно думать, что г. —въ полагаетъ народность русскую въ русскихъ черевикахъ, лаптяхъ и бородахъ, и тогда только назвалъ бы Онѣгина народнымъ, когда на сценѣ представился бы русскій мужикъ съ русскими поговорками, побасенками и пр. Народность бываетъ не въ одномъ низшемъ классѣ; печать ея видна во всѣхъ званіяхъ

и вездѣ. Наши богачи подражаютъ французамъ; Петербургъ, болѣе всѣхъ русскихъ городовъ, похожъ на иностранный городъ; но и въ быту богачей, и въ Петербургѣ, никакой иностранецъ совершенно не забудется, всегда увидитъ предметы, напоминающіе ему Русь: такъ и въ Онѣгинѣ. Общество, куда поставилъ своего героя Пушкинъ, мало представляетъ отпечатковъ русскаго народнаго быта, но всѣ сіи отпечатки подмѣчены и выражены съ удивительнымъ искусствомъ. Ссылаюсь на описаніе петербургскаго театра, воспитаніе Онѣгина, поѣздку къ Талону, похороны дяди, не исчисляя множества другихъ чертъ народности. Впрочемъ, черезъ страницу, самъ г. —въ называетъ поэму Пушкина «полною картиною петербургской жизни»; но кто вполнѣ изобразилъ Петербургъ, тотъ развѣ не изобразилъ народности?

Заключеніе критики достойно начала. Я затруднялся въ пріискиваніи ошибокъ у Пушкина; г. —въ не такъ разборчивъ. «Цѣлое произведеніе можетъ иногда быть одною ошибкою» —говоритъ онъ и тотчасъ прибавляетъ: «я не говорю этого на счетъ Онѣгина.» Понимаю: это Альцестовское je ne dis pas cela, и прошу г. —ва впередъ или не дѣлать такихъ намековъ, или скрывать ихъ искуснѣе! Эпилогъ г. —ва читатели благоволятъ прочитать сами; въ немъ опровергать нѣчего: это результатъ всей статьи, а мы видѣли, что въ ней нѣтъ ни одной строки, которая бы удержалась при взглядѣ безпристрастія. Что̀ касается до совѣтовъ, мнѣ преподаваемыхъ, то, въ отплату за нихъ, я прошу г. —ва припоминать ихъ самому себѣ, когда придетъ ему опять охота совѣтовать другимъ.

ОТВѢТЪ Г. ПОЛЕВОМУ *.

Четыре мѣсяца скрылись уже въ вѣчности съ тѣхъ поръ, какъ я сообщилъ „Сыну Отечества“ (въ 8 кн.) нѣсколько замѣчаній на разборъ Евгенія Онѣгина, помѣщенный въ Московскомъ Телеграфѣ. Съ того времени многіе — во многихъ журналахъ возставали противъ мнѣній и ошибокъ г. Полеваго, но всѣ критики, безъ исключенія, оставались безъ отвѣта: казалось, что г. Полевой смотрѣлъ на всѣ замѣчанія холоднымъ взоромъ совершеннаго равнодушія; послѣдствіе до-

*) Извлечено изъ №XXIV Сына Отеч. за 1825 г. (прибавленіе къ Сыну Отеч.).

казало, что равнодушіе его было не совсѣмъ искреннее и что онъ дорожилъ временемъ для того только, чтобъ собраться съ силами.

Если бы г. Полевой писалъ антикритики съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы занимать своихъ читателей литературными преніями, всегда полезными, когда они не выходятъ изъ сферы литературы; то, при появленіи всякой рецензіи, онъ конечно бы замѣтилъ мнѣнія, съ которыми несогласенъ, изложилъ бы свои собственныя, и предоставилъ своимъ читателямъ судить о побѣдѣ. Но г. Полевой чуждается литературныхъ споровъ, нигдѣ не показываетъ собственнаго образа мыслей, и, какъ уполномоченный судія въ словесности, нигдѣ не терпитъ сужденій другихъ. Для сей цѣли выбралъ онъ средство совсѣмъ новое, но очень простое: ему стоитъ только вооружиться терпѣніемъ. Подождавъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ увѣренъ, что читатели почти совсѣмъ забыли рецензію, писанную противъ него, привязывается къ нѣсколькимъ выраженіямъ, вырваннымъ изъ статьи, разсыпаетъ полную горсть знаковъ вопрошенія и.... торжествуетъ. Выдумка счастливая, сознаемся; но замѣтимъ, не во зло ему, что антикритика, въ такомъ случаѣ, не отвѣтъ литератора, а голосъ досады.

Руководствуемый другою цѣлію, я буду дѣйствовать другими способами, и постараюсь объяснить себѣ, какъ можно лучше, отвѣтъ г. Полеваго. Онъ самъ сознается, что не понялъ статьи моей, и „не могъ добиться, чего я точно хочу.“ Я смѣю увѣрить г. Полеваго, что понялъ его отвѣтъ, и добился, что онъ хочетъ оправдать свои ошибки; но къ несчастію, это желаніе осталось безуспѣшнымъ. — Въ заключе-

ніе моей рецензіи я сказалъ о разборѣ г. Полеваго, „что желалъ бы видѣть въ немъ критику болѣе основанную на правилахъ положительныхъ.“ Странно, что теперь г. Полевой не знаетъ, чего я хотѣлъ. Еслибъ онъ мнѣ доказалъ, что разборъ Онѣгина былъ точно основанъ на правилахъ вѣрныхъ, представилъ развитіе положительной литературной системы, тогда бы споръ нашъ прекратился, или я бы замѣтилъ сочинителю разбора, что не во всемъ согласенъ съ его системою; но г. Полевой не думаетъ о защитѣ собственныхъ мнѣній и обращаетъ все свое стараніе на то, чтобы представить мои мысли въ смѣшномъ видѣ. Посмотримъ, удачно ли онъ исполняетъ свое намѣреніе.

Я радъ бы сказать, какъ г. Полевой: „оставимъ мелочныя привязки“; но это невозможно, ибо вся статья его наполнена однѣми „привязками,“ и въ ней нѣтъ ни одной мысли, которая бы могла послужить предметомъ разбора. Впрочемъ у всякаго свой вкусъ: одинъ дорожитъ своими мыслями, другой своими словами и шутками. И такъ, чтобы не оскорбить авторскаго самолюбія молчаніемъ, пробѣжимъ по порядку всѣ остроумныя шутки и важнѣйшія замѣчанія г. издателя Телеграфа.

Я говорилъ, что „Пушкинъ подарилъ нашу словесность прелестными произведеніями“. Г. Полевой возстаетъ противъ сихъ выраженій и кончаетъ насмѣшкою и описаніемъ шествія царя Михаила Ѳеодоровича въ Москву. Соглашаюсь, что его насмѣшка очень забавна, ибо она очень неудачна, но замѣчаніе его почитаю несправедливымъ и даже натяжкою. С л о в е с н о с т ь тогда только принимается въ смыслѣ общемъ и представляетъ понятіе цѣлое, нераздѣльное, когда мы подъ

симъ выраженіемъ понимаемъ всю исторію просвѣщенія како-го либо народа, всю сферу его умственной дѣятельности; но въ смыслѣ обыкновенномъ это слово выражаетъ сумму произведеній, опредѣляющихъ одну только степень народной образованности; сію сумму можно умножать, и она всегда умножается; слѣдственно словесность можно „обогащать и дарить новыми произведеніями".

Благодарю г. Полеваго за объясненіе „равноположныхъ" понятій, но признаюсь, что оно для меня очень не удовлетворительно: онъ не отгадалъ моей мысли. Когда я говорилъ, что „Байронъ принадлежитъ духомъ не одной Англіи, а нашему времени" я хотѣлъ сказать (и, кажется, выразился ясно), что Байронъ принадлежитъ характеру не одного народа, но самаго вѣка, т. е. характеру просвѣщенія въ нашемъ вѣкѣ—тутъ „о цѣлой Европѣ" ни слова. Далѣе г. Полевой увѣряетъ, что „слово цѣлый можетъ относиться къ слову вѣкъ тогда *), если мы примемъ его въ смыслѣ столѣтія". Но я, къ несчастію, недовѣрчивъ, и мнѣ кажется, что слово вѣкъ, означая въ филологическомъ смыслѣ полный періодъ образованности, и представляя слѣдственно понятіе опредѣленное, очень терпитъ прилагательное цѣлый; наконецъ рецензентъ мой утверждаетъ, что еслибъ я сказалъ: „Байронъ соединилъ (или положимъ хоть сосредоточилъ) наклонность своего вѣка, то здѣсь можно бы понять, что Байронъ былъ, такъ сказать, отпечаткомъ нынѣшняго времени" но я очень радъ, что этого не сказалъ. Во-первыхъ, соединить наклонность вѣка, очень дурно и неправильно

*) Тогда, если не чисто по русски. Прим. В—ва

выражаетъ мою мысль: сосредоточить стремленіе вѣка; во-вторыхъ, Байронъ отпечатокъ нынѣшняго времени — ничего не значитъ. Отпечатокъ нынѣшняго времени есть характеръ, духъ вѣка. Байронъ можетъ носить на себѣ сей отпечатокъ; но самъ не можетъ быть отпечаткомъ нынѣшняго времени; при томъ же большая разница между нашимъ вѣкомъ и нынѣшнимъ временемъ. Вѣку принадлежатъ тѣ только произведенія, по которымъ потомство опредѣляетъ характеръ вѣка; къ нынѣшнему времени относится все нынѣ писанное, не исключая даже дурныхъ антикритикъ. — Но вотъ вѣнецъ замѣчаній г. Полеваго: я кончаю періодъ свой слѣдующимъ образомъ: „еслибъ Байронъ могъ изгладиться въ исторіи частнаго рода поэзіи, то вѣрно остался бы въ лѣтописяхъ ума человѣческаго". Толкуя по своему расположеніе словъ, изд. Телеграфа вопрошаетъ: „Исторія поэзіи развѣ не часть лѣтописей ума человѣческаго?" — Повѣрить ли, что г. Полевой не понялъ моей мысли? — Для всякаго случая объяснимъ ее. Если Байронъ и могъ бы изгладиться въ исторіи трагедіи, если бы имя его могло исчезнуть въ исторіи эпопеи и лирической поэзіи, то при всемъ томъ онъ вѣрно остался бы въ лѣтописяхъ ума человѣческаго, т. е. возвышенныхъ мыслей и глубокихъ чувствъ. Г. Полевой продолжаетъ съ восклицаніями: „Развѣ Тредьяковскій можетъ изгладиться въ сихъ лѣтописяхъ" (въ лѣтописяхъ ума человѣческаго)? „Никогда! Онъ будетъ въ нихъ, какъ памятникъ стремленія къ поэзіи безъ таланта. Исторія поэзіи повторитъ всѣ имена, только не равно о всѣхъ отзовется." — Здѣсь маленькая ошибка. Г. Полевой смѣшиваетъ лѣтописи ума человѣческаго съ памятниками безумія, невѣ-

жества и безсилія; но если исторія повторяетъ всѣ имена, то прошу г. издателя Телеграфа назначить мнѣ библіотеку, въ которой хранится списокъ всѣхъ дурныхъ и посредственныхъ поэтовъ персидскихъ, индѣйскихъ, греческихъ, латинскихъ и проч., а я, съ своей стороны, доставлю ему имена всѣхъ тѣхъ, которые дѣйствовали на различные сіи народы и опредѣляли ихъ различные характеры. Еще вопросъ: если бы исторія поэзіи состояла въ собраніи именъ всѣхъ возможныхъ поэтовъ міра и всѣхъ различныхъ отзывовъ, то кто рѣшился бы посвятить себя изученію такой исторіи, кто надѣялся бы когда нибудь выпить это море? —

Говоря о характерѣ Байроновыхъ произведеній, я выразился слѣдующимъ образомъ: „Всѣ произведенія Байрона носятъ отпечатокъ одной глубокой мысли, мысли о человѣкѣ въ отношеніи къ окружающей его природѣ, въ борьбѣ съ самимъ собою, съ предразсудками, врѣзавшимися въ его сердце, въ противорѣчіи съ своими чувствами.“ Это опредѣленіе называетъ г. Полевой „наборомъ словъ, неудачнымъ подражаніемъ Ансильонову опредѣленію поэзіи Гете и Шиллера“. Иной подумаетъ, что г. Полевой подтвердитъ доказательствами столь рѣшительный приговоръ; но все рѣшается опять съ помощію нѣсколькихъ знаковъ вопрошенія и посредствомъ восклицанія: „Какъ разгадать мысль г. —ва? — Какъ? Изучивъ со вниманіемъ творенія Байрона и составивъ себѣ вѣрное, общее понятіе о поэзіи. Увѣряю г. Полеваго, что это лучшій способъ разгадывать всѣ мысли, для насъ новыя. Я не распространяюсь объ Ансильоновомъ опредѣленіи; но спрашиваю всякаго безпристрастнаго человѣка: имѣетъ ли оно сходство съ моею мыслію, и можно

ли обвинить кого нибудь въ подражаніи, *) чему же? — опредѣленію.

„Если бы должно было выразить характеръ Байрона" говоритъ г. Полевой: „то всего лучше, повторяю, можно назвать его творенія эмблемою нашего вѣка." Прекрасно!! Вотъ опредѣленіе! Не то ли самое выразилъ я, говоря, что Байронъ сосредоточилъ стремленіе цѣлаго вѣка? Не та же ли мысль—разумѣется, въ новомъ видѣ, украшенная перомъ издателя Телеграфа? Но мысль сія опредѣляетъ только достоинство Байрона, а не характеръ его; ибо она еще не показываетъ намъ, въ чемъ состоитъ духъ нашего вѣка. —Г. Полевой продолжаетъ: „Я.... очень понималъ, что говорю, **) когда неопредѣленнымъ, неизъяснимымъ состояніемъ сердца хотѣлъ означить сущность и причину романтической поэзіи." Не знаю, съ какимъ намѣреніемъ г. Полевой, послѣ крупнаго „Я" поставилъ родъ таинственныхъ точекъ; но желалъ бы, чтобы онъ съ нами подѣлился тѣмъ, что о ч е н ь п о н и м а е т ъ, и чего мы понять не можемъ, ибо „неопредѣленное, неизъяснимое состояніе сердца" ничего не опредѣляетъ, ничего не изъясняетъ. Далѣе г. Полевой повторяетъ мои слова, и снова восклицанія: „Опять сбивчивость въ словахъ и понятіяхъ!

---

*) Г. Полевой, не въ первый разъ, безъ малѣйшаго основанія и единственно по произвольному приговору, обвиняетъ другихъ въ подражаніи Не онъ ли недавно говорилъ о сочиненіи г. Хомякова: Ж е л а н і е п о к о я ч т о г л а в н а я м ы с л ь с е г о с т и х о т в о р е н і я з а н я т а и з ъ и з в ѣ с т н а г о Д е л и л е в а Д и ѳ и р а м б а, — извѣстнаго конечно многимъ, но видно не всѣмъ. Я смѣю увѣрить изд. Телеграфа, что главныя мысли сихъ двухъ сочиненій не имѣютъ ни малѣйшаго сходства между собою, и что мысль Русскаго Поэта и возвышеннѣе, и сильнѣе выражена. Прочтя обѣ піесы, онъ самъ въ этомъ не будетъ сомнѣваться. Прим. В—ва.

**) «Я понималъ, что говорю», — на зло всякой грамматикѣ. Прим. В—ва.

Кто изъ поэтовъ имѣлъ разсказъ, т. е. исполненіе поэмы, цѣлію, и даже кто изъ прозаиковъ въ твореніи обширномъ? Характеръ героевъ можно и не можно почесть связью описаній и проч.“ Торжествуйте, г. издатель Телеграфа! но оглянитесь, и посмотрите, надъ кѣмъ вы смѣетесь. Я не удивляюсь, что вы забыли собственныя свои мысли; но всѣ сіи выраженія въ статьѣ моей напечатаны курсивомъ, и слѣдственно могли бы вамъ напомнить, что они заимствованы изъ вашего разбора Онѣгина. Примѣрное добродушіе! Мы знаемъ журналы, въ которыхъ забавляютъ читателей баснями, шутками на счетъ другихъ, но издатель Телеграфа, первый, собственными мнѣніями жертвуетъ забавѣ своихъ читателей!

Послѣ нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ, подобныхъ тѣмъ, которые мы видѣли, г. Полевой продолжаетъ: „Если бы г. —въ хотѣлъ поддержать взведенное на меня мнѣніе, что я равняю Пушкина Байрону, онъ долженъ бы противопоставить на пр. Донъ-Жуана Онѣгину“.—Мнѣ кажется противное: я не равнялъ Пушкина Байрону, и слѣдственно не буду сравнивать ихъ произведеній, слѣдственно и не понимаю требованія г. Полеваго и забавнаго его предложенія. „Но точно что-то подобное имѣлъ, какъ я *) предполагаю (въ виду) г. —въ, дѣлая свой вопросъ“. (Что такое Онѣгинъ?) Этотъ вопросъ не мой, а принадлежитъ г. Полевому, и я, повторяя его, хотѣлъ только доказать издателю Телеграфа, что онъ этого вопроса рѣшить не можетъ, не прочитавъ всего романа. — „Такъ, я сказалъ, продолжаетъ г. Полевой, что Онѣгинъ принадлежитъ къ тому самому роду, къ которому принадлежатъ поэмы Байрона и Гёте.“ — Г. Поле-

*) Что точно, того не предполагаютъ. Прим. В—ва.

вой тамъ сдѣлалъ ошибку, а здѣсь ее повторяетъ. Увѣряю его, что Гёте никогда не писалъ поэмъ въ родѣ Донъ-Жуана, Беппо и Онѣгина. Гете написалъ только двѣ поэмы: Hermann und Dorothea и Reinecke Fuchs; первая, въ родѣ Луизы Фосса, есть также нѣкоторымъ образомъ идиллія, и описываетъ семейственную жизнь маленькихъ нѣмецкихъ городковъ; во второй дѣйствуютъ звѣри, а не люди; слѣдственно, ни одна не развиваетъ характера образованнаго человѣка въ быту большаго свѣта.

Теперь приступаемъ къ центру, въ которомъ г. Полевой соединилъ противъ меня все свое искуство, всѣ свои силы, къ тому обвиненію, которое заставило меня взять перо и отвѣчать на антикритику, впрочемъ не убійственную. Чуждаясь (можетъ быть, отъ недостатка времени) вступить въ подробное разсмотрѣніе изложенныхъ мною мнѣній и опровергать ихъ, какъ литераторъ, онъ хотѣлъ поразить меня однимъ ударомъ и выбралъ лучшее средство поссорить меня со всѣми образованными читателями, увѣряя ихъ, что я имѣю скрытное предубѣжденіе противъ Пушкина. „Для чего“ говоритъ онъ: „закрывать столькими словами мысль, явно видимую, состоящую въ томъ, что г. —въ почитаетъ Пушкина не великимъ поэтомъ, а просто подражателемъ Байрона?“

„Я сказалъ прежде, что въ Онѣгинѣ есть стихи, которыми одолжены мы памяти поэта, скажу что и въ другихъ его поэмахъ такіе стихи попадаются“. Гдѣ же эта ясность? Гдѣ обнаруживаю я такую мысль! Правда, я смотрю на талантъ совсѣмъ съ другой точки, нежели г. Полевой, и увѣренъ, что поэтъ, какъ Пушкинъ, пишетъ не съ памяти; но выражаетъ сильныя чувства, сильныя впечатлѣнія, поселен-

ныя въ немъ самимъ вѣкомъ, наклоннымъ къ глубокой мечтательности, и Байрономъ — представителемъ своего вѣка. Изъ этого г. Полевой выводитъ, что Пушкинъ подражатель. Но объявляю ему, что я не думалъ писать противъ Онѣгина, возставалъ противъ разбора Онѣгина, не отказывалъ г. Пушкину въ похвалахъ, но вооружался противъ тѣхъ, которыя наполняли Телеграфъ, и до сихъ поръ не понимаю, какъ г. Полевой смѣшиваетъ себя съ Пушкинымъ. Для панегириста Пушкина это непростительная ошибка. Скажу болѣе, я не могъ писать противъ Онѣгина по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что изъ Онѣгина читалъ я только первую главу, и въ этомъ случаѣ не хотѣлъ подражать г. Полевому, который судитъ по ней обо всемъ романѣ, и увѣряетъ теперь bona fide, что онъ опредѣлилъ сочиненіе Пушкина; во-вторыхъ—я почитаю безполезнымъ писать противъ всякаго поэта. Издатель Телеграфа позволитъ мнѣ объяснить ему сію вторую причину языковъ не ученымъ, но понятнымъ для всякаго,—языкомъ, который слѣдственно избавитъ его отъ лишней траты вопросительныхъ знаковъ, а меня отъ лишнихъ буквальныхъ поясненій. Я раздѣляю вообще поэтовъ на два класса: на хорошихъ и дурныхъ; хорошихъ читаю, перечитываю, и стараюсь опредѣлить себѣ ихъ характеръ; дурныхъ кладу въ сторону. Похвала изъ устъ неизвѣстнаго не польститъ поэту, но увѣряю г. Полеваго, что я не разъ читалъ сочиненія Пушкина, и всегда наслаждался ихъ красотами. Надѣюсь, что теперь самъ г. Полевой найдетъ, къ чему отнести выраженія мои: „цѣлое сочиненіе можетъ иногда быть одною ошибкою.“

Чтобъ не оставить ни одного замѣчанія г. Полеваго безъ

отвѣта, разсмотримъ; какъ онъ объяснилъ примѣненіе очерка картины къ Онѣгину. „Въ разсужденіи Онѣгина", говоритъ онъ: „пусть г. —въ вообразитъ, что Рафаэль, рѣшившись писать картину изъ многихъ лицъ, сдѣлалъ очеркъ одной головы, и онъ увидитъ, что мои слова не безъ смысла". —Не вижу этого. Если мы и сравнимъ весь (положимъ существующій) романъ Онѣгина съ полною картиною, то слѣдуетъ ли изъ сего, что одну „главу" романа можно сравнить съ очеркомъ одной „головы" картины. Кажется, нѣтъ: въ очеркѣ одной головы мы уже видимъ весь характеръ изображаемаго лица; но для насъ еще сокрыта сцена, его окружающая, отношеніе его къ прочимъ лицамъ. — Напротивъ того, въ первой главѣ Онѣгина, поэтъ уже обозначилъ общество къ которому принадлежитъ его герой, очертилъ сферу его дѣйствій; но характеръ еще не развитъ, онъ будетъ развиваться въ продолженіи всего сочиненія, и мы его только предугадываемъ. — Увѣренъ, что картина г. Пушкина будетъ прекрасна; желаю, чтобъ она была подобна Рафаэлевымъ.

Стараясь въ критикѣ моей на разборъ Онѣгина, различными способами, обличить сбивчивость понятій г. Полеваго, который ссылался на живопись и на музыку, все неудачно, я въ маленькомъ примѣчаніи доказалъ ему математически, изъ собственныхъ же словъ его, что онъ не только унизилъ достоинство Пушкина, но превратилъ его въ ничто. Г. Полевой отвѣчаетъ: „въ математическомъ примѣрѣ, г. —въ сдѣлалъ просто ошибку." Это сказано слишкомъ просто; но что сказано, не всегда доказано *).

*) Трудно полагаться на сужденія изд. Телеграфа безъ доказательствъ. Мы знаемъ, что онъ судитъ о всѣхъ наукахъ и искусствахъ; но онъ имѣетъ,

Когда г. Полевой утвердительно сказалъ, что у насъ не было ничего, сколько нибудь сноснаго, въ родѣ Онѣгина, я напомнилъ ему о Модной женѣ и о Душенькѣ, но онъ недоволенъ моимъ напоминаніемъ. „Модная жена — сказка, не поэма.“ Развѣ Онѣгинъ — поэма, не романъ? Что опредѣляетъ родъ Поэзіи? Названіе ли произведеній, или точка зрѣнія, съ которой поэтъ взираетъ на предметы? Душенька также не идетъ въ сравненіе, ибо г. Полевой говоритъ, „что онъ разумѣлъ тѣ шуточныя поэмы, коихъ предметы заимствованы изъ общежитія“. „Донъ Жуану“ говоритъ онъ, „противополагаю я Похищенный локонъ; чтожъ и проч.“ Г. Полевой могъ бы быть осторожнѣе. Въ Похищенномъ локонѣ дѣйствуютъ Сильфы и Гномы; прошу его объяснить мнѣ, къ какому общежитію принадлежатъ такія дѣйствующія лица.

Мнѣ остается сказать что нибудь о народности, и что̀ я разумѣю подъ симъ выраженіемъ. Я полагаю народность не въ черевикахъ, не въ бородахъ и проч. (какъ остроумно думаетъ г. Полевой), но и не въ томъ, гдѣ ея ищетъ

во всѣхъ частяхъ, свѣдѣнія совершенно особенныя. Не онъ ли, напр. въ разборѣ Полярной Звѣзды, ставитъ двѣ словесности въ равную параллель? Какой математикъ разгадаетъ намъ такую загадку? — Не онъ ли утверждаетъ, что есть музыка А — мольная. Пусть спроситъ онъ у самаго ученаго музыканта, что такое музыка А — мольная; тотъ вѣрно не найдетъ отвѣта. Есть А — мольный тонъ; могутъ быть, и есть А — мольныя симфоніи, концерты и т. п., начинающіеся въ тонѣ А — моль, но симфоніи и концерты не музыки, а музыкальныя произведенія. Не въ его ли журналѣ увѣряютъ: что богиня подарковъ не могла называться Strenno; потому что, въ латинскомъ языкѣ, имена женскаго рода не могутъ кончаться на слогъ no? Въ какой латинской грамматикѣ г. сочинитель нашелъ постоянное правило для именъ женскаго рода, и къ какому роду принадлежитъ имя Juno? Впрочемъ, объ этомъ говоримъ только мимоходомъ.

Прим. В—ва.

издатель Телеграфа. Народность отражается не въ картинахъ, принадлежащихъ какой либо особенной сторонѣ, но въ самихъ чувствахъ поэта, напитаннаго духомъ одного народа и живущаго, такъ сказать, въ развитіи, успѣхахъ и отдѣльности его характера. Не должно смѣшивать понятія народности съ выраженіемъ народныхъ обычаевъ: подобныя картины тогда только истинно намъ нравятся, когда онѣ оправданы гордымъ участіемъ поэта. Такъ напримѣръ, Шиллеръ, въ Вильгельмѣ Телѣ, переноситъ насъ не только въ новый міръ народнаго быта, но и въ новую сферу идей: онъ увлекаетъ, потому что пламеннымъ восторгомъ самъ принадлежитъ Швейцаріи.

Я противорѣчилъ г. Полевому на каждомъ шагу; но надѣюсь, что никто не припишетъ этого упрямству: со всей доброй волею, я не могъ ни въ чемъ съ нимъ согласиться. Предоставляя читателямъ судить о достоинствѣ антикритикъ, печатанныхъ въ Телеграфѣ, предлагаю имъ только на судъ мое мнѣніе. Онѣ всѣ, кажется мнѣ, писаны въ шутку; ибо кто же, не шутя, рѣшится опровергать свои собственныя мнѣнія, приписывать Гёте поэмы, которыхъ онъ никогда не писалъ, утверждать, что предметъ Похищеннаго локона взятъ изъ общежитія и проч. и проч. и проч.? Г. Полевой проститъ мнѣ многія шутки, но написавъ статью, въ которой я изложилъ нѣкоторую систему литературы, которая слѣдственно могла быть предметомъ литературнаго спора, и заставить съ обѣихъ сторонъ развивать и опредѣлять понятія, могъ ли я ожидать такого отвѣта, какимъ подарилъ меня издатель Телеграфа? Впрочемъ обѣщаю ему впередъ никогда не возставать противъ его замѣчаній; тѣмъ болѣе, что онъ самъ

въ началѣ своей статьи противъ меня объявляетъ, что замѣчанія его болѣе библіографическія, нежели критическія: теперь знаю, съ какой стороны должно о нихъ судить. Библіографъ извѣщаетъ о появленіи книгъ, описываетъ ихъ форматъ, обозначаетъ число листовъ и страницъ, типографію, цѣну и мѣсто продажи, а во всѣхъ сихъ случаяхъ, я готовъ всегда слѣпо вѣрить г. Полевому.

Москва. — *въ.*

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ВТОРОЙ ПѢСНИ ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА *

Съ Онѣгинымъ давно познакомились всѣ русскіе читатели, и намъ, нѣкоторымъ образомъ, уже поздно говорить о немъ; но, какъ издатели журнала, мы обязаны прибавить свой голосъ къ голосу общему и сказать о немъ хоть нѣсколько словъ. Вотъ наше мнѣніе.

Вторая пѣснь, по изобрѣтенію и изображенію характеровъ, несравненно превосходнѣе первой. Въ ней уже совсѣмъ исчезли слѣды впечатлѣній, оставленныхъ Байрономъ, и въ Сѣверной Пчелѣ напрасно сравниваютъ Онѣгина съ Чайльдъ-Гарольдомъ. Характеръ Онѣгина принадлежитъ нашему поэту и развитъ оригинально. Мы видимъ, что Онѣгинъ уже испытанъ жизнью; но опытъ поселилъ въ немъ не страсть мучительную, не ѣдкую и дѣятельную досаду, а ску-

---

* Этотъ отзывъ былъ присланъ Веневитиновымъ изъ Петербурга, въ редакцію «Московскаго Вѣстника», черезъ нѣсколько времени послѣ появленія въ свѣтъ второй пѣсни Онѣгина. Онъ напечатанъ въ № 4-мъ Моск. Вѣстн. за 1828 г. А. П.

ку, наружное безстрастіе, свойственное русской холодности (мы не говоримъ русской лѣни.) Для такого характера все рѣшаютъ обстоятельства. Если они пробудятъ въ Онѣгинѣ сильныя чувства, мы не удивимся;—онъ способенъ быть минутнымъ энтузіастомъ и повиноваться порывамъ души. Если жизнь его будетъ безъ приключеній, онъ проживетъ спокойно, разсуждая умно, а дѣйствуя лѣниво.—О стихахъ ни слова.—Если мы опоздали говорить о самомъ Онѣгинѣ, то хвалить стихи Пушкина и подавно поздно.

ПЕРЕВОДЫ.

ЕВРОПА.

(Отрывокъ изъ Герена)

Изслѣдователь исторіи человѣчества едва ли встрѣчаетъ явленіе, которое было бы такъ ясно и вмѣстѣ такъ затруднительно для объясненія, какъ преимущество собственное Европѣ предъ прочими частями свѣта. При самомъ безпристрастномъ сужденіи о достоинствѣ другихъ земель и народовъ, мы увидимъ истину несомнѣнную: что все благороднѣйшее, все превосходное во всѣхъ родахъ, чѣмъ только гордится человѣчество, прозябало или по крайней мѣрѣ дозрѣвало на почвѣ европейской. Множествомъ, красотою, разнообразіемъ естественныхъ произведеній, Азія и Африка преимуществуютъ предъ Европою; но во всемъ, что̀ есть произведеніе человѣка, народы европейскіе превосходятъ жителей другихъ частей свѣта. У нихъ семейственное общество, освящая союзъ о д н о г о мужчины съ о д н о ю женщиною, получило вообще то образованіе, безъ коего облагородствованіе столь многихъ способностей нашей природы кажется невозможнымъ. У нихъ преимущественно, и почти исключительно, образовались правленія въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ должны быть у народовъ, достигнувшихъ познанія правъ своихъ. Тогда какъ Азія, при всѣхъ перемѣнахъ великихъ го-

сударствъ, представляетъ намъ вѣчное возрожденіе деспотизма, на почвѣ европейской развернулось зерно представительныхъ правительствъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, которыя оттуда были перенесены и въ другія части свѣта. Положимъ, что простѣйшія открытія механическихъ искусствъ принадлежатъ частію востоку: но какъ усовершенствовали ихъ европейцы! Какъ далеко отъ станка на берегахъ Индуса до паровой прядильной машины, отъ указателя часовъ солнечныхъ до часовъ астрономическихъ, которые проводятъ мореплавателя чрезъ все пространство океана, отъ китайской Барки до британскаго Оркога. И если наконецъ обратимъ взоры на благороднѣйшія искусства, которыми человѣческая природа превзошла, такъ сказать, сама себя: какая разница между Юпитеромъ Фидіаса и индѣйскимъ идоломъ, между Преображеніемъ Рафаэля и твореніями Китайскаго живописца! Востокъ имѣлъ своихъ лѣтописцевъ, но никогда не произвелъ ни Тацита, ни Гиббона; имѣлъ своихъ пѣснопѣвцевъ и никогда не возвышался до критики; имѣлъ мудрецовъ, которые нерѣдко сильно дѣйствовали поученіями на своихъ народовъ; но Платонъ, Кантъ, не могли созрѣть на берегахъ Гангеса и Гоанго.

Менѣе ли заслуживаетъ удивленія то политическое преимущество, которымъ народы этой малой частицы земли, едва вышедши изъ состоянія дикаго, уже немедленно пользуются предъ обширными землями большихъ частей свѣта? И востокъ видѣлъ великихъ завоевателей; но только въ Европѣ возникли полководцы, которые изобрѣли науку воинскую, по всей справедливости, заслуживающую имя науки. Македонское царство, заключенное въ тѣсные предѣлы, едва воспрянуло отъ младенчества, какъ уже македоняне владычество-

вали на берегахъ Индуса и Нила. Наслѣдникомъ сего міродержавнаго народа былъ міродержавный градъ; Азія и Африка поклонились Цезарю. Напрасно и въ средніе вѣка, когда умственное превосходство европейцевъ, казалось, совершенно прекратилось, напрасно восточные народы старались поработить ее. Монголы проникли до Силезіи, только степи Россіи повиновались имъ нѣсколько времени; Арабы покушались наводнить западъ; мечъ Карла Мартела принудилъ ихъ довольствоваться одною частію Испаніи, а вскорѣ рыцарь франкскій, подъ знаменемъ креста, преслѣдовалъ ихъ въ ихъ собственномъ отечествѣ. Какъ ясно слава европейцевъ озарила міръ съ тѣхъ поръ, какъ открытія Колумба и Васки де Гама зажгли для нихъ утро счастливѣйшаго дня! Новый міръ дѣлается ихъ добычею; болѣе трети Азіи покорилось Россійской Державѣ; купцы береговъ Темзы и Зюйдерзее поработили Индію; если по сихъ поръ и удается османамъ удержать въ Европѣ ими похищенное, всегда ли, долго ли оно будетъ находиться въ ихъ владѣніи? Сознаемся, что завоеванія европейцевъ были сопряжены съ жестокостію; однакоже европейцы были не только тиранами міра: они были также его наставниками; кажется, съ ихъ успѣхами, всегда тѣсно соединяется образованіе народовъ, и если, во времена всеобщихъ превращеній, еще остается утѣшительная надежда для будущаго, то эта надежда не основана-ли на торжествѣ европейской образованности внѣ самой Европы?

Откуда это преимущество, это міродержавіе тѣсной Европы? Важная истина представляется здѣсь, какъ бы сама собою. Не дикая сила, не простой физическій перевѣсъ массы — умъ подарилъ ее первенствомъ, и если военное искусство европейцевъ и было основаніемъ ихъ владычества, то благоразумная

политика сохранила имъ оное. При всемъ томъ, это еще не отвѣтъ на вопросъ, насъ занимающій; ибо именно мы хотимъ знать, откуда произошло умственное превосходство европейцевъ? почему здѣсь именно, и здѣсь исключительно, способности человѣческой природы достигли столь обширнаго и столь прекраснаго развитія?

Всѣ старанія отвѣчать совершенно удовлетворительно на сей вопросъ были бы тщетны; явленіе въ себѣ самомъ слишкомъ богато, слишкомъ значительно. Всѣ охотно допустятъ, что оно не что иное, какъ послѣдствіе многихъ содѣйствующихъ причинъ. Нѣкоторыя изъ сихъ причинъ могутъ быть отдѣльно исчислены, могутъ слѣдовательно доставить нѣсколько доказательствъ. Но исчислить ихъ всѣ, показать, какъ каждая дѣйствовала сама собой въ оообенности, а всѣ совокупно — такой трудъ могъ бы совершить только тотъ умъ, которому бы дано было съ высшей точки, недосягаемой для смертнаго, обозрѣть всю ткань исторіи нашего рода, изслѣдовать ходъ и сцѣпленіе всѣхъ ея нитей.

Между тѣмъ важное обстоятельство представляется взорамъ, обстоятельство, на которое однакожь осторожный наблюдатель только съ робостію обратитъ свое вниманіе. Мы видимъ, что прочія части свѣта покрыты народами различнаго, почти вездѣ темнаго цвѣта (и если цвѣтъ опредѣляетъ племена, то и различныхъ племенъ), жители Европы, напротивъ того, принадлежатъ къ одному племени. Она не имѣетъ и не имѣла другихъ природныхъ жителей, кромѣ бѣлыхъ народовъ. *) Не отличается ли сіе бѣлое племя уже бо̀льшими

*) Цыганы чужіе народы; а къ какому племени, къ бѣлому ли, или къ желтому, должны быть причислены Лапландцы, это еще подвержено сомнѣнію

врожденными способностями? Не самыя-ли сіи способности и даютъ ему первенство предъ прочими? Вопросъ, котораго не разрѣшаетъ физіологія и на который только съ робостію отвѣчаетъ историкъ. Если мы скажемъ, что различіе организацій, которое мы въ столь многихъ отношеніяхъ замѣчаемъ при различіи цвѣтовъ, можетъ ускорить или замедлить развитіе умственныхъ способностей, кто будетъ утверждать противное? Съ другой стороны, кто можетъ доказать это вліяніе? Развѣ тотъ, кому бы удалось приподнять таинственный покровъ, скрывающій отъ взоровъ нашихъ взаимныя узы между тѣломъ и духомъ. Вѣроятно, однакожъ, мы откроемъ эту тайну: ибо какъ усиливается эта вѣроятность, когда мы вопрошаемъ о томъ Исторію! Значительное превосходство, которымъ во всѣ вѣка, во всѣхъ частяхъ свѣта, отличались бѣлые народы, есть дѣло рѣшеное, неоспоримое. Можно отвѣчать, что это было послѣдствіе внѣшнихъ причинъ, которыя имъ благопріятствовали; но всегда-ли такъ было, и отъ чего всегда такъ было? Почему темные народы, которые на сколько нибудь и выходили изъ состоянія варварства, достигали только имъ назначенной степени, степени, на которой равно остановился и Египтянинъ и Монголъ, Китаецъ и Индѣецъ? Отчего, слѣдуя тому же закону, и между ними, черные народы всегда отстаютъ отъ темныхъ и отъ желтыхъ? Если такіе опыты заставляютъ насъ вообще предположить въ нѣкоторыхъ отрасляхъ человѣческаго рода большія или меньшія способности, то они нимало не доказываютъ совершеннаго недостатка способностей въ тѣхъ изъ нашихъ братьевъ, которые темнѣе насъ, и никакъ не могутъ быть приняты за единственную причину. Это доказываетъ только то, что всѣ опыты доселѣ намъ извѣстные увѣряютъ насъ во

вліяніи цвѣта на развитіе способностей народовъ; но мы охотно благословимъ времена, которыя опровергнутъ этотъ опытъ, которыя представятъ намъ и Эѳіоповъ образованными.

Какъ бы то ни было, много-ли, мало-ли, заслуживаетъ вниманія сіе природное первенство жителей Европы, нельзя не признаваться въ томъ, что и физическое устройство сей части свѣта представляетъ собственныя выгоды, которыя не мало содѣйствуютъ къ объясненію занимающаго насъ явленія.

Почти вся Европа принадлежитъ сѣверному, умѣренному поясу; значительнѣйшія земли ея находятся между 40 и 60° С. Ш. Ближе къ сѣверу постепенно умираетъ природа. Такимъ образомъ, наша часть свѣта нигдѣ не представляетъ роскошнаго плодоносія тропическихъ земель, не имѣя также такого неблагодарнаго климата, который бы заставлялъ посвящать всю силу человѣка одной заботѣ о пропитаніи жизни. Вездѣ, гдѣ только не мѣшаютъ мѣстныя причины, Европа удобна для хлѣбопашества. Она приглашаетъ и нѣкоторымъ образомъ понуждаетъ своихъ жителей къ земледѣлію; ибо она столь же мало благопріятствуетъ жизни звѣролововъ, какъ и пастушеской. Если народы, ее населяющіе, въ извѣстныя времена и перемѣняли свои жилища, то они никогда не были собственно номадами. Они странствовали съ намѣреніемъ дѣлать завоеванія или поселяться въ другихъ мѣстахъ, куда привлекала ихъ добыча или бо̀льшее плодоносіе. Европейскій народъ никогда не жилъ подъ шатрами; равнины, покрытыя лѣсами, позволяли имъ строить хижины, необходимыя подъ небомъ болѣе суровымъ. Почвѣ и климату Европы совершенно предназначено пріучать къ постоянной дѣятельности, которая составляетъ источникъ всякаго благосостоянія. Положимъ, что Европа могла хвалиться только немногими от-

личными произведеніями, что, быть можетъ, и ни одно ей исключительно не принадлежало; положимъ, что благороднѣйшіе ея продукты были перенесены на почву ея изъ дальнихъ земель; съ другой стороны, это самое составляло необходимость воспитывать сіи чужеземные продукты. Такимъ образомъ, искусство долженствовало соединиться съ природою, и это соединеніе есть именно причина преуспѣвающаго образованія рода человѣческаго. Безъ напряженія человѣкъ не расширяетъ круга своихъ понятій; разумѣется, что сохраненіе жизни не должно также занимать всѣ его силы:—Европа по большей части одарена плодоносіемъ, достаточно вознаграждающимъ за труды; въ ней нѣтъ земли значительной, которая бы совсѣмъ лишена была онаго; въ ней нѣтъ песчаныхъ пустынь, какъ въ Аравіи и Африкѣ; а степи, (и тѣ обильно орошенныя рѣками), начинаются только съ восточныхъ земель. Горы посредственной величины пересѣкаютъ обыкновенно равнины; путешественникъ вездѣ видитъ пріятную смѣсь возвышенностей и долинъ, и если природа не является здѣсь въ роскошномъ убранствѣ жаркаго пояса, то, пробуждаясь весною, она облекается прелестію, чуждою однообразію земель тропическихъ.

Конечно большая часть средней Азіи пользуется обще съ Европою подобнымъ климатомъ, и можно спросить: почему же здѣсь не встрѣчаемъ тѣхъ же явленій, но видимъ совсѣмъ тому противныя? Здѣсь пастушескіе народы Татаріи и Монголіи, кочуя въ земляхъ своихъ, осуждены пребывать въ постоянномъ нравственномъ бездѣйствіи. Свойствами почвы своей, изобиліемъ горъ и равнинъ, числомъ судоходныхъ рѣкъ, а болѣе всего прибрежными землями, лежащими около Средиземнаго моря, Европа такъ разительно отличается отъ вы-

шеупомянутыхъ странъ, что одна температура воздуха (притомъ не совсѣмъ одинакая даже подъ тѣми же градусами широты: ибо въ Азіи холодъ чувствительнѣе) не можетъ никакъ служить поводомъ къ сравненію между сими частями свѣта.

Но изъ физическаго различія можно-ли вывести тѣ нравственныя преимущества, которыя были слѣдствіемъ вышезамѣченнаго усовершенствованія семейной жизни? Съ симъ усовершенствованіемъ начинается, нѣкоторымъ образомъ, исторія перваго просвѣщенія нашей части свѣта. Самое преданіе упоминаетъ, что Кекропсъ, оставивъ свою колонію между дикими жителями Аттики, былъ первымъ учредителемъ правомѣрныхъ браковъ: а кто не знаетъ уже изъ Тацита священнаго обычая Германцевъ, нашихъ предковъ? Одно-ли свойство климата замедляетъ, сравниваетъ постепенное развитіе обоихъ половъ и вливаетъ въ жилы мужчины кровь болѣе холодную? Или утонченное чувство, вложенное въ сердце Европейца самою природою, высшее нравственное благородство, опредѣляетъ соотношеніе обоихъ половъ? Какъ бы то ни было, кто не усматриваетъ важнаго вліянія отсюда проистекающаго. Не на семъ ли основаніи возвышается неразрушимая преграда между народами Востока и Запада? Подлежитъ ли сомнѣнію, что сіе усовершенствованіе семейственной образованности было необходимымъ условіемъ нашего общественнаго устройства? Повторимъ рѣшительно замѣчаніе, сдѣланное нами въ другомъ мѣстѣ: никакой народъ, у котораго позволялось многоженство, никогда не достигалъ свободнаго, благоустроеннаго правленія.

Однѣ-ли сіи причины рѣшили преимущество Европы? Присоединились-ли къ нимъ еще другія постороннія? Кто можетъ

опредѣлить это? При всемъ томъ безспорно, что вся Европа можетъ хвалиться симъ преимуществомъ. Если южные народы и опередили жителей Сѣвера, если сіи послѣдніе блуждали еще полудикими въ лѣсахъ своихъ, между тѣмъ какъ тѣ уже достигли своей зрѣлости, не смотря на это, они успѣли догнать своихъ предшественниковъ. Настало и ихъ время, то время, въ которое они съ вѣрнымъ чувствомъ самопознанія обратили взоры на южныхъ братьевъ своихъ. Эти замѣчанія приводятъ насъ сами собою къ важнымъ отличительнымъ свойствамъ, собственнымъ Югу и Сѣверу нашей части свѣта.

На двѣ части весьма неравныя, на южную и на сѣверную, раздѣляется Европа цѣпію горъ, которая хотя и раскинула многія отрасли къ Югу и Сѣверу, но въ главномъ направленіи простирается отъ Запада на Востокъ и доселѣ, по неизвѣстности высоты Тибетскихъ горъ, почитается высочайшею въ древнемъ свѣтѣ.—Сія цѣпь горъ есть хребетъ Альповъ, на западѣ соединяющійся съ Пиренейскими горами посредствомъ Севенскихъ и простирающійся на востокъ, Карпатскою цѣпію и Балканомъ, до береговъ Чернаго моря. Она отдѣляетъ три выдавшіеся къ Югу полуострова, Пиренейскій, Италію и Грецію, вмѣстѣ съ южною частію Франціи и Германіи, отъ твердой земли Европы, простирающейся къ сѣверу далѣе полярнаго круга. Сія послѣдняя, гораздо пространнѣйшая половина, заключаетъ въ себѣ почти всѣ главнѣйшія рѣки сей части свѣта, исключая Эбро, Рону, По и еще тѣ нѣсколько значительныя для судоходства рѣки, которыя вливаютъ волны свои въ Средиземное море. Никакая другая цѣпь горъ нашей земли не была столь важна для исторіи нашего рода, какъ цѣпь Альповъ. Въ продолженіи многихъ столѣтій, она раздѣляла, такъ сказать, два міра.

Подъ небомъ Греціи и Гесперіи, давно уже благоухали прекраснѣйшіе цвѣты просвѣщенія, когда въ лѣсахъ Сѣвера еще скитались разсѣянныя племена варваровъ. То ли бы возвѣстила намъ исторія Европы, если бы твердыня Альпійскихъ горъ, вмѣсто того чтобы простираться близь Средиземнаго моря, протянулась по берегамъ Сѣвернаго? Конечно сія граница кажется менѣе важною въ наше время; предпріимчивый умъ европейцевъ проложилъ себѣ путь чрезъ Альпы, такъ какъ онъ проложилъ себѣ оный чрезъ Океанъ; но много значила она въ томъ періодѣ, который занимаетъ насъ въ древности — когда сѣверъ отдѣлялся отъ юга физически, нравственно и политически. Долго сія цѣпь горъ служила благотворной обороною одному противъ другаго, и хотя Цезарь, разрывая наконецъ сіи преграды, и раздвинулъ нѣсколько политическія границы, но какое рѣзкое и продолжительное различіе видимъ мы между Римскою и не Римскою Европою.

И такъ одинъ югъ нашей части свѣта можетъ занимать насъ въ настоящихъ изслѣдованіяхъ. Если онъ былъ ограниченъ въ своемъ пространствѣ, если онъ по видимому едва былъ помѣстителенъ для сильныхъ народовъ, то за то былъ онъ достаточно вознагражденъ климатомъ и положеніемъ. Кто изъ сыновей сѣвера, спускаясь съ южной стороны Альповъ, не былъ пораженъ чувствомъ новой природы, его окружающей? Неужели эта лазурь, болѣе ясная на небѣ Гесперіи и Греціи, это дыханіе воздуха болѣе теплое, этотъ рисунокъ горъ болѣе округленный, эта прелесть утесистыхъ береговъ и островов, этотъ сумракъ лѣсовъ, блистающихъ золотыми плодами, неужели все это существуетъ въ однѣхъ пѣсняхъ стихотворцевъ? Здѣсь, хотя далеко отъ земель тропическихъ,

уже угадываешь ихъ прелесть. Въ южной Италіи уже произрастаетъ алое въ дикомъ состояніи; Сицилія уже производитъ сахарный тростникъ; съ вершины Этны взоръ уже открываетъ утесистый островъ Мальту, гдѣ созрѣваетъ финиковая пальма, а въ синей дали и берега близкой Африки*). Здѣсь природа нигдѣ не является въ этомъ однообразіи, которое такъ долго ограничивало умы народовъ, населявшихъ лѣса и равнины сѣвера. Въ сихъ странахъ вездѣ смѣняются горы посредственной величины пріятными долинами, которыя Помона ущедрила прекраснѣйшимя дарами. Если ограниченное пространство сихъ земель и не вмѣщаетъ большихъ судоходныхъ рѣкъ, то какъ вознаграждаютъ ихъ за этотъ недостатокъ обширные берега, богатые заливами! Средиземное море принадлежитъ южной Европѣ и единственно посредствомъ Средиземнаго моря содѣлались народы запада тѣмъ, чѣмъ они были. Замѣните ее степью, и мы по сихъ поръ остались бы кочующими татарами, монголами запоздалыми, какъ эти номады средней Азіи.

Изъ всѣхъ народовъ юга, только три могутъ занять насъ: греки, македоняне и римляне, завоеватели Италіи, а вскорѣ и вселенной. Мы назвали ихъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ они являются въ исторіи народами первенствующими, хотя различнымъ образомъ. Мы послѣдуемъ тому же порядку въ ихъ изображеніи.

---

*) Bartel. Путешествіе по Сициліи.

СЦЕНЫ ИЗЪ ЭГМОНТА.

(ГЕТЕ)

Дворецъ Правительницы.

МАРГАРИТА ПАРМСКАЯ, *въ охотничьей одеждѣ,* ПРИДВОРНЫЕ, ПАЖИ, СЛУГИ.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Распустите охотниковъ: я сегодня не выѣзжаю. Скажите Махіавелю, чтобъ онъ пришелъ ко мнѣ.

(всѣ удаляются).

Мысль объ этихъ ужасныхъ происшествіяхъ не даетъ мнѣ покоя. Ничто меня не тѣшитъ, ничто не разсѣетъ; все тѣ же картины предо мной, все тѣ же заботы. Знаю впередъ, король скажетъ, что это слѣдствіе моего добросердечія, моей слабости, а совѣсть ежеминутно говоритъ мнѣ, что я сдѣлала все нужное, все лучшее. И что жъ было мнѣ дѣлать? Усилить, разнести повсюду этотъ пламень бурею гнѣва? Я думала поставить пожару границы и этимъ потушить его. Такъ! то, что я повторяю себѣ самой, то, въ чемъ я убѣдилась, конечно, въ глазахъ моихъ, меня оправдываетъ; но братъ мой, — какъ приметъ онъ такія извѣстія? А можно ли скрыть ихъ? — Съ каждымъ днемъ возрастала гордыня пришельцевъ— учителей; они ругались надъ нашею святыней, обворожили грубыя чувства народа; предали его духу блужденія. Духи нечистые поселились между возмутителями, и что жъ? Мы были свидѣтелями дѣлъ ужасныхъ, о которыхъ и думать нельзя

безъ содраганія. Я должна подробно увѣдомить о нихъ дворъ — подробно, не теряя времени, — не то предупредитъ меня всеобщая молва, и король подумаетъ, что мы отъ него скрываемъ еще бо̀льшіе ужасы. — Не вижу никакого средства, ни строгаго, ни кроткаго, отвратить зло.

(входитъ Махіавель).

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Гото̀вы ли письма къ королю?

МАХІАВЕЛЬ.

Чрезъ часъ я представлю ихъ вамъ для подписанія.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Обстоятельно ли описалъ ты происшествія?

МАХІАВЕЛЬ.

Подробно и обстоятельно, какъ любитъ король. Разсказываю, какъ сперва въ с. Оменѣ открылся гнусный замыселъ истребить иконы; какъ бѣшеныя толпы съ палками, топорами, молотами, лѣстницами, веревками, сопровождаемыя немногими вооруженными людьми, нападали на часовни, на церкви и монастыри, разгоняли молельщиковъ, выламывали ворота, опрокидывали алтари, разбивали святые лики, обдирали иконы, ловили, рвали, топтали все принадлежащее къ святынѣ; какъ между тѣмъ возрастало число бунтующихъ, и жители Иперна открыли имъ ворота города; какъ они съ неимовѣрной быстротою опустошили соборную церковь и сожгли библіотеку епископа; какъ потомъ многочисленная толпа народа, влекомая тѣмъ же безуміемъ, устремилась на Мепинъ, Коминесъ, Фервикъ, Лилль, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія

и какъ, въ одно мгновеніе, почти во всей Фландріи обнаружился и исполнился ужаснѣйшій заговоръ.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Ахъ! описаніе твое возобновило все мое горе! Къ тому же мучитъ меня и страхъ, что зло будетъ возрастать болѣе и болѣе. Скажи, Махіавель, что ты думаешь?

МАХІАВЕЛЬ.

Извините, ваше высочество: мои мысли такъ похожи на бредъ. Вы всегда были довольны моими услугами, но весьма рѣдко слѣдовали моимъ совѣтамъ. Часто говорили вы мнѣ въ шутку: „Ты слишкомъ смотришь вдаль, Махіавель. Тебѣ быть бы историкомъ. Кто дѣйствуетъ, тотъ заботится только о настоящемъ.“ И чтожъ? Не предвидѣлъ ли я, не предсказывалъ ли всѣхъ этихъ ужасовъ?

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Я тоже многое предвижу и не нахожу способа отвратить зло.

МАХІАВЕЛЬ.

Однимъ словомъ: вамъ не подавить новаго ученія. Не гоните его приверженцевъ, отдѣлите ихъ отъ правовѣрныхъ, дайте имъ церкви, примите ихъ въ число гражданъ, ограничьте права ихъ, и такимъ образомъ вы однимъ разомъ усмирите возмутителей. Всѣ прочія средства будутъ напрасны, и вы безъ пользы опустошите землю.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Развѣ ты забылъ, въ какое негодованіе привелъ брата моего одинъ вопросъ: можно ли терпѣть новое ученіе? Ты

знаешь, что онъ въ каждомъ письмѣ поручаетъ мнѣ всѣми силами поддерживать истинное вѣроисповѣданіе? Что онъ не хочетъ пріобрѣсти спокойствіе и согласіе на счетъ религіи? Развѣ въ провинціяхъ у него нѣтъ шпіоновъ, которыхъ мы совсѣмъ не знаемъ и которые разыскиваютъ, кто именно склоняется къ новымъ мнѣніямъ? Не изумлялъ ли онъ насъ часто, открывая намъ внезапно, что люди, къ намъ близкіе, тайно приставали къ ереси? Не приказывалъ ли онъ мнѣ быть строгою, непреклонною? — А я буду употреблять мѣры кротости? Я буду совѣтывать ему терпѣть, миловать? Не лучшій ли это способъ лишиться его довѣренности?

МАХІАВЕЛЬ.

Я очень знаю, король приказываетъ, король сообщаетъ вамъ свои намѣренія. Вы должны возстановить миръ и тишину такими средствами, которыя еще болѣе ожесточатъ умы и зажгутъ неизбѣжно войну повсемѣстную. Подумайте о томъ, что вы дѣлаете. Купечество заражено: дворянство, народъ, солдаты — также. Къ чему упорствовать въ своихъ мысляхъ, когда все вокругъ насъ измѣняется? Ахъ! еслибъ добрый геній шепнулъ Филиппу, что королю приличнѣе управлять подданными двухъ различныхъ исповѣданій, нежели одну половину царства истреблять другою!

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Впередъ чтобъ я этого не слыхала. Я знаю, что политика рѣдко согласуется съ правилами вѣры и честности, что она изгоняетъ изъ сердца откровенность, добродушіе и кротость. Дѣла свѣтскія, къ несчастію, слишкомъ ясно доказываютъ эту истину. Но неужели мы должны играть Богомъ, какъ играемъ другъ другомъ? Неужели мы должны быть

равнодушными къ истинному ученію предковъ, за которое столь многіе жертвовали жизнію? И это ученіе промѣняемъ мы на чужія, невѣрныя нововведенія, которыя сами себѣ противорѣчатъ!

МАХІАВЕЛЬ.

По этимъ словамъ, не сомнѣвайтесь въ моихъ правилахъ.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Я знаю тебя, знаю твою вѣрность, и знаю, что человѣкъ можетъ быть и честенъ и благоразуменъ, забывая иногда ближайшую дорогу къ спасенію души своей. Не ты одинъ Махіавель; есть еще и другіе, которыхъ я должна любить и порицать.

МАХІАВЕЛЬ.

На кого намекаете вы мнѣ?

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Признаюсь тебѣ, Эгмонтъ чрезвычайно огорчилъ меня сегодня.

МАХІАВЕЛЬ.

Чѣмъ же?

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Чѣмъ? обыкновенно чѣмъ: своею холодностью, своимъ легкомысліемъ. Я получила ужасное извѣстіе въ то самое время, какъ выходила изъ церкви, сопровождаемая многими и въ томъ числѣ Эгмонтомъ. Я не могла владѣть своей печалію, не могла скрыть ее и громко сказала, обращаясь къ нему: вотъ что происходитъ въ вашей провинціи! и вы это терпите, графъ! вы, на котораго король полагалъ всю свою надежду?

МАХІАВЕЛЬ.

И что же отвѣчалъ онъ?

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Онъ отвѣчалъ мнѣ, какъ будто бы я говорила о бездѣлицѣ, о дѣлѣ постороннемъ. Лишь бы нидерландцы не боялись за свои права, — все прочее придетъ само собою въ порядокъ.

МАХІАВЕЛЬ.

Быть можетъ, въ этихъ словахъ болѣе истины, нежели приличія и благочестія. Можетъ ли существовать довѣренность, когда нидерландецъ видитъ, что дѣло идетъ болѣе объ его имуществѣ, нежели объ истинномъ его благѣ — о спасеніи души его? Всѣ эти новые епископы спасли ли столько душъ, сколько ограбили жителей? Не всѣ ли почти они иноземцы? По сихъ поръ, мѣста Штатгальтерскія заняты еще нидерландцами, но не ясно ли видно, что ненасытные испанцы алкаютъ завладѣть сими мѣстами? Не лучше-ли народу видѣть въ правителѣ своего же соотечественника, вѣрнаго роднымъ обычаямъ, чѣмъ иноземца, который напередъ старается разбогатѣть на счетъ другихъ, все мѣряетъ своимъ чужестраннымъ аршиномъ и господствуетъ безъ пріязни, безъ участія къ своимъ подданнымъ?

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Ты стоишь за нашихъ противниковъ.

МАХІАВЕЛЬ.

Нѣтъ! по сердцу конечно не за нихъ. Я бы желалъ чтобъ и разсудокъ былъ совершенно за насъ.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Если такъ, то мнѣ бы должно уступить имъ правленіе.

Эгмонтъ и Оранскій очень тѣшились надеждою занять кое мѣсто. Тогда были они противники; теперь они заодно противъ меня; они стали друзья, друзья неразрывные.

МАХІАВЕЛЬ.

И друзья опасные.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Сказать тебѣ откровенно? Я боюсь Оранскаго и боюсь за Эгмонта. Недоброе замышляетъ Оранскій; мысли его всегда устремлены вдаль; онъ скрытенъ, на все, кажется, согласенъ, никогда не противорѣчитъ и съ видомъ глубокой почтительности, съ величайшей осторожностью, всегда дѣлаетъ все, что хочетъ.

МАХІАВЕЛЬ.

Эгмонтъ, напротивъ, дѣйствуетъ свободно, какъ будто бы весь міръ ему принадлежитъ.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Онъ такъ высоко носитъ голову, какъ будто бы не висѣла надъ нимъ рука царская.

МАХІАВЕЛЬ.

Вниманіе всего народа обращено на него; онъ покорилъ себѣ сердца всѣхъ.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Никогда не боялся онъ навлечь на себя подозрѣніе, какъ будто уже некому требовать отъ него отчета. До сихъ поръ носитъ онъ имя Эгмонта; ему пріятно называться Эгмонтомъ.

какъ будто не хочетъ забыть, что предки его были владѣтелями Гельдерна. Зачѣмъ не называется онъ принцемъ Гаврскимъ, какъ ему слѣдуетъ? Зачѣмъ это? Или онъ хочетъ возстановить права забытыя?

МАХІАВЕЛЬ.

Я считаю его вѣрнымъ слугою короля.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

О! еслибъ онъ хотѣлъ, какъ легко могъ бы онъ заслужить благодарность привительства, вмѣсто того, чтобы такъ часто огорчать насъ до крайности безъ всякой собственной пользы. Его сборища, его пиры и празднества связали, сроднили дворянъ между собою тѣснѣе, нежели опаснѣйшія тайныя общества. Вино, которое лилось у него за здравіе, надолго вскружило головы гостямъ, и пары его никогда не разсѣются. Какъ часто своими шутками приводилъ онъ въ движеніе умы народа, и мало ли удивлялась толпа новымъ его ливреямъ и нелѣпымъ одеждамъ его прислужниковъ.

МАХІАВЕЛЬ.

Я увѣренъ, что все это было безъ намѣренія.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Это и несчастно. Опять повторяю: онъ намъ вредитъ, а себѣ пользы не приноситъ. Онъ дѣла важныя почитаетъ шутками, а мы, чтобъ не казаться праздными и слабыми, мы должны самыя шутки считать дѣлами важными. Такимъ образомъ, одно возбуждаетъ другое, и то, что стараешься отвратить, то именно дѣлается неизбѣжнымъ. Онъ опаснѣе, нежели

иной рѣшительный глава заговора, и я почти увѣрена, что при дворѣ уже во всемъ его подозрѣвали. Признаюсь откровенно: мало проходитъ времени, чтобъ онъ меня не огорчалъ, не огорчалъ до крайности.

МАХІАВЕЛЬ.

Мнѣ кажется, онъ во всемъ дѣйствуетъ по своей совѣсти.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Совѣсть его все показываетъ ему въ зеркалѣ обманчивомъ. Поведеніе его часто обидно. Онъ часто ведетъ себя какъ человѣкъ, который совершенно увѣренъ въ превосходствѣ своей силы, и только изъ снисхожденія не даетъ намъ ее чувствовать, не хочетъ прямо выгнать насъ изъ государства, и потому старается все сладить мирнымъ образомъ.

МАХІАВЕЛЬ.

Нѣтъ! его искренность, его счастливый характеръ, который легко судитъ о самыхъ важныхъ дѣлахъ, не такъ опасны, какъ вы воображаете. Вы этимъ только вредите ему и себѣ.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Я ничего не воображаю. Говорю только о слѣдствіяхъ неизбѣжныхъ, и знаю его. Званіе нидерландскаго дворянина, орденъ золотаго Руна на груди: вотъ что усиливаетъ его самоувѣренность, его смѣлость. Оба сіи преимущества могутъ служить ему защитою противъ прихоти и гнѣва царя. Разбери внимательно: не онъ ли одинъ виновникъ всѣхъ несчастій, которыя теперь постигли Фландрію? Онъ, съ самаго начала, не преслѣдовалъ лжеучителей, не обращалъ на нихъ

вниманія; онъ, быть можетъ, тайно и радовался, что намъ готовятся новыя заботы. Постой, постой: все, что лежитъ на сердце, все выдью я наружу при этомъ случаѣ. Не даромъ пущу я стрѣлу; я знаю его слабую сторону, и онъ умѣетъ чувствовать.

МАХІАВЕЛЬ.

Созвали-ли вы совѣтъ? Будетъ ли и Оранскій?

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Я послала за нимъ въ Антверпенъ. Сложу, сложу на ихъ плеча все бремя отчета; пусть они, вмѣстѣ со мною, дѣятельно воспротивятся злу или также подымутъ знамя возмущенія. Иди, докончи скорѣе письма, и я подпишу ихъ; тогда ты, не медля, отправишь Васку въ Мадритъ; Васка на дѣлѣ доказалъ свою неутомимость, свою преданность. Пусть братъ мой черезъ него получитъ Фландрскія извѣстія, прежде нежели онѣ дойдутъ до него молвою. Я сама хочу видѣть его до его отъѣзда.

МАХІАВЕЛЬ.

Ваши приказанія будутъ исполнены скоро и точно.

МѢЩАНСКІЙ ДОМЪ.

КЛАРА, МАТЬ ЕЯ, БРАКЕНБУРГЪ.

КЛАРА.

Что-же, Бракенбургъ? ты не хочешь подержать мнѣ мотокъ?

БРАКЕНБУРГЪ.

Пожалуйста избавь меня отъ этого, милая Клара.

КЛАРА.

Что съ нимъ опять сдѣлалось? За что отказывать мнѣ въ маленькой услугѣ, когда прошу тебя изъ дружбы?

БРАКЕНБУРГЪ.

Я, какъ вкопаный, долженъ стоять передъ тобой съ нитками такъ, что отъ взглядовъ твоихъ нѣтъ спасенія.

КЛАРА.

Экой бредъ! держи, держи.

МАТЬ.

(сидя въ креслахъ и продолжая вязать чулокъ).

Спойте-же что нибудь. Бракенбургъ такъ мило подпѣваетъ. Бывало, вы всегда такъ веселы, и мнѣ всегда есть чему посмѣяться.

БРАКЕНБУРГЪ.

Бывало.

КЛАРА.

Ну, давай пѣть.

БРАКЕНБУРГЪ.

Чтò хочешь?

КЛАРА.

Но только живѣе. Споемъ солдатскую пѣсенку, мою любимую.

(Она мотаетъ нитки и поетъ вмѣстѣ съ Бракенбургомъ).

Стучатъ барабаны!
Свистокъ заигралъ!
Съ дружиною бранной
Мой другъ поскакалъ.
Онъ скачетъ, качаетъ
Большое копье —
Съ нимъ сердце мое!
О что я не воинъ!
Чтò нѣтъ у меня
Копья и коня!

За нимъ бы помчалась
Въ далеки края,
И съ нимъ бы сражалась
Безъ трепета я.
Враги пошатнулись —
За ними во слѣдъ:
Пощады имъ нѣтъ!
О смѣлый мущина!
Кто равенъ тебѣ
Въ счастливой судьбѣ?

(Бракенбургъ, въ продолженіи пѣсни, нѣсколько разъ взглядывалъ на Клару. Наконецъ голосъ его задрожалъ, глаза залились слезами; онъ роняетъ мотокъ и подходитъ къ окошку. Клара од-

на допѣвает пѣсню. Мать съ досадою дѣлаетъ ей знакъ; она встаетъ, приближается на нѣсколько шаговъ къ Бракенбургу, но возвращается въ нерѣшимости и садится).

МАТЬ.

Что тамъ за шумъ на улицѣ, Бракенбургъ? Мнѣ слышится, будто идутъ войска.

БРАКЕНБУРГЪ.

Лейбъ-гвардія правительницы.

КЛАРА.

Въ эту пору! Что это значитъ? Нѣтъ! это не вседневное число солдатъ; тутъ ихъ гораздо больше! Почти всѣ полки. Ахъ, Бракенбургъ! поди послушай, что тамъ дѣлается. Вѣрно что нибудь необыкновенное. Поди, мой милый; поди пожалуйста.

БРАКЕНБУРГЪ.

Иду и тотчасъ ворочусь.
(Уходя, протягиваетъ ей руку, она подаетъ ему свою).

МАТЬ.

Ты опять его отсылаешь?

КЛАРА.

Я любопытна. И притомъ, признаюсь вамъ, меня мучитъ его присутствіе. Я не знаю, какъ съ нимъ обращаться. Я передъ нимъ виновата, и мнѣ больно видѣть, что онъ это такъ живо чувствуетъ. — А мнѣ что дѣлать? какъ бѣдѣ помочь?

МАТЬ.

Онъ такой вѣрный малый.

КЛАРА.

Я также не могу отвыкнуть дружески встрѣчать его. Рука моя сама собою сжимается, когда онъ тихо кладетъ въ нее свою руку. Я сама браню себя за то, что его обманываю, что питаю въ сердцѣ его надежду напрасную. Мученье мнѣ, мученье! Клянусь Богомъ, я его не обманываю, я не хочу, чтобъ онъ надѣялся, и не могу однакожъ видѣть его въ отчаяніи.

МАТЬ.

Не хорошо, не хорошо.

КЛАРА.

Я любила его и, по сихъ поръ, желаю ему добра отъ всей души. Я бы согласилась выдти за него замужъ, а кажется никогда влюблена въ него не была.

МАТЬ.

Ты могла бы съ нимъ быть счастлива.

КЛАРА.

То есть безъ заботъ, могла бы жить покойно.

МАТЬ

И все это прогуляла ты по своей собственной винѣ.

КЛАРА.

Я нахожусь въ странномъ положеніи. Когда мнѣ придетъ

въ голову спросить себя, какъ все это сдѣлалось; я хоть и знаю, да не понимаю, а взгляну только на Эгмонта — и все становится мнѣ понятнымъ; охъ! при немъ, для меня и не это одно понятно. Что за человѣкъ! онъ Богъ въ глазахъ всѣхъ провинцій; а мнѣ, въ объятіяхъ его, не считаться счастливѣйшимъ созданіемъ въ мірѣ!

МАТЬ.

Что-то готовитъ будущее?

КЛАРА.

Ахъ! у меня только одна забота: любитъ-ли онъ меня. А мнѣ ли это спрашивать?

МАТЬ.

Отъ дѣтей только и наживаешь что хлопотъ, да горе: Чѣмъ-то это кончится. Все тоска, да тоска. Нѣтъ! не добромъ это кончится! Ты и себя, и меня, сдѣлала несчастною.

КЛАРА

(хладнокровно).

Сначала вы сами позволяли.

МАТЬ.

Къ несчастію, я была слишкомъ добра, я всегда слишкомъ добра.

КЛАРА.

Когда бывало Эгмонтъ ѣдетъ мимо насъ, а я побѣгу къ окну, бранили ли вы меня? Не подходили ли сами къ окну? И когда онъ смотрѣлъ на насъ, улыбался, махалъ мнѣ ру-

кою и кланялся, гнѣвались ли вы? Не сами ли радовались, что дочка дожила до такой части?

МАТЬ.

Упрекай еще меня кстати.

КЛАРА.

(съ чувствомъ).

Когда онъ сталъ чаще проѣзжать пашей улицей, и мы очень чувствовали, что онъ это дѣлалъ для меня, не сами ли вы это замѣтили съ тайной радостью? Вы не запрещали мнѣ стоять у окна и поджидать его.

МАТЬ.

Могла ли я думать, что шалость завлечетъ тебя такъ далеко.

КЛАРА.

(дрожащимъ голосомъ, но удерживая слезы).

А помните, вечеромъ, какъ онъ вдругъ явился весь закутанъ въ епанчѣ и засталъ насъ за столомъ у ночника: кто принялъ его, когда я сидѣла безъ памяти, и какъ бы прикованная къ столу?

МАТЬ.

Могла ли я бояться, что умная моя Клара такъ скоро предастся этой несчастной любви? Теперь должно терпѣть, чтобы дочь моя....

КЛАРА.

(заливаясь слезами).

Матушка! вы хотите терзать меня! вы радуетесь моему мученію.

МАТЬ.

(плачетъ).

Плачь еще, плачь! Огорчай меня еще болѣе своимъ отчаяньемъ! И такъ ужь мнѣ тоски довольно. И такъ довольно прискорбно видѣть, что дочь моя, дочь единственная, всѣми отвержена.

КЛАРА

(вставая и холодно).

Отвержена! любовница Эгмонтова отвержена! Какая женщина не позавидуетъ участи бѣдной Клары! Ахъ матушка, любезная матушка! вы никогда такъ не говорили. Успокойтесь, матушка, примиритесь со мною... Что говоритъ народъ? Что шепчутъ сосѣдки?.. Нѣтъ! эта комнатка, этотъ домикъ— они стали раемъ съ тѣхъ поръ, какъ обитаетъ въ нихъ любовь Эгмонтова.

МАТЬ.

Его нельзя не любить. Это правда. Онъ всегда такъ привѣтливъ, такъ открытъ и свободенъ.

КЛАРА.

Въ его жилахъ нѣтъ ни капли нечистой крови. Подумайте сами, матушка. Эгмонтъ великъ и славенъ; а когда ко мнѣ придетъ — онъ такъ милъ, такъ добросердеченъ. Онъ всѣмъ бы мнѣ пожертвовалъ—и чиномъ своимъ, и храбростію. Онъ мною такъ занятъ! Онъ тутъ просто человѣкъ, просто другъ, ахъ! просто любовникъ.

МАТЬ.

Сегодня будетъ ли онъ?

КЛАРА.

Развѣ вы не замѣтили, какъ я часто подбѣгаю къ окошку? Какъ вслушиваюсь, когда что нибудь зашумитъ за дверью? Хотя и знаю я, что онъ до ночи не приходитъ, однакожь всякую минуту жду его съ самаго утра — какъ только встану. За чѣмъ я не мальчикъ? Я всегда бы съ нимъ ходила — и при дворѣ и вездѣ! и въ сраженіи я понесла бы за нимъ знамя.

МАТЬ.

Ты всегда была вертушкой. Бывало еще ребенкомъ, то рѣзва безъ памяти, то задумчива. — Неужели ты не одѣнешься немного получше?

КЛАРА.

Можетъ статься, матушка. Если мнѣ будетъ скучно, то одѣнусь. Вчера — подумайте — прошло нѣсколько изъ его солдатовъ: они пѣли ему похвальныя пѣсни. Покрайней мѣрѣ, они въ пѣсняхъ поминали его имя; прочаго я не поняла. Сердце у меня такъ и рвалось изъ груди; и если бы не стыдъ остановилъ, я бы охотно ихъ воротила.

МАТЬ.

Смотри, остерегайся. Твое пламенное сердце тебя погубитъ. Ты явно изобличаешь себя передъ честными людьми. Какъ намедни у дяди — увидѣла картинку съ описаніемъ и вдругъ вскричала: графъ Эгмонтъ! — Я вся покраснѣла.

КЛАРА.

Какъ мнѣ не вскрикнуть! Это было Гравелингское сраженіе. Вверху на картинкѣ вижу букву *C*, ищу *C* въ опи-

саніи, и что же? тамъ написано: графъ Эгмонтъ, подъ которымъ убита лошадь. Я обмерла, но потомъ невольно разсмѣялась, какъ увидѣла напечатаннаго Эгмонта, который ростомъ съ башню Гравелингскую и не меньше англійскихъ кораблей, представленныхъ въ сторонѣ. Когда я вспомню, какъ бывало я представляла себѣ сраженіе, и какъ воображала себѣ графа Эгмонта въ то время, какъ вы разсказывали о немъ и прочихъ графахъ и князьяхъ; когда вспомню и сравню эти картины съ нынѣшними своими чувствами.....

(Бракенбургъ входитъ.)

КЛАРА.

Что новаго?

БРАКЕНБУРГЪ.

Никто ничего не знаетъ вѣрнаго. Говорятъ, что во Фландріи было недавно возмущеніе, и что Правительница должна смотрѣть, какъ бы и здѣсь оно не распространилось. Зàмокъ окруженъ войсками; у воротъ толпятся граждане; улицы кипятъ народомъ. Поспѣшу къ старику своему, къ отцу.

(Будто хочетъ идти.)

КЛАРА.

Завтра увидимъ тебя? Я хочу немного лучше одѣться. Къ намъ будетъ дядя, а я такъ неопрятна.—Матушка, помогите мнѣ на минуту.—Возьми съ собою книгу, Бракенбургъ, и принеси мнѣ еще такую же повѣсть.

МАТЬ.

Прощай.

БРАКЕНБУРГЪ.

(подавая руку Кларѣ).

Ручку.

КЛАРА

(отказываясь).

Когда воротишься.

(Мать уходитъ съ дочерью.)

БРАКЕНБУРГЪ.

(одинъ).

Рѣшился тотчасъ же идти; но она на это согласна, она равнодушно отпускаетъ, и я готовъ взбѣситься. — Несчастный! И тебя не трогаетъ судьба отечества! Ты хладнокровно видишь возрастающій мятежъ! Для тебя все равно, что Испанецъ, что землякъ, что власть, что право? Таковъ ли я былъ мальчикомъ въ училищѣ? Когда намъ задали написать „рѣчь Брута о свободѣ“, для упражненія въ краснорѣчіи, кто былъ первый, какъ не Фрицъ? и что же сказалъ Ректоръ? — „Если бъ только больше было порядка, да не такъ все перемѣшано.“ — Тогда сердце кипѣло и рвалось. Теперь, волочусь за этой дѣвушкой, какъ будто прикованъ къ глазамъ ея. И не могу ее оставить! И не можетъ она любить меня! Ахъ! Нѣтъ! и не совсѣмъ она меня разлюбила! — Какъ не совсѣмъ? Нисколько, нисколько не разлюбила! она все таже.... И все пустое. — Долѣе не стерплю, не могу терпѣть. Или повѣрить тому, что шепнулъ мнѣ на дняхъ пріятель? — что она ночью впускаетъ къ себѣ мущину, она, которая всегда выгоняетъ меня изъ дому, какъ только начнетъ смеркаться. Нѣтъ! это ложь, ложь постыдная, проклятая. Клара моя также невин-

на, какъ я несчастливъ. Она разлюбила меня; для меня нѣтъ мѣста въ ея сердцѣ.—И мнѣ влачить такую жизнь! Я сказалъ, не стану, не могу терпѣть долѣе. Отечество мое безпрерывно раздираютъ междоусобныя войны, а я.... буду смотрѣть, какъ полумертвый, на эти раздоры? Нѣтъ, я не стерплю. — Когда зазвучитъ труба, когда раздастся выстрѣлъ: по мнѣ пробѣжитъ холодная дрожь. И меня не тянетъ летѣть своимъ на помощь, за одно съ ними броситься въ опасности! — Несчастное, позорное состояніе! Лучше умереть разомъ! Давно ли бросился я въ воду? — пошелъ ко дну, и что же? природа съ своимъ страхомъ одержала верхъ, я чувствовалъ, что могу плыть, и спасся нехотя. — Если бы могъ я хоть забыть то время, въ которое она меня любила, или тѣшила любовью! За чѣмъ это счастіе врѣзалось въ сердце, врѣзалось въ память? Зачѣмъ эти надежды, указывая на отдаленный рай, отравили для меня всѣ наслажденія жизни?—А первый поцѣлуй? Ахъ! первый и послѣдній! Здѣсь... (положивъ руку на столъ) здѣсь сидѣли мы одни. Она всегда была ко мнѣ ласкова. Тутъ показалось, что она была нѣжнѣе обыкновеннаго. Взглянула на меня — все около меня закружилось и я чувствовалъ, что губы ея горѣли на моихъ.—А теперь.... теперь?—Умри несчастный! къ чему страхъ и сомнѣнья? (вынимаетъ изъ кармана скл[illegible]нку). Недаромъ я укралъ тебя изъ ящика брата доктора, ядъ спасительный! Ты все разсѣешь: и б[illegible]іе, и мучительное предчувствіе смерти.